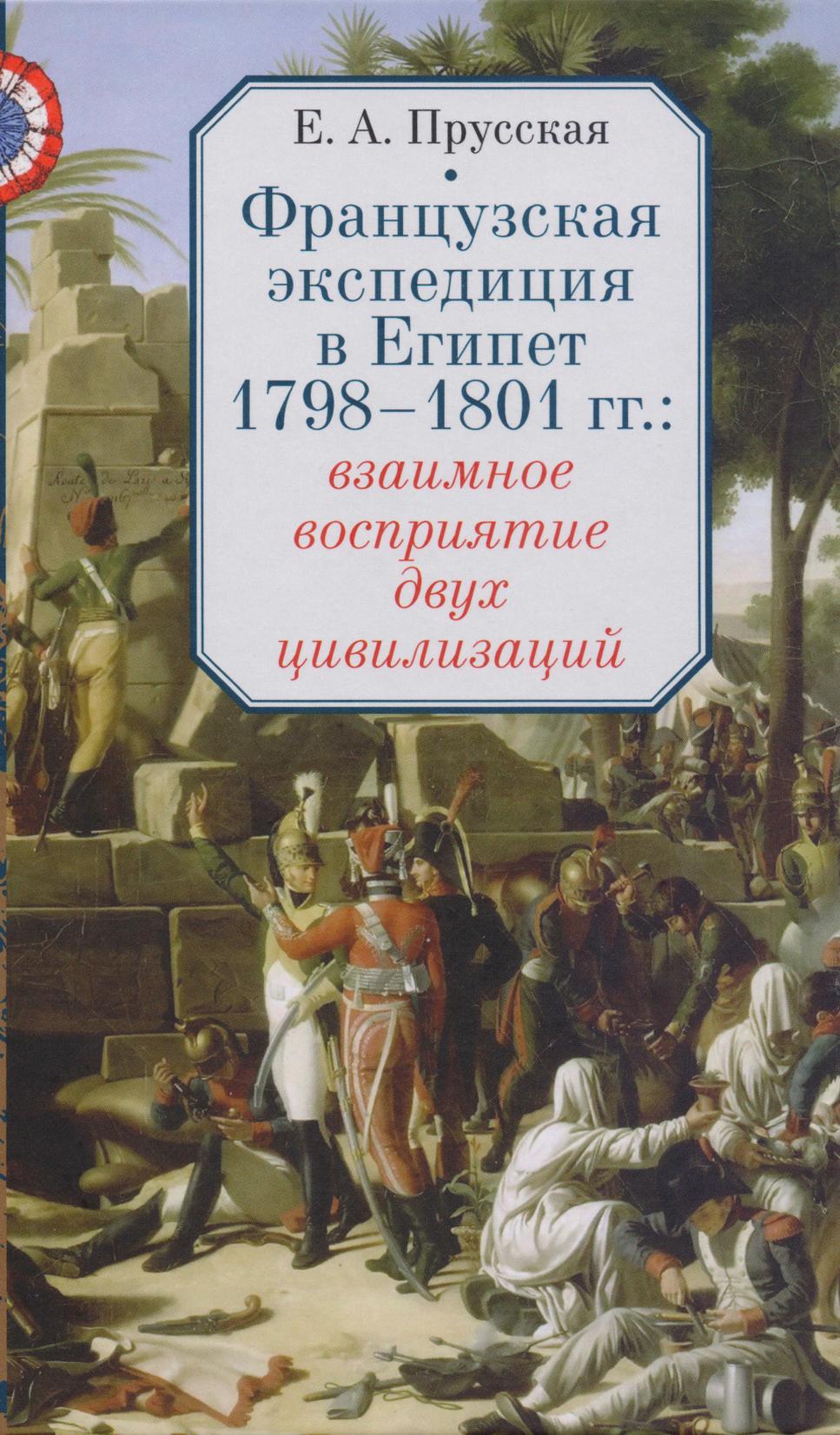

Мир Французской революции

Е. А. Прусская
Французская
экспедиция
в Египет
1798–1801 гг.:

*взаимное
восприятие
двух
цивилизаций*

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Мир Французской революции

Е. А. Прусская

•
Французская
экспедиция
в Египет

1798–1801 гг.:

*взаимное восприятие
двух цивилизаций*

РОССПЭН
Москва
2016

УДК 94(100)"654"

ББК 63.3(0)52

П85

*Исследование подготовлено при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект 14-18-01116*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор С. А. Кириллина;
доктор исторических наук, профессор Н. П. Танышина

Прусская Е. А.

П85 Французская экспедиция в Египет 1798–1801 гг.: взаимное восприятие двух цивилизаций / Е. А. Прусская. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 183 с. – (Мир французской революции).

Evgeniya Prusskaya

French expedition to Egypt (1798–1801): mutual perception of two civilizations. – Moscow: Politicheskaya enciklopediya, 2016. – 183 p. – (World of the French Revolution).

ISBN 978-5-8243-2019-0

Монография посвящена Египетскому походу и связанной с ним более широкой теме взаимного восприятия Запада и Востока в Новое время. В книге предпринимается попытка реконструировать представления французов и жителей Египта друг о друге, а также выявить факторы, влиявшие на их формирование. Исследование основано на широком круге источников: арабских хрониках, сочинениях путешественников, прессе, дневниках и письмах участников Египетского похода, как опубликованных, так и впервые вводимых в научный оборот. Для историков и широкого круга читателей.

The book is dedicated to the Egyptian campaign of Bonaparte and to the wider question of mutual perception of the Orient and the Occident in modern epoch. The author attempts to reconstruct image of the French in the eyes of the inhabitants of Egypt and image of the Orient in the eyes of the French and to determine the factors that influenced this perception. The research is based on a wide range of sources: the Arab chronicles, travelers writings, the press, diaries and letters, both published and unpublished.

УДК 94(100)"654"
ББК 63.3(0)52

ISBN 978-5-8243-2019-0

© Прусская Е. А., 2016

© Политическая энциклопедия, 2016

Моей маме

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	5
<i>Глава 1. Экспедиция Бонапарта в Египет</i>	19
<i>Глава 2. Французы и французская оккупация: арабский взгляд</i>	29
<i>Глава 3. Египет в сочинениях Савари и Вольнея</i>	64
<i>Глава 4. Французская пресса в Египте о мусульманском Востоке</i>	87
<i>Глава 5. Образ Востока в источниках личного происхождения участников экспедиции</i>	115
<i>Заключение</i>	169
<i>Источники и литература</i>	175
<i>Указатель имен</i>	181
<i>Терминологический словарь</i>	183

ВВЕДЕНИЕ

Египетская экспедиция (1798–1801) вошла в историю как одна из крупнейших военно-стратегических неудач Наполеона Бонапарта. Если ее последствия лично для него оказались не столь фатальными, как результаты «русской кампании» 1812 г., то лишь потому, что молодой главнокомандующий не стал дожидаться печальной развязки и вовремя сбежал со своим окружением во Францию, бросив армию в песках Египта. Вместе с тем экспедиция Бонапарта в Египет имела огромное значение как для арабо-османского мира, так и для Европы. Именно со вступлением французских войск на землю османского султана началась эпоха активной колониальной политики европейских стран в регионе Ближнего Востока и Магриба, ознаменовавшая собой новую стадию в отношениях Востока и Запада. Трудно переоценить и роль экспедиции в развитии европейской науки и культуры, поскольку именно изыскания Института Египта, созданного во время Восточного похода, способствовали зарождению египтологии как науки, нового витка интереса к исламу и восточным языкам и развитию «восточного» направления в изобразительном искусстве. В самом же Египте именно с экспедицией был подорван существовавший там уклад, военное поражение от французов дало толчок к дальнейшей модернизации страны.

Несмотря на кратковременность экспедиции, эта тема всегда вызывала живой интерес исследователей разных стран, изучавших различные аспекты этой кампании¹. Данная монография также посвя-

¹ Историография экспедиции Бонапарта в Египет очень обширна. Исследователи занимались военными и политическими аспектами тех событий (*Martin P.* Histoire de l'expédition française en Égypte. P., 1815; *Reybaud L.* Histoire scientifique et militaire de l'expédition française en Égypte. P., 1830; *Rigault G.* Le général Abdallah Menou et la dernière phase de l'expédition d'Égypte (1799–1801). P., 1911; *Charles-Roux F.* L'Angleterre et l'expédition française en Égypte. Le Caire, 1925; *Benoist-Méchin J.* Bonaparte en Égypte ou Le rêve

щена истории Египетского похода, но не конкретным его событиям, а связанной с ним более широкой проблеме взаимоотношений и взаимовосприятия Запада и Востока в Новое время.

Дихотомия «Восток – Запад», ставшая объектом исследования множества философских, культурологических, социологических и исторических работ окончательно оформилась в европейском сознании в XVIII в., хотя была сформулирована намного раньше. Концепт «Восток» (Orient), имеющий не столько географическое наполнение, сколько культурное, изначально обозначал на ментальных картах европейцев объединенный общими культурными и экономическими связями регион Передней Азии с центром в Восточном Средиземноморье. После образования Арабского халифата и с распространением ислама он получил новое значение чуждого Европе культурного ареала в границах примерно все того же Восточного

inassouvi: 1797–1801. P., 1979; *Beaucour F.-E.* L'expédition de Bonaparte en Egypte (1798–1801), aspects politique et militaire. P., 1988; *Laurens H., Gillispie Ch. C., Golvin J.-C.* L'expédition d'Égypte, 1798–1801. P., 1989; *Brégeon J.-J.* L'Égypte de Bonaparte. P., 1998; *Bainville J.* Bonaparte en Égypte. P., 1998, проблемой взаимоотношений оккупантов и местных жителей (*Brégeon J.-J.* L'Égypte française au jour le jour: 1798–1801. P., 1991; *Bret P.* L'Égypte au temps de l'expédition de Bonaparte: 1798–1801. P., 1998; *Raymond A.* Égyptiens et Français au Caire: 1798–1801. P., 1998), научной составляющей экспедиции, интеллектуальными, дипломатическими и экономическими предпосылками вторжения французов в Египет, последствиями этого похода (*Charles-Roux F.* Les Origines de l'expédition d'Égypte. P., 1910; *Goby J.-E.* Ingénieurs, témoins utiles de l'expédition d'Égypte: 1798–1801; *Godlewska A.* The Napoleonic survey of Egypt: a masterpiece of cartographic compilation and early nineteenth-century fieldwork. North York, Canada, 1988; *Beaucour F., Laissus Y., Orgogozo C.* La Découverte de l'Égypte. P., 1989; *Héry F.-X., Énel T.* L'univers de l'Égypte révélé par Bonaparte. Aix-en-Provence, 1992; *Laissus Y.* L'Égypte, une aventure savante: avec Bonaparte, Kléber, Menou, 1798–1801. Paris, 1998; *Laurens H.* Les Origines intellectuelles de l'expédition d'Égypte: l'orientalisme islamisant en France, 1698–1798. Istanbul; Paris, 1987; L'expédition d'Égypte, postérités et prospectives: séance solennelle des cinq académies : Institut de France, mercredi 10 juin 1998 / publ. par M. Georges Le Rider. P., 1998; *Milleliri J.-M.* Médecins et soldats pendant l'expédition d'Égypte: 1798–1799. Nice, 1999). Множество книг было издано к 200-летию юбилею вторжения французских войск в Египет. Отметим среди них два сборника статей, вышедших по итогам коллоквиумов, проведенных в честь этой даты, второй из которых содержит выдержки из архивных источников: L'expédition d'Égypte, une entreprise des Lumières. 1798–1801. Actes de colloque 8–10 juin 1998 / Réuni par P. Bret. P., 1999; L'expédition d'Égypte. 1798–1801. Mythes et réalités. Actes de colloque 16 et 17 juin 1998 / direction éditorial et réalisation P. Noirot, D. Feintrenie. P., 1998.

Средиземноморья, которые затем расширились, включив себя и Марокко, и всю Азию, и Дальний Восток¹. Однако если в раннее Новое время «Восток» был окружен ореолом таинственности и ему приписывались во многом фантастические черты², то с XVIII в. начинается его рациональное осмысление и научное исследование.

В XIX–XX вв. концепт «Восток» продолжал развиваться, приобретая все новые характеристики и расширяя свою географию.

Тема взаимовосприятия Запада и Востока разрабатывается в рамках относительно нового направления мировой историографии, возникшего во второй половине XX в. – исследования «образа Другого», которое некоторые ученые даже выделяют в отдельную научную дисциплину на стыке истории, психологии и социологии – имагологию (от лат. *imago* – изображение, образ). В центре этих исследований – изучение представлений народов или отдельных социальных и этнических групп друг о друге, механизмов формирования культурных стереотипов, их трансформаций в контексте отношений «мы – они», «свой – чужой»³. В зарубежной и отечественной историографии последних лет появился целый ряд работ по вышеуказанной тематике⁴. Изучение образа «Другого» неразрывно связано с проблематикой становления идентичностей, в том числе национальных, поскольку только на фоне «Другого» происходит осознание собственного «Мы». Именно Восток стал для Европы Нового времени тем самым «Другим», в сопоставлении с которым происходил процесс самоопределения Запада⁵, и в историографии существует ряд работ на тему восприятия восточных стран, в частности Османской империи Францией, в ту эпоху⁶. Однако арабо-мусульманский мир не прояв-

¹ *Martin W. L., Wigen K. The Myth of Continents: A Critique of Metageography. California, 1997. P. 54.*

² *Carré J.-M. Voyageurs et écrivains français en Égypte. Genève, 2006. P. 79.*

³ Подробнее см.: *Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. М., 2011. С. 251.*

⁴ Подробный обзор литературы см.: Там же. С. 251–286.

⁵ См.: *Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004.*

⁶ См., например: *Desmet-Grégoire H. Le divan magique: l'Orient turc en France au XVIIIe siècle. P., 1994; Захани, Ильхам. Руйят ар-раххаля аль-уруббин ли Мыср бейна ан-назаат аль-инсанийя ва-л-истиамарийя. Каир, 2005. («Взгляд европейских путешественников на Египет: между гуманизмом и колониализмом»); Harrigan M. Veiled encounters: representing the Orient in 17th-century French travel literature. A., 2008; McCabe I. B. Orientalism in Early Modern France: Eurasian Trade, Exoticism, and the Ancien Régime. Oxford, 2008.*

лял подобного интереса к Европе вплоть до начала колониальной эпохи, и точкой отсчета в этом процессе стала как раз Египетская экспедиция Бонапарта.

С темой отношений Запада и Востока неразрывно связана и проблематика ориентализма – понятия, возникшего в начале XIX в. и изначально обозначавшего изучение восточных языков и литературы¹. Однако значение этого термина менялось с течением времени. Если в Новое время оно употреблялось для характеристики исследований ученых о Востоке, а также для обозначения «характера, стиля и черт, ассоциируемых с восточными народами», то начиная с эпохи деколонизации, последовавшей за Второй мировой войной, это слово приобрело еще и значение «корпоративного института, созданного для ведения дел с Востоком, частный взгляд на ислам, инструмент западного империализма, стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическом разделении Востока и Запада, и даже идеологии, оправдывающей и обосновывающей подчинение черных, палестинских арабов, женщин и многих других ущемленных, по общему мнению, групп»². Эти взгляды были отражены в работах таких авторов, как Анвар Абдель-Малеk, Абдул Латиф Тибави, Брайан С. Тернер и Эдвард Саид³. Не останавливаясь подробно на трудах всех этих представителей послевоенной интерпретации ориентализма, коснемся лишь взглядов американского литературоведа и публициста арабского происхождения Эдварда Саида, чья книга «Ориентализм» вызвала в свое время большой резонанс в интеллектуальной жизни США и Европы, а в наши дни – и в постсоветской России, где вышла на русском языке в 2006 г.⁴

Как считает Саид, Запад не только создал определенный образ Востока с присущими ему типическими чертами, но и использовал сам институт изучения и «изобретения» Востока как инструмент для подчинения себе народов колонизируемых стран. Не абсолютизируя правомерность всего сказанного Саидом и принимая во внимание

¹ *Laurens H. Orientales I. Autour de l'expédition d'Égypte. P., 2004. P. 41.* О современном состоянии этой проблемы для французской историографии см.: *Пуйон Ф. Жив или мертв ориентализм? Французская история // Французский ежегодник 2014. Т. 2. Франция и Восток. М., 2014. С. 1–21.*

² *Introduction // Orientalism. A Reader / ed. by A. L. Macfie. N. Y., 2000. P. 1–2.*

³ Краткий очерк проблемы см.: *Ibid. P. 1–8.*

⁴ *Said E. Orientalism. N. Y., 1979.* Перевод на русский язык: *Саид Э. Ориентализм. Западные концепция Востока / пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб., 2006.*

критику его работ¹, заметим, однако, что первым из таких реализованных ориенталистских проектов Саид считает экспедицию Бонапарта в Египет, которая во многом была подготовлена появлением в Западной Европе специфических ориентальных концепций². Подробнее эту тему разработал французский историк Анри Лоранс, проанализировавший развитие ориентализма в конце XVII – XVIII в. как интеллектуальную предпосылку французского вторжения в Египет³.

Поскольку именно в XVIII в. начинала утверждаться ценностная парадигма современного западного общества, изучение формировавшихся тогда представлений друг о друге Западной Европы и мусульманского Востока приобретает особую научную актуальность в наши дни, когда многогранные противоречия между Западом и миром ислама не только не иссякли, но и продолжают набирать оборот.

В данной книге предпринимается попытка ответить на вопрос, *какой* образ Востока сложился в умах французов накануне вторжения в Египет, и выяснить, *каким* его увидели французы-участники экспедиции Бонапарта 1798–1801 гг., а также то, *какими* увидели завоевателей египтяне, то есть исследовать взаимное восприятие двух цивилизаций, а также факторы, влиявшие на него.

Предмет изучения данной монографии еще не становился объектом комплексного исследования, хотя отдельные его аспекты затрагивались в той или иной мере в работах других исследователей – они будут отдельно упомянуты в ходе повествования.

В настоящем исследовании использован широкий круг источников преимущественно опубликованных, однако привлечены также документы из французских архивов. Основные источники можно разделить на следующие группы, которым соответствуют и главы книги: 1) арабские хроники, посвященные периоду экспедиции; 2) сочинения французских путешественников по Востоку, вышедшие накануне экспедиции Бонапарта в Египет; 3) пресса Восточной армии генерала Бонапарта; 4) дневники и корреспонденция участников похода.

¹ См., например: *Halliday F.* “Orientalism” and Its Critics // *British Journal of Middle Eastern Studies*. 1993; *Lewis B.* *Islam and the West*. L., 1993. P. 99–118; *Irwin R.* *For Lust of Knowing: The Orientalists and Their Enemies*. L., 2006; *Varisco D. M.* *Reading “Orientalism”: Said and the Unsaid*. Seattle, 2007.

² Концепция Саида, вызвавшая большой резонанс в мировой историографии, легла в основу многих работ по изучению образа «Другого», которым для Запада становились страны Востока, а затем и Восточной Европы. Подробнее см.: *Шенк Ф. Б.* Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе от эпохи Просвещения до наших дней // *Новое литературное обозрение*. 2001. № 6 (52). С. 49–61.

³ *Laurens H.* *Les Origines intellectuelles...*

Арабские хроники. Наиболее значимыми из арабских хроник, посвященных периоду французской экспедиции, являются сочинения египтянина Абд ар-Рахмана аль-Джабарти и сирийца Никулы ат-Турка.

Четырехтомная хроника аль-Джабарти «Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике событий» («Аджаиб аль-асар фи-т-тараджим ва-ль-ахбар», далее – «Аджаиб») признается исследователями ценнейшим источником по истории Египта в целом и по истории французской оккупации в частности, а сам хронист, по мнению израильского исследователя Д. Айалона, «должен рассматриваться как один из величайших историков арабского мира Нового времени»¹.

Хроника аль-Джабарти состоит из нескольких томов² и содержит, помимо собственно летописного повествования, большое количество жизнеописаний выдающихся, по мнению автора, исторических личностей, а также пословицы, стихотворения, лирические отступления и документы, что делает текст весьма неоднородным. Большая часть третьего тома посвящена французской оккупации, которая изложена с момента прихода иноземцев до их эвакуации³.

Существуют еще два сочинения аль-Джабарти, предвосхитившие описание событий французской экспедиции в «Аджаиб»: «История пребывания французов в Египте» («Тарих муддат аль-фарансис би Мыср», далее – «Муддат»)⁴ и «Священное знамение об окончании господства французов» («Мазхар ат-такдис би завал даулят аль-фарансис»)⁵. Первое из них, по мнению израильского исследователя

¹ *Ayalon D. The Historian al-Jabarti and his Background // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. 1960. Vol. 23. Pt. 2. P. 29.*

² Первый том освещает период до 1176 г.; второй – 1776–1798 гг.; третий – 1798–1805 гг.; четвертый – 1805–1821 гг.

³ *Аль-Джабарти, Абд Ар-Рахман.* Египет в период экспедиции Бонапарта (1798–1801) / перевод, предисловие и примечания И. М. Фильштинского. М., 1962.

⁴ *Al-Jabarti, Abd al-Rahman.* Al-Jabarti's Chronicle of the First seven Months of the French Occupation of Egypt. Muharram – Rajab 1213, 15 June – December 1798. *Tarikh Muddat al-Faransis bi-Misr.* Ed. and transl. by S. Moreh. Leiden, 1975.

⁵ «Мазхар» не используется в данном исследовании в качестве источника, поскольку это сочинение о пребывании французов в Египте, преподнесенное автором в подарок османскому визирю Юсуфу-паше, выдержано в откровенно протурецком и антифранцузском духе. Подробнее о трех текстах аль-Джабарти см.: *Moreh S. Introduction // Al-Jabarti's Chronicle of the First*

Ш. Море, занимавшегося сравнением разных текстов аль-Джабарти, является своего рода дневником, где фиксировались текущие события¹. Именно в этом произведении, охватывающем первые семь месяцев французской оккупации, аль-Джабарти наиболее явно выражает свое мнение о происходившем и свое отношение к французам, его тон далеко не бесстрастен, суждения резки. Многие пассажи из «Муддат» в дальнейшем не вошли в «Аджаиб». Однако и в последнем есть фрагменты, отсутствующие в «Муддат» и написанные, видимо, по памяти.

Что же касается второй упомянутой выше хроники – сочинения Никулы ат-Турка «Зикр тамаллюк джумхур аль-фарансавийя аль-актар аль-мысрийя ва-ль-бияд аш-шамийя» («Воспоминания о господстве французов в Египте и странах Шама»)², то известны две ее редакции. Первая из них была издана вместе с французским переводом в 1839 г. М. Дегранжем. В этой редакции повествование о египетском походе начинается с краткого рассказа о событиях Французской революции, казни королевской семьи, истории отправления войск Бонапарта на Восток и завершается 1216 г. хиджры (1801), то есть временем эвакуации французов из Египта. Подробно сообщается о передвижениях французских войск, большое внимание уделяется батальным сценам.

Вторая редакция хроники была случайно обнаружена в библиотеке короля Фарука в 1948 г. и издана в 1950 г. Гастоном Вьетом под названием «Музаккират Никула Турк» («Записки Никулы Турка», далее – «Музаккират»)³. Эта редакция не заканчивается уходом войск французов из Египта, но повествует о ситуации в Египте и после эвакуации французов, вплоть до 1804 г. В целом события экспедиции «Музаккират» описывает более кратко, чем текст, изданный Дегранжем, хотя и содержит множество интересных деталей, его дополняющих. В 1985 г. в Американском университете Каира была защищена диссертация, автор которой Маргарета Вейерганг, проведя текстологический и лингвистический анализ редакции, изданной

Seven Months of the French Occupation of Egypt. Leiden, 1975. P. 1–28. Об эволюции взглядов аль-Джабарти см.: Кириллина С. А. Исламские институты Османского Египта в XVIII – первой трети XIX века. Lewiston; Queenston; Lampeter, 2000. С. 251–257.

¹ Ibid. P. 29.

² *El-Turk N. Histoire de l'expédition française en Égypte / Publiée et traduite par M. Desgranges. P., 1839.*

³ *Turc N. Chronique d'Égypte, 1798–1804 / éd. et tr. par Gaston Wiet. Le Caire, 1950.*

Вьетом, пришла к выводу, что ее мог создать на основе текста редакции Дегранжа другой человек, который «должен был жить в Египте во время французской оккупации и быть знакомым с французами так же, как сам ат-Турк»¹. Тем не менее в данном исследовании при использовании этой редакции ее автором называется ат-Турк.

Свидетельства путешественников. Интерес французов к Востоку, усилившийся после активизации внешней политики Людовика XIV в этом регионе, выразился и в том, что многие путешественники посетили различные провинции Османской империи в XVII–XVIII вв. Таким образом, знания европейцев об арабо-османском Востоке постепенно накапливались и расширялись, в 1647 г. на французский язык с арабского был впервые переведен Коран. Французская публика конца XVIII в., непосредственно перед вторжением в Египет, уже имела определенные представления об этой провинции Османской империи, как из сочинений соотечественников (библиотекаря короля Ж. Тевено, ученого Б. д'Эрбело дворянина П. Люка, миссионера о. Сикара, дипломатов Б. де Майе, Ф. де Тотта и др.), так и из свидетельств других европейцев (ирландского священнослужителя Р. Поккока и немецкого монаха И. М. Ванслеба, греческого торговца С. Люзиньяна). Однако определяющее влияние на представления участников экспедиции в Египет 1798–1801 гг. оказали сочинения двух французских путешественников второй половины XVIII в. – К.-Э. Савари и К.-Ф. Шассбёфа (взявшего псевдоним «Вольней» – анаграмму слов «Вольтер» и «Ферней»), вышедшие незадолго до Египетского похода Бонапарта. «Письма о Сирии и Египте» Савари² и «Путешествия по Египту и Сирии в 1783, 1784 и 1785 гг.» Вольней³ представляют собой обстоятельные и очень подробные исследования политической, экономической, социальной жизни Египта и Сирии, особенностей их климата и географии, нравов местного насе-

¹ *Weyergang M. E. Niqula al-Turk as a source on the French Occupation of Egypt.* Thesis for the Master of Arts Degree. American University in Cairo, 1985. P. 45.

² *Savary C.-E. Lettres sur l'Égypte, où l'on offre le parallèle des moeurs anciennes et modernes de ses habitans, où l'on décrit l'état, le commerce, l'agriculture, le gouvernement et la religion du pays, la descente de S. Louis à Damiette, tirée de Joinville et des auteurs arabes, et avec des cartes geographiques.* 3 vol. P., 1785–86.

³ *Volney C.-F. Voyage en Syrie et en Égypte pendant les années 1783, 1784 et 1785 avec deux cartes géographiques et deux planches gravées représentant les Ruines du Temple du Soleil à Balbek, et celles de la ville de Palmyre, dans le désert de Syrie.* 2 vols. P., 1787.

ления. Эти сочинения были использованы в качестве источников для данного исследования во второй главе в силу их сильного воздействия на формирование представлений о Востоке у французской публики конца XVIII в., в том числе будущих участников Восточной экспедиции, которые не раз ссылались на опыт этих путешественников в своих собственных записях.

Пресса Восточной армии. Наполеон Бонапарт, осознававший огромную роль прессы в деле пропаганды, еще до оккупации Египта имел опыт издания газет и журналов на завоеванных территориях – в Италии выходили *Courier de l'Armée d'Italie* и *La France vue de l'Armée d'Italie*, на Мальте – *Journal de Malte, feuille nationale, politique, morale, commerciale et littéraire*¹. Эти газеты, помимо информационной составляющей, имели своей задачей, как пишет английский историк Аллан Форрест, «объединить войска, формируя в то же время репутацию Бонапарта как героя и патриота, лидера, гения, который понимал своих солдат, и которому они доверяли»². Периодика на покоренных территориях, по словам американского исследователя Уэйна Хэнли, являлась для Бонапарта «хорошей политической трибуной, с которой он мог сообщать о своих военных и дипломатических успехах»³. Эту зарекомендовавшую себя модель Бонапарт воспроизвел и в Египте, где французы выпускали два периодических издания – газету *Courier de l'Égypte*⁴ и журнал *La Décade Égyptienne, journal littéraire et d'économie politique* (далее в тексте – *Décade Égyptienne*)⁵. Первая информировала военнослужащих французского экспедиционного корпуса о новостях в мире и в Египте. Второй, как следует из его названия, представлял собой журнал, освещавший вопросы «литературы и политической экономии», а также научные изыскания Института Египта, который и готовил его выпуски. Эти издания предназначались для французов и выходили исключительно на французском языке, в отличие, например, от газеты *Journal de Malte*, публиковавшейся и на мальтийском.

¹ Подробнее см.: *Hanley W. The Genesis of Napoleonic Propaganda, 1796–1799.* N. Y.: Columbia University Press, 2002. URL: <http://www.gutenberg-e.org/haw01/index.html> (дата обращения: 09.09.2015).

² *Forrest A. Napoleon's men: the soldiers of the revolution and empire.* N. Y.; L., 2006. P. 33.

³ *Hanley W. Op. cit.*

⁴ В соответствии с допустимой в то время орфографией название писалось как *Courier de l'Égypte*.

⁵ Об этих изданиях см.: *Wassef S. A. L'information et le presse officcielle en Égypte.* Le Caire, 1975; *Boustani Salah el-Din. The press during the French expedition in Egypt, 1798–1801.* Cairo, 1954.

Особенность газеты *Courrier de l'Égypte* состоит в том, что она отражала официальную точку зрения на события экспедиции и мировые новости, а потому создаваемый ею образ Востока нес ярко выраженный отпечаток государственной пропаганды. Что же касается *Décade Égyptienne*, то в этом журнале приводится множество этнографических заметок о нравах и обычаях жителей Египта, что позволяет понять, как именно воспринимали различные стороны жизни Востока его авторы.

Дневники и корреспонденции участников экспедиции. Французская экспедиция в Египет оставила после себя огромный корпус не только официальных документов, но также источников личного происхождения, как опубликованных, так и хранящихся в архивах¹. До нас дошло множество писем, дневников и мемуаров участников экспедиции. Для данного исследования были использованы два первых вида источников. Безусловно, порой провести грань между дневником и мемуарами довольно трудно, однако дневники, в отличие от воспоминаний, предполагающих осмысление увиденного задним числом, передают непосредственные впечатления участников экспедиции. Как правило, это путевые записи, сделанные прямо во время экспедиции, зачастую с точной датировкой событий, даже если позже эти записи и были подвергнуты самими авторами некоторой литературной обработке. Так, артиллерийский генерал Ж.-П. Догеро (1774–1826) свел воедино свои разрозненные повседневные записи по горячим следам после экспедиции – уже в 1802 г.², капитан Ш. Франсуа – основную часть до 1815 г.³ Инженер Э. де Вийер дю Терраж (1780–1855) сделал это гораздо позже – в 1835 г.⁴ Полковник Ф. Виго-Руссильон (1744–1844) также обработал свои записи уже после экспедиции и сохранил их для семьи⁵. Тем не менее эти и другие имеющиеся в распоряжении исследователей дневники участников Египетского похода не предназначались авторами для публика-

¹ Подробнее см.: *De Meulenaere Ph. Bibliographie raisonnée des témoignages oculaires imprimés de l'expédition d'Égypte: 1798–1801 / avant-propos* de J. Tulard, préf. de J. Yoyotte. Paris, 1993.

² Подробнее об издании дневника Догеро см. предисловие Клемента де ля Жонкьера в: *Dogueron J.-P. Journal de l'expédition d'Égypte / ed. par C. de La Jonquière. P., 1997. P. XIX.*

³ *Journal du capitaine François (dit le Dromadaire d'Égypte), 1792–1830 / pr. par J. Jourquin. P., 2003. P. 43.*

⁴ *De Meulenaere Ph. Op. cit. P. 197.*

⁵ Как пишет сын Виго-Руссильона в предисловии к изданию журнала его отца, эти записи, представляющие собой скорее дневник, чем мемуары, были сделаны для семьи и не предназначались самим автором для публикации. *L'expédition d'Égypte. Fragments des Mémoires militaires du colonel Vigo-Roussillon (1793–1837), première partie // Revue des deux mondes. 1890. V. 5. P. 577.*

ции, в отличие от мемуаристики, и были изданы позже либо их потомками, либо историками, военными и архивистами (дневники Виго-Руссильона, Вийера дю Терража, артиллериста Л.-Ж. Брикара, дневники Догеро, офицера Л.-Э. Малюса (1775–1812), инженера П. Жоллуа (1776–1842), безмянного драгуна 14-го полка), а потому их можно рассматривать как отражение непосредственных впечатлений о Востоке.

Что касается корреспонденции, то этот пласт источников обширен и практически неисчерпаем. Помимо многочисленных и пока не изданных архивных материалов подобного рода¹, существуют весьма пространные и подробные академические публикации переписки командующих французскими войсками в Египте Н. Бонапарта² и Ж.-Б. Клебера³, а также официальной корреспонденции других высших чинов армии⁴. Однако эти письма, в подавляющем своем большинстве составлены в форме приказов и распоряжений, а потому для данного исследования представляют не слишком большой интерес: в качестве вспомогательного материала используется только переписка Бонапарта. Особое внимание в настоящей работе сосредоточено на частной корреспонденции – письмах во Францию руководителя мастерской по изготовлению обмундирования для армии Востока Ф. Бернуае (р. 1766–?)⁵, генерала Ш. Морана (1771–1835)⁶, занимавшего в 1799 г. пост губернатора провинции Джирджа, зоолога Э. Жоффруа Сент-Илера (1772–1844)⁷.

Еще одним важным источником являются письма французских военнослужащих из Египта, перехваченные и опубликованные в трех томах англичанами⁸. Особого упоминания заслуживает третий

¹ Корреспонденция, как официальная, так и частная, хранится в Военном архиве Франции в Венсене, в отделе рукописей Национальной библиотеки Франции и в Национальном архиве Франции (официальные документы).

² *Correspondance de Napoléon Ier, publiée par ordre de l'Empereur Napoléon III*. Paris, 1858–1869. V. 5; *Bonaparte N. Correspondence générale*. V. 2. *La campagne d'Égypte et l'avènement, 1798–1799*. P., 2005.

³ *Kleber en Égypte. 1798–1800*. V. 1–4. La Caire, Paris, 1988–1995.

⁴ *Correspondance officielle de l'armée d'Égypte*. Paris, 1800.

⁵ *Bernoyer F. Avec Bonaparte en Égypte et en Syrie: 1798–1800. 19 lettres inédites / pr. par Ch. Tortel*. P., 1981.

⁶ *Morand Ch. Lettres sur l'expédition d'Égypte: de l'Italie à la prise du Caire; suivies de son Carnet de route de chef de brigade: de Rome à Assouan. 1798–1799 / ed. par le comte Morand*. P., 1998.

⁷ *Geoffroy Saint-Hilaire É. Lettres écrites d'Égypte à Cuvier, Jussieu, Lacépède, Monge, Desgenettes, Redouté jeune, Norry, etc., aux professeurs du Muséum et à sa famille / publ. par le Dr. E.-T. Hamy*. P., 1901.

⁸ *Copies of original letters from the army of general Bonaparte in Egypt, intercepted by the fleet under the command of admiral Lord Nelson*. V. 1–3. L., 1799–1801.

том этого издания, включающий в себя письма высшего командного состава (командующих Бонапарта и Клебера, управляющего финансами армии Ж. Пуссьельга и др.) Директории в целом или отдельным ее членам, министрам и другим должностным лицам Французской республики. Хотя некоторые из этих писем можно отнести к официальным, тем не менее они также используются в данной работе, поскольку отражают взгляд высших чинов армии на Восток. Это издание, опубликованное англичанами в пропагандистских целях, сопровождалось довольно колкими комментариями и должно было отразить злоключения французской армии в Египте. Тем не менее оно включает в себя подлинные письма, которые по содержанию во многом перекликаются с теми, что были позднее опубликованы уже во Франции. Таким образом, определенная тенденциозность подборки уравнивается возможностью верификации ее содержания другими источниками.

Использованные в настоящем исследовании корреспонденции и дневники вышли из-под пера представителей разных социальных групп и рангов французской армии. Помимо уже упомянутых писем командующих Бонапарта и Клебера, имеются отрывки из дневников того же Клебера и его адъютантов¹, отражающие взгляды высшего эшелона армейского руководства. Генералитет армии Востока представлен дневниками бригадного генерала Морана и артиллерийского генерала Догеро. Среднее командное звено представлено дневниками капитана Франсуа, офицера инженерных войск Малюса², полковника гренадеров Виго-Руссильона³, артиллериста Брикара⁴, некоего безымянного офицера 14-го драгунского полка⁵ и шефа бригады артиллерии Ж. Гробера⁶. Впечатления представителя вспомогательных служб армии передают письма руководителя мастерской по изготовлению обмундирования для армии Востока Бернуае. Отдельную группу составляют свидетельства ученых: корреспонденция зоолога

¹ L'état-major de Kleber en Égypte, 1798–1800. D'après leurs carnets, journaux, rapports et notes / ed. par S. Lé Couëdic. P., 1997.

² L'agenda de Malus; souvenirs de l'expédition d'Égypte, 1798–1801 / publ. par le général Thoumas. Paris, 1892.

³ *Vigo-Roussillon F.* Journal de campagne: 1793–1837. Paris, 1981.

⁴ Journal du canonnier Bricard (1792–1802) / publ. par A. & J. Bricard. P., 1891.

⁵ Journal d'un dragon d'Égypte (14e Dragons). Notes recueillies par C^t. M.*** P., 1899.

⁶ *Grobert J.-F.-L.* Description des pyramides de Ghizé, de la ville du Kaire et de ses environs. P., 1800.

Жоффруа Сент-Илера, дневники инженеров Вийер дю Терража¹ и Жоллуа², архитектора Ш. Норри (1756–1832)³ и путевых заметок минеролога П.-Л. Кордые (1777–1861)⁴. Отдельно стоит отметить путевые заметки гравера Д. Вивана Денона (1747–1825), будущего директора Луврского музея, впервые опубликованные в 1802 г., которые имели огромную популярность, выдержали несколько переизданий и были переведены на разные языки⁵.

В качестве вспомогательного источника была привлечена пяти-томная публикация источников по истории Египетской экспедиции, подготовленная Клементом де ля Жонкьером⁶, содержащая отрывки из корреспонденции и дневников, хранящихся в Венсенском военном архиве (шефа батальона инженеров Ж.-Ф. Детрое, командира бригады О. Д. Бельяра и др.). Таким образом, произведенная выборка источников отражает представления о Востоке всех социальных групп участников Египетской экспедиции Бонапарта.

В данной монографии также задействованы материалы Архива Министерства иностранных дел Франции.

Хочу поблагодарить коллег, без которых данная книга и лежащее в ее основе диссертационное исследование не увидели бы свет. В первую очередь я выражаю огромную благодарность моему научному

¹ *De Villiers du Terrage É.* Journal et souvenirs sur l'expédition d'Égypte. 1798–1801 / publ. par M. de Villiers du Terrage. P., 1899.

² *Jollois J.-B.-P.* Journal d'un ingénieur attaché à l'expédition d'Égypte, 1798–1802 / publ. par P. Lefèvre-Pontalis. P., 1904.

³ *Norry Ch.* Relation de l'expédition d'Égypte, suivie de la description de plusieurs des monumens de cette contrée, et ornée de figures. P., an VII (1798–1799).

⁴ Archives de l'Académie des sciences. Paris. 1 J 7. Dossier biographique P.-L. Cordier, 12 juin 1798. 90 p. Текст этого архивного источника был любезно предоставлен мне французским историком Патрисом Бре (сотрудник Центр Александра Койре Высшей школы социальных наук и Национального музея естественной истории, Париж). Подробнее о записках Кордые см. доклад Кристиан Демеленэр-Дуйер: *Demeulenaere-Douyère C.* Un regard sur l'Égypte: le carnet de Pierre-Louis Cordier (1798) // *Travaux du Comité français d'histoire de la géologie. Troisième série.* (1998). URL: <http://annales.org/archives/cofrhigeo/carnet-cordier.html> (дата обращения: 09.09.2015).

⁵ В данном исследовании используется издание 1817 г.: *Denon V.* Voyages dans la basse et la haute Égypte, pendant les campagnes du général Bonaparte en 1798 et 1799. L., 1817.

⁶ *De La Jonquière C.* L'Expédition d'Égypte (1798–1801) / nov. éd. par J. Garnier. V. 1–5. P., 2003.

руководителю Александру Викторовичу Чудинову за поддержку, ценные советы и материалы, которыми он со мною делился. Я глубоко признательна С. А. Кириллиной (ИСАА МГУ) за комментарии, замечания и всестороннюю помощь. Благодарю С. Я. Карпа и других сотрудников Отдела истории Европы XVIII–XIX вв. ИВИ РАН, С. И. Лучицкую (Центр исторической антропологии ИВИ РАН) за ценные замечания в работе над исследованием. Хочу сказать спасибо Д. Ю. Бовыкину (Исторический факультет МГУ), Д. Р. Жантиеву (ИСАА МГУ), Н. П. Таньшиной (МПГУ), А. В. Гордону (ИНИОН РАН), Е. А. Кокиной (ГМИИ) за их комментарии в ходе работы. Я признательна иностранным коллегам – директору Фонда Наполеона Тьери Ленцу (Париж, Франция), сотруднику Центра Александра Койре Высшей школы социальных наук и Национального музея естественной истории (Париж, Франция) Патрису Бре, доценту университета Николая Коперника (Торунь, Польша) Анджею Неуважному (к сожалению, безвременно покинувшему нас) за их поддержку, беседы и материалы по теме исследования, которыми они со мною делились. Отдельная благодарность парижскому Дому наук о человеке (Fondation Maison des sciences de l'homme), в первую очередь Соне Кольпар, за помощь в организации работы во французских библиотеках и архивах.

Также эта книга никогда бы не была написана без поддержки и заботы моей семьи.

Глава 1

ФРАНЦУЗСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В ЕГИПЕТ

Прежде чем перейти непосредственно к теме исследования данной монографии, необходимо кратко осветить состояние Египта накануне вторжения Бонапарта и ключевые события экспедиции¹.

В 1517 г. армия османского султана Селима I (1465–1520) победоносно вошла в Египет из Сирии и разбила войско мамлюков – прежних правителей этих территорий, после чего страна пирамид стала провинцией Османской империи, управление которой возлагалось на назначаемого Стамбулом губернатора. Мамлюки, стоявшие во главе Египта до победы османов, представляли собой социальный слой невольников, которые еще в эпоху Фатимидов (969–1171) и Айюбидов (1171–1250) закупались преимущественно на Кавказе или Балканах для несения военной службы. Захватив в 1250 г. власть в стране, мамлюки организовали собственную систему управления Египтом, получившую в историографии название «мамлюкского султаната», которая просуществовала вплоть до вторжения Селима I. Однако сама мамлюкская военная структура и система ее воспроизводства не только не была уничтожена османами, но распространена новыми властителями Египта на другие территории империи – мамлюков продолжали закупать на Кавказе для нужд провинциального военно-административного аппарата государства².

¹ Наиболее исчерпывающей обзорной работой по экспедиции Бонапарта является исследование французского историка Анри Лоранса: *Laurens H., Gillispie Ch. C., Golvin J.-C. L'expédition d'Égypte, 1798–1801. P.*, 1989 (отдельное переиздание текста Лоранса: *Laurens H. L'expédition d'Égypte: 1798–1801. P.*, 1997).

² Подробнее см.: *Hathaway J., Barbir K. The Arab Lands under Ottoman Rule, 1516–1800. L.*, 2008. О мамлюкской структуре в Османском Египте см.: *Смирнов В. Е. Роль военной организации в формировании и развитии соци-*

С развитием структурного кризиса, поразившего Высокую Порту¹ в XVII–XVIII вв., центральная власть слабела, и фактическое управление Египтом все больше переходило в руки могущественных мамлюкских кланов. Последние фактически создали в XVIII в. параллельные османским структуры власти: один из двадцати четырех наиболее влиятельных мамлюкских беев (тур. «господин»), возглавлявших свои кланы, или «дома», становился «шейх аль-баладом» – предводителем всех мамлюков Египта. Именно он обладал наибольшими властными полномочиями, а присылаемый Портой паша был лишь декоративной фигурой. Местное же арабское население Египта было фактически отстранено от власти: оно занималось, в зависимости от области проживания, земледелием, скотоводством, ремеслом и торговлей, а также исламским богословием. Интеллектуальную элиту египетского общества того времени составляли улама (араб., мн. ч., ед. ч. – «алим») – высшая прослойка наиболее влиятельных представителей мусульманского духовенства. Однако термин «духовенство» по отношению к мусульманам носит условный характер, поскольку в исламе нет института священнослужителей. Улама представляли собой ученых богословов, знатоков права, хранителей религиозных традиций². Наиболее влиятельными среди них были шейхи мечети и университета аль-Азхар в Каире – одного из старейших богословских центров мусульманского мира. Улама являлись посредниками между египетским населением и его политической верхушкой – мамлюками и османами – этнически чуждыми жителям страны, а также авторитетной стороной в разрешении конфликтов между последними. Самые уважаемые улама заседали в диване – характерном для Османской империи законосовещательном органе, представляющем собой собрание вельмож при правителе с исполнительными, судебными и законодательными функциями. Хотя улама были связаны самым тесным образом с военно-политической элитой Египта, тем не менее, они не входили в бюрократический аппарат страны, выступая именно как духовные лидеры.

ально-политической структуры Османского Египта: XVI–XVIII вв. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009; *Илюшина М. Ю.* Мамлюкский политический режим в Египте в XVIII в. (1711–1798). Основные направления внутренней и внешней политики. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2009; *Куделин А. А.* Эволюция социально-политических институтов Османского Египта (XVII – первая половина XVIII в.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2010.

¹ *Баб-и али* (осм.) (Высокая Порта) – наиболее распространенное наименование центрального аппарата власти Османской империи.

² Подробнее см.: *Кириллина С. А.* Указ. соч. С. 136–137, прим. 2–3.

Пока мамлюки исправно посылали часть доходов Египта в Стамбул, в столице Османского государства предпочитали закрывать глаза на их самоуправство. Но во второй половине XVIII в. шейх аль-балад Али-бей аль-Кабир (1728–1773) предпринял неудачную попытку прекратить выплату дани и даже объявил себя независимым от Порты правителем, объединив свои силы с еще одним ярким представителем провинциальной элиты – пашой Сайды Дахиром аль-Умаром (ум. 1775). Эта попытка окончилась неудачей и гибелью Али-бея. Сменивший его на посту шейх аль-балада Мухаммад Абу-з-Захаб (1735–1755) предпочел вновь наладить отношения со Стамбулом.

В последней трети XVIII в. мамлюки погрязли в междоусобицах. Усилилось также их противостояние с центральной властью, которая в 1786 г. даже отправила военную экспедицию для их усмирения. Однако османы лишь ненадолго смогли поставить Египет под свой контроль. Накануне вторжения Бонапарта в Египет реальная власть там принадлежала двум наиболее влиятельным предводителям мамлюков Ибрагим-бею (1735–1817) и Мурад-бею (1750–1801): первый занимал пост шейх аль-балада, второй – престижный пост амир аль-хаджа – предводителя каравана паломников. Их правление было ознаменовано злоупотреблениями и произволом по отношению к жителям Египта и иностранцам, и именно последнее обстоятельство было использовано Бонапартом как повод для вторжения в страну.

Мысль о покорении столь важного стратегического пункта в Средиземноморье, находящегося на пресечении важных торговых путей, столь богатого природными ресурсами края, как Египет, посещала европейские интеллектуальные круги задолго до Французской революции. Так, немецкий философ Г. Ф. Лейбниц предоставил проект по завоеванию страны пирамид французскому королю Людовику XIV еще в 70-е годы XVII в. Однако тогда французская дипломатия еще не рассматривала всерьез столь дерзкий и вероломный шаг – покуситься на одну из богатейших провинций османского султана, традиционного союзника Франции.

Тем не менее в XVIII в., когда кризис в Османском государстве был очевиден европейцам и даже встал вопрос о возможном разделе империи, французский истеблишмент вновь обратил взоры на Египет. Например, в архиве Министерства иностранных дел Франции хранится документ, написанный неким Анкетилем Тевенаном (Anquetil Thévenin) в феврале 1798 г., который так и называется – «Действия (combinaisons) в случае, если ослабление Османской империи повлечет за собой разрушение [порядка] в Европе». В нем автор пишет, что в случае дележа территорий Османской империи Франции необходимо включиться в эту борьбу,

чтобы не потерять контроль над Левантийской торговлей¹. Этот проект был написан накануне отправления войск Бонапарта в Египет, однако еще задолго до этого в кругах дипломатов боролись две группировки: одна доказывала, что Османская империя находится в упадке и что захватить Египет не составит труда, другая – что надо придерживаться осторожной политики и сохранять статус-кво². Первая группировка была значительна и включала в себя как переводчиков и консулов, так и лиц, занимавших более высокие посты, – служащего Военно-морского министерства Сен-Дидье, посла в Стамбуле графа Сен-При, министров французского правительства. Вторую группировку представлял бывший посол Франции в Стамбуле Вержен. Однако не только геополитическая ситуация сыграла роль в становлении «Восточного вопроса». Век Просвещения принес с собой концепцию «цивилизации», подразумевавшую в том числе противопоставление «Востока» и «Запада», а сама идея прогресса в Европе была сформулирована через идею об исторической «отсталости» восточных стран³. Соответственно, появилась идея о необходимости привнести на Восток «цивилизацию».

Французская революция поставила точку в вопросе о необходимости вторжения в Египет. Молодой генерал Бонапарт, имевший за плечами опыт успешной военной кампании в Италии и с юности увлеченный Востоком, а также министр иностранных дел Французской республики Ш. Талейран, придерживавшийся взглядов «интервенционистской» группы французских дипломатических кругов, разделяли идею о преимуществах завоевания Египта. Проект покорения страны пирамид преследовал две главные цели – превращение важного и богатого перекрестка торговых путей в колонию Франции (что было особенно актуально на фоне нестабильного положения на Антильских островах из-за революции в Сан-Доминго) и нанесение удара по важнейшему сопернику молодой Французской республики – Англии, поскольку Египет рассматривался как плацдарм для дальнейшего похода в Индию. Директория одобрила этот заманчивый и рискованный проект 5 марта 1798 г. (перед этим отвергнув еще более рискованный и не менее заманчивый проект вторжения в Англию), в том числе с расчетом на то, что если честолюбивый генерал Бонапарт, который должен был встать во главе армии, затеряется

¹ Archives du Ministère des affaires étrangères. Mémoire et documents. Turquie. 50 MD 15. F. 204 r – 205 v (лицевая – оборот).

² См.: *Gaulmier J.* Un grand témoin de la révolution et de l'Empire. Volney. P., 1959. P. 30–42; *Laurens H., Gillispie Ch. C., Golvin J.-C.* Op. cit. P. 14–15.

³ Подробнее см.: *Laurens H.* Orientales I. Autour de l'expédition d'Égypte... P. 33–37.

в песках восточных стран, для руководства Республики это не станет большой потерей.

Экспедиция в Египет была подготовлена рекордно быстро – уже 19 мая 1798 г. французские корабли с солдатами, моряками и корпусом ученых – все-таки идеологическая среда того времени предполагала не только завоевание, но и изучение объекта покорения – покинули Тулон, хотя само направление, куда они должны отправиться, держалось в тайне от общественности. Тем не менее догадки о восточном направлении движения армии Бонапарта витали в воздухе, в том числе и среди англичан, внимательно следивших за каждым шагом противников¹. Узнав 20 июня о захвате Мальты – первого пункта на пути французов в Египет, адмирал Горацио Нельсон (1758–1805), командовавший английской эскадрой, отправился искать неприятеля в Восточном Средиземноморье. Только по счастливой для французов случайности флот Нельсона не встретился с ними у берегов Египта, прибыв в Александрию раньше. Однако англичане получили холодный прием от жителей города. Вот как описывает встречу англичан на египетской земле аль-Джабарты: «Англичане высадились на берег, встретились со знатными людьми города и его правителем, которому принадлежала в городе вся власть. Правителем города в это время был сейид Мухаммад Кураим... Представители местной власти беседовали с англичанами и осведомились о цели их прибытия. Те сообщили, что они прибыли для поисков французов, так как последние отплыли в составе большой эскадры в неизвестном направлении. “Мы не знаем, куда они направились, – говорили они. – Возможно, они нападут на вас, а вы не будете в состоянии отразить их натиск и не сможете помешать им”. Однако сейид Мухаммад Кураим не поверил их словам, заподозрив в них ловушку, и потому александрийцы разговаривали с англичанами грубо. Тогда посланцы англичан сказали: “Мы расположим наши корабли в море для охраны порта и просим лишь снабдить нас водой и провизией за свою цену”. Представители местной власти отказали им в этом, говоря: “Эта страна принадлежит султану, и ни французы, ни иные чужестранцы не имеют здесь прав. Уходите от нас!” С этим посланцы англичан возвратились на корабль, и англичане отплыли в море, чтобы запастись провизией за пределами Александрии»².

Не обнаружив следов противника, Нельсон предположил, что французы направляются к Стамбулу, и отправился им наперерез.

¹ *Laurens H., Gillispie Ch. C., Golwin J.-C.* Op. cit. P. 38–39.

² *Аль-Джабарты.* Указ. соч. С. 50.

Тем временем французская эскадра подошла к египетским берегам, и в начале июля армия высадилась в окрестностях Александрии, перед этим распространив среди местных жителей прокламацию на арабском языке, начинавшуюся со слов: «Во имя бога милостивого, милосердного. Нет бога, кроме Аллаха. Хвала Аллаху, который не брал себе детей, и не было у него сотоварища в царстве». Текст прокламации так объяснял причины прибытия французов на египетскую землю: «Бонапарт, верховный главнокомандующий и эмир французской армии, доводит до сведения всех жителей Египта, что с давних пор санджаки, которые управляют Египтом, унижают французский народ и относятся с пренебрежением к его правам, чиня по отношению к французским купцам различные обиды и злоупотребления. Но час возмездия настал. Вот уже много веков эта клика, состоящая из привезенных с Кавказа и из Грузии рабов, угнетает самую лучшую в мире страну. Но всемогущий бог, властитель вселенной, повелел, чтобы их государство было уничтожено.

Египтяне! Вам было сказано, что я прибыл в эту страну, чтобы уничтожить вашу религию. Но это явная ложь – не верьте ей. Скажите тем, кто распространяет эти слухи, что я прибыл сюда лишь для того, чтобы освободить ваши права из-под власти тиранов, и что я больше, чем мамлюки, поклоняюсь богу всевышнему и почитаю Пророка его и великий Коран...

Если египетская земля является поместьем мамлюков, то пусть они нам покажут документ на право владения, который написал бы для них бог. Но повелитель вселенной милостив, милосерден и справедлив, и при могущественном содействии всевышнего отныне и впредь всякий житель Египта сможет занимать должности и добиваться высших почестей. Наиболее образованные, справедливые и умные из вас будут управлять делами, и таким образом улучшится положение всего народа. Прежде были на египетской земле крупные города, широкие каналы, велась оживленная торговля. Что уничтожило все это, если не тирания и алчность мамлюков? Шейхи, кади, имамы, чорбаджи, знатные вельможи государства! Скажите своему народу, что французы также истинные мусульмане. Доказательством этого является то, что они пришли в Великий Рим и уничтожили власть папы, который постоянно подстрекал христиан к войне против мусульман, а после этого отправились на остров Мальту и изгнали оттуда рыцарей, утверждавших, что бог всевышний повелел им вести войну с мусульманами. Вместе с тем французы во все времена были истинными друзьями его величества турецкого султана, – да продлит бог его царствование, – и врагами его врагов. Мамлюки же, напротив, отказываются повиноваться султану, не

подчиняются приказу его и повинуются только лишь своим собственным прихотям»¹.

Таким образом, в этой прокламации Бонапарт провозглашал основные принципы своей политики в Египте: привлечение коренных жителей Египта к управлению страной и сохранение традиционных религиозных институтов, уничтожение власти пришлых мамлюков и возвращение Египта под сюзеренитет османского султана. Однако все эти принципы являлись не более чем демагогией, призванной расположить население Египта к завоевателям².

После взятия Александрии войска направились к Каиру, и в решающей битве на подступах к городу в местечке Эмабаба – знаменитой битве у пирамид – 21 июля 1798 г. наголову разбили мамлюкские силы. Предводители мамлюков – Мурад-бей и Ибрагим-бей – пустились в бегство, первый – в Верхний Египет, второй – в Сирию. Уже на следующий день Бонапарт, гарантировавший напуганным жителям города, оставшимся без защитников, безопасность, заявил о намерении организовать новый диван, и французы вошли в город. В Каире Бонапарт действительно учредил центральный диван, куда включил представителей духовенства – улама, а также сделал другие назначения на должности. Расчет главнокомандующего состоял в том, чтобы сохранить видимость функционирования традиционных для Османского Египта структур власти, хотя вся реальная власть была сосредоточена в руках оккупационной администрации, причем одной из ее первых мер стало наложение тяжелой контрибуции на местных жителей, которые должны были, таким образом, финансировать кампанию французов.

Тем временем англичане вновь появились у берегов Египта, на этот раз твердо зная, что соперник ступил на восточную землю. В начале августа 1798 г. в морской битве при Абукире Нельсон уничтожил флот противника, блокировав армию Бонапарта в Египте. Османская империя, ободренная этим, разорвала отношения с Францией и объявила ей войну, наладив сотрудничество с Россией и Англией в рамках Второй антифранцузской коалиции. Характерно, что в послании Директории Совету пятисот от 14 сентября 1798 г. (28 фрюктидора 6 года), опубликованном Национальной типографией, – уже после объявления Портой войны – говорится о том, что

¹ Полный текст прокламации см.: *Аль-Джабарти*. Указ. соч. С. 54–56.

² Подробнее политика французов в Египте и реакция на нее местного населения будет рассмотрена в Главе 2. О политике Бонапарта в отношении ислама см.: *Ацамба Ф. М.; Кириллина С. А.* Религия и власть: ислам в Османском Египте (XVIII – первая четверть XIX в.), 1996. С. 83–100; *Кириллина С. А.* Указ. соч. С. 213–263.

Франция, вторгшись в Египет для освобождения его из-под власти узурпаторов-мамлюков, не стала объявлять войну Османской империи, поскольку Порта является давним союзником Франции и, более того, «она получит руками победителей-французов огромную выгоду» от процветания Египта, который станет «самой богатой продукцией страной в мире, центром безграничной торговли, и, конечно же, наиболее грозным пунктом против ненавистного английского господства в Индии и их узурпаторской торговли»¹.

Бонапарту, несмотря на Абукирскую катастрофу, ничего не оставалось, как продолжать завоевание страны и налаживать управление Египтом. В Каире был основан Институт Египта, задачей которого стало всестороннее изучение страны и распространение там просвещения, за что взялись члены Комиссии по наукам и искусствам, сформированной еще в марте 1798 г., – специалисты в разных областях: инженеры, архитекторы, художники, натуралисты, минерологи, антиквары, медики и т. д.² Были основаны французские печатные органы – газета *Courrier de l'Égypte* и журнал *Décade Égyptienne*. Планировалось также издание газеты на арабском языке, однако эта идея не была реализована³. Одновременно с налаживанием жизни в столице, осуществлялось покорение Дельты и продолжалось преследование отрядов Мурад-бея в Среднем и Верхнем Египте. Окончательно вопрос с этим мамлюкским эмиром был решен только в марте 1800 г., когда между воюющими сторонами был заключен мир, и Мурад-бей стал наместником французов в Верхнем Египте, сохраняя лояльность к ним до своей смерти от чумы в апреле 1801 г.

Однако покорение Египта протекало не так гладко. Осенью 1798 г. оккупанты столкнулись с актами неповиновения в нескольких провинциальных городах⁴, но особенно болезненной неожиданностью для них стало восстание в Каире (октябрь 1798 г.). Оно было жестоко подавлено, а те шесть служителей культа, которых французы считали его предводителями, казнены.

Несмотря на все трудности похода, французы не оставляли идеи поколебать английское владычество в Индии. В архиве Министерства иностранных дел Франции хранится проект похода в Индию, написанный, очевидно, в начале 1799 г.⁵ Возможно, автором этого доку-

¹ Archives du Ministère des affaires étrangères. Correspondance politique. Turquie. 133 CP 198. F. 469 r – 471 v (лицевая – оборот).

² О комиссии см. подробнее: *Laissus Y. L'Égypte, une aventure savante: avec Bonaparte, Kléber, Menou, 1798–1801*. P., 1998. P. 27–54.

³ См.: *Wassef S. A. Op. cit.* P. 109–119; *Boustani Salah el-Din. Op. cit.* P. 27–28.

⁴ См.: *Laurens H., Gillispie Ch. C., Golwin J.-C. Op. cit.* P. 152–153.

мента является Йозеф Феликс Лазовски (1759–1812), участник экспедиции в Египте, до ее начала отправленный с миссией в Стамбул (в описи указано авторство некоего Félix). В этом документе автор отмечает, что, исходя из нынешнего положения армии Востока, перед Бонапартом стоит две задачи: удержать Египет и нанести удар по позициям англичан в Индии, предприняв поход туда через османские, персидские и могольские земли. По мнению составителя этого документа, французские войска найдут поддержку среди населения этих стран, и данный поход будет успешным¹. Кроме того, османские войска угрожали вторжением в Египет со стороны Сирии, а потому зимой 1799 г. Бонапарт начал поход в Палестину². Однако эта кампания оказалась в целом крайне неудачной, несмотря на ряд побед французов и взятие ими городов: местное население, на поддержку которого рассчитывал Бонапарт, не перешло на сторону завоевателей и более того, оказывало им упорное сопротивление. Так, горожане средиземноморского порта Яффа отказались сдаваться французам, из-за чего началась страшная резня, когда завоеватели все же овладели городом. А осада Акки³, длившаяся с 20 марта по 21 мая 1799 г., вообще закончилась для французов поражением. Страдающая от чумы, тяжелых климатических условий и ожесточенного сопротивления жителей, поддерживаемых английским флотом, поредевшая французская армия отступила в Египет в конце мая 1799 г. В середине июля 1799 г. уже османские войска с помощью английского флота предприняли попытку высадиться в Египте. Однако 25 июля они были разгромлены Бонапартом в сухопутном сражении у Абукира. Несмотря на эту победу, Бонапарт вскоре оставил свою армию и тайно отплыл во Францию.

Новым главнокомандующим армии Востока стал генерал Клебер, который, оценив нерадостное состояние и перспективы французских

¹ Archives du Ministère des affaires étrangères. Mémoire et documents. Turquie. 50 MD 15. Marche présumée de l'armée d'Egypte; d'après etas actuel de cette armée. F. 206 r° – 210 v (лицевая – оборот).

² В тексте данного исследования Сирийский поход Бонапарта отдельно рассматриваться не будет.

³ Акка (араб., в европейской традиции – Сен-Жан д'Акр или Акра, ивр. Акко) – город на берегу Средиземного моря, ныне территория Израиля. Во времена похода Бонапарта – порт в Средиземноморье, центр владений Ахмед-паши аль-Джаззара (1720–1804) – наместника нескольких сирийских провинций Османской империи. Фактически, аль-Джаззар был самостоятельным правителем этих земель, лишь номинально зависевшим от Порты. Получил прозвище «Джаззар» («мясник») за свою жестокость, тем не менее снискал поддержку населения за то, что смог отразить атаки Бонапарта.

войск в Египте, принял решение об эвакуации оттуда. Вступив в переговоры с османами при посредничестве англичан, Клебер достиг с ними соглашения, и 23 января 1800 г. был подписан эль-Аришский договор, по которому французы в течение трех месяцев должны были беспрепятственно покинуть Египет на османских судах. Однако в марте Клеберу стало известно, что англичане, державшие Египет в морской блокаде, не намерены так просто выпустить извечных соперников из страны. В результате перемирие было нарушено, и османская армия, находившаяся в то время уже на подступах к Каиру, столкнулась с Восточной армией в битве у Гелиополиса 20 марта 1800 г. Малочисленные войска французов одержали блестящую победу над османами, превосходившими их по численности в несколько раз¹.

Фактически после этого сражения французы вновь начали завоевание Египта. Тем не менее сразу вслед за битвой жители Каира подняли второе крупное восстание против французов, длившееся месяц – оно также было жестоко подавлено оккупантами, а на жителей была наложена огромная контрибуция. Однако генералу Клеберу, взявшемуся за преобразования в оккупационной администрации, не было суждено долго управлять Египтом – 14 июня 1800 г. он был убит сирийцем Сулейманом. Последнего за столь дерзкое преступление ждал трибунал и мучительная смертная казнь.

Новым главнокомандующим армии Востока стал генерал Жак Мену, который твердо был намерен превратить Египет во французскую колонию и удержать ее. Однако столь оптимистичный настрой разделяли немногие – армия устала от тяжелых условий пребывания в стране и была деморализована, Мену не находил поддержки у многих генералов, к тому же в марте 1801 г. англичане высадились в Египте, а из Сирии пришла новая армия султана. В результате ряда стратегических ошибок Мену оказался блокирован с небольшим воинским контингентом в Александрии, которую оборонял до 30 августа, после чего капитулировал. Осенью 1801 г. французские войска покинули Египет на британских кораблях. Египетская авантюра генерала Бонапарта закончилась.

¹ Об этом сражении см.: *Чудинов А. В.* Сражение при Гелиополисе, или Забытая победа // *Французский ежегодник 2014*. Т. 2. Франция и Восток. М., 2014. С. 122–165.

Глава 2

ФРАНЦУЗЫ И ФРАНЦУЗСКАЯ ОККУПАЦИЯ: АРАБСКИЙ ВЗГЛЯД

Абд ар-Рахман аль-Джабарти и Никула ат-Турк

Арабских свидетельств французской оккупации несоизмеримо меньше, чем французских, и тем ценнее хроники египтянина Абд ар-Рахмана аль-Джабарти и сирийца Никулы ат-Турка для изучения периода экспедиции Бонапарта в Египет. Сочинения этих авторов позволяют понять взгляд арабской стороны на события французской оккупации. Однако прежде чем перейти к анализу их произведений, необходимо сказать несколько слов о жизненном пути обоих авторов и о тех обстоятельствах, что определили особенности каждого из указанных текстов.

* * *

Биография аль-Джабарти описана довольно подробно, прежде всего, в его же собственном сочинении. Его предки занимали важное место в ученой среде аль-Азхара – старейшего мусульманского университета Египта. Отец хрониста был уважаемым человеком, прославившимся своими достижениями в разных областях знания. Аль-Джабарти получил традиционное мусульманское образование. В 11 лет он уже знал Коран наизусть, а затем учился у авторитетных улама аль-Азхара. После смерти отца аль-Джабарти унаследовал его состояние и полностью погрузился в занятия наукой. Впрочем, он участвовал не только в интеллектуальной жизни Египта, но и в политической: во время французской оккупации входил в состав одного из диванов, когда пост главнокомандующего армией Востока занимал генерал Мену. С новым правителем страны, Мухаммадом

Али, пришедшим к власти в 1805 г., у хрониста не сложились отношения, поскольку аль-Джабарти критиковал его правление¹. В результате хроника «Аджаиб» была запрещена, а что касается самого автора, то сведения о последних годах его жизни запутаны и «не совсем достоверны»². Известно, что он занимал должность муваккита – человека, который объявляет наступление часа молитвы и священного месяца рамадан³. К концу жизни аль-Джабарти потерял зрение, его дети погибли, и он, как пишет египетский исследователь Мухаммад аш-Шаркави, «пребывал у себя дома в недугах, печалях и слепоте, пока не умер в 1231 г. по хиджре (1825 г. от Р. Х.)»⁴.

Сведений о жизни Никулы ат-Турка сохранилось намного меньше. Он родился, как сообщает редактор первого издания его сочинения А. Дегранж, в 1763 г. в Ливане и был потомком греков-католиков из Стамбула, отчего и носил нисбу⁵ «ат-Турк». Ат-Турк служил придворным поэтом у ливанского эмира Башира II (1767–1850), и, возможно, был учителем⁶. С приходом французов в Египет эмир отправил туда ат-Турка для сбора сведений о передвижениях и планах французов. Некоторые исследователи (Луис Шейхо, Исса Маалюф) считают, что Никула ат-Турк был переводчиком или секретарем французов⁷, хотя Дегранж, знакомый с ним лично, в предисловии к переводу хроники сообщает, что ат-Турк не знал французского языка. По возвращении в Ливан ат-Турк вновь стал писать стихи. В 1817 г. он тяжело заболел – половину его тела парализовало, один глаз ослеп, а вскоре поэт вообще потерял зрение, и его стихи записывала под диктовку дочь Варда. В 1828 г. ат-Турк умер⁸.

¹ *Ayalon D.* The Historian al-Jabarti and his Background // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. University of London, 1960. Vol. 23. P. 229.

² *Фильштинский И. М.* Египетский историк аль-Джабарти и его хроника // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 4. С. 66.

³ Цит. по: Там же. См. также: *Аш-Шаркави, Мухаммад.* Дирасат фи тарих аль-Джабарти. Миср фи-л-карн ас-самин ашар. Т. 1. Каир, 1955–1956. С. 15.

⁴ *Аш-Шаркави, Мухаммад.* Указ. соч. С. 16.

⁵ Нисба – одна из частей арабского имени.

⁶ *Weyergang M. L.* Niqla al-Turk as a source on the French Occupation of Egypt. Thesis for the Master of Arts Degree. American University in Cairo, 1985. P. 19.

⁷ *Haddad G. M.* The Historical Work of Niqla El-Turk (1763–1828) // Journal of the American Oriental Society. 1961. Vol. 81. No. 3 (Aug.–Sep.). P. 247, note 1.

⁸ *Weyergang M. L.* Op. cit. P. 23–24.

Как мы видим, авторы хроник имели разные происхождение, социальный статус и вероисповедание: один был мусульманином, представителем ученой элиты египетского общества и жителем страны, подвергшейся вторжению, другой – придворным поэтом-христианином и, по отношению к египтянам, чужеземцем.

Безусловно, эти различия сказались на особенностях стиля каждого из них. Американская исследовательница египетского происхождения Афаф Лутфи ас-Сайид Марсо, подробно проанализировав тексты обоих авторов¹, пришла к выводу, что, вероятно, ат-Турку могли быть ближе христиане-французы (хоть они и отрицали свою принадлежность к какой-либо религии), чем жители Египта, поэтому он был настроен к первым более благожелательно, чем египтянин аль-Джабарти. Кроме того, она отмечает, что они имели различное положение в обществе – аль-Джабарти был авторитетным ученым, представителем элиты, а ат-Турк – придворным поэтом, который зарабатывал себе на хлеб, прославляя власть имущих, что отразилось на манере его повествования, изобилующего хвалебными эпитетами. Действительно, в редакции хроники, изданной Дегранжем, встречается множество пышных эпитетов в применении к французам, хотя в редакции, изданной Г. Вьетом, их значительно меньше. В целом для редакции Дегранжа характерно более благосклонное отношение автора к французам – например, в ее текст включены оды Наполеону и Клеберу. Однако с не меньшим восхищением ат-Турк писал и о мусульманах, когда те проявляли воинскую доблесть.

В целом в сочинениях и аль-Джабарти, и ат-Турка много общего. Несмотря на все социальные, этнические и конфессиональные различия между ними, оба имели общую картину мира – как пишет историк Т. Филипп, «типичную для традиционного общества Ближнего Востока того времени»². Поэтому их взгляды на различные события периода оккупации и на действия французов зачастую совпадали, а описания отдельных фактов не только не противоречат друг другу, а, наоборот, взаимно дополняются и помогают проследить отношение к французам жителей Египта³.

¹ *Marsot AfafLutfi Al-Sayyid. A Comparative Study of Abd al-Rahman al-Jabarti and Niqula al-Turk // Eighteenth Century Egypt: The Arabic Manuscript Sources / ed. by D. Creceilius. Los Angeles, 1990. P. 115–126.*

² *Philipp Th. The French and the French Revolution in the Works of al-Jabarti // Eighteenth Century Egypt: The Arabic Manuscript Sources / ed. by D. Creceilius. Los Angeles, 1990. P. 140.*

³ Подробнее см.: *Philipp Th. Op. cit.; Прусская Е. А. Арабские хроники как источник по истории Египетской экспедиции Бонапарта // Французский*

Рассмотрим, как, согласно указанным хроникам, воспринимали разные слои населения Египта французов и их нашествие.

Французская система управления и политика в оценке арабских хронистов

Как уже отмечалось, экспедиция Наполеона Бонапарта стала одним из наиболее значительных в Новое время соприкосновений двух систем, далеких друг от друга как в религиозном и культурном, так и в политическом плане. Более того, Французская республика, возникшая в 1792 г., была новым явлением и для самого Запада, поскольку создала государственную систему управления, не имевшую прецедентов в истории европейских стран. Некоторые принципы, лежавшие в основе этой системы, французы использовали и в Египте. Однако провозглашенный ими во время Революции лозунг «Свобода, Равенство, Братство» оккупанты не спешили применять на практике в завоеванной стране.

Французы постоянно упоминали о республиканской форме правления в своих воззваниях, хотя задачи познакомить жителей страны с французской политической системой и основными принципами революции и, тем более, внедрить ее на Востоке, у них не было. Тем не менее прокламации Бонапарта содержали определенные сведения и о самих французах, и о Франции. Так, генерал утверждал, что его войска представляют Французскую республику, но поскольку это понятие не было знакомо египтянам, то переводчики использовали для его обозначения термин «джумхур» – «народ», которое с тех пор получило в арабском языке соответствующий смысл, а позже трансформировалось в «джумхурийа» – современное арабское слово, обозначающее республику¹.

Описания французской политической системы встречаются в «Муддат» аль-Джабарти и в хронике ат-Турка.

«Их объединением является республика, потому что у них нет главного или султана [правителя]², с которым все согласны, как и тех, кто может говорить от имени всех. Когда они восстали против

ежегодник 2010. Источники по истории Французской революции XVIII в. и эпохе Наполеона. М., 2010. С. 274–290.

¹ Подробнее см.: *Abu-Lughod I. Arab Rediscovery of Europe: A Study in Cultural Encounters. Princeton, 1963. P. 17.*

² В английском переводе Ш. Море арабское слово «султан» переведено как «султан», однако это слово в арабском языке обозначает не только титул исламского правителя, но и просто имеет значение «государь, верховный правитель».

своего короля шесть лет назад и убили его, то народ единогласно решил, что не должно быть единоличного правителя, но что их государство, территории, законы и управление должны быть в руках людей умных и мудрых из их числа. Они поставили выбранных ими людей во главе армии, а ниже их [по званию] – генералов и командиров подразделений в тысячу, двести и десять человек, а также администраторов и советников, на условиях, что они все равны и никто из них не выше остальных ввиду царящего в природе равенства. Они сделали это главным принципом и основанием своей системы»¹, – так аль-Джабарти характеризует политическое устройство Франции, разъясняя прокламацию Бонапарта и утверждение о том, что республика основана на равенстве и свободе. Понятие свободы он объясняет через сравнение французов с мамлюками: «Свобода означает, что они не являются рабами, как мамлюки»². Хронист отмечает, что французы установили в своем государстве «порядки, которые сами изобрели, на правилах, которые сами создали»³, то есть подчеркивает новизну французской системы. Однако явного своего отношения к этим новшествам он не выражает.

Никула ат-Турк начинает свое повествование о Французской революции и новом политическом устройстве рассказом о беспорядке, произошедшем в Париже: «В год 1792 г. от Р. Х., соответствующий 1209 году по хиджре, произошла в городе Париже большая смута. Народ этого королевства взбунтовался и неистово поднялся против своего короля⁴, принцев и знати. В тот день произошло великое волнение, и открылось скрываемое годами. Люди потребовали нового порядка и нового устройства. Они утверждали, что единоличное правление короля привело к большой разрухе в королевстве, а знать изнежилась в своем достатке, в то время как народ претерпевал невзгоды и тяжести»⁵. От короля, пишет ат-Турк, хотели, чтобы отныне

¹ *Al-Jabarti, Abd al-Rahman*. Al-Jabarti's Chronicle of the First seven Months of the French Occupation of Egypt. Muharram – Rajab 1213, 15 June–December 1798. *Tarikh Muddat al-Faransis bi-Misr* / ed. and transl. by S. Moreh. Leiden, 1975 (далее – «Муддат»). С. 11 (Р. 42–43). Здесь и далее указаны страницы арабского текста, в скобках – страницы английского перевода.

² Муддат. С. 11 (Р. 43).

³ Муддат. С. 46 (Р. 74).

⁴ Никула ат-Турк употребляет слово «султан» – «государь, верховный правитель». Традиционно для обозначения титула «король» для стран Запада используется арабское слово «малик», имеющее значение «монарх». У ат-Турка для обозначения французского короля используются оба термина.

⁵ См.: Никула ат-Турк о Французской революции (фрагмент из хроники) / перев. с араб. и комм. Е. А. Прусской // Французский ежегодник 2010. С. 291–295.

он не мог «распоряжаться самостоятельно, не должен ничего решать единолично, наоборот, теперь власть, управление и государственное устройство должны осуществляться посредством Большого Совета («диван азым») и Большого Собрания («махфиль джасим»). Король имеет первый голос среди наиболее выдающихся представителей народа («машаих аш-шааб»), которые пользуются доверием народа»¹.

Как отмечает Ибрагим Абу-Лугод, ат-Турк использует привычное слово «машаих» («совет старших») для обозначения республики, а не «джумхур», которое сами французы приводили в прокламациях: «Форма государственного правления, установленная революционерами, была явно незнакома ему»². В хронике довольно подробно рассказывается о попытке бегства и о казни Людовика XVI, воспроизводится его предсмертное письмо, описываются дальнейшие действия революционеров и события в республике, войны с европейскими монархиями, однако прямо свое отношение ко всему этому ат-Турк, также как аль-Джабарти, не высказывает.

Административную политику французов в самом Египте историки описывают гораздо более подробно.

Расчет Бонапарта при организации французской системы управления состоял в том, чтобы наряду с оккупационной администрацией сохранить традиционную для Египта структуру управления, в частности диван, который нужен был ему для легитимации собственных решений³. При этом созданная структура отвечала интересам завоевателей и создавала только видимость привлечения местного населения к власти, которое на самом деле практически не имело возможности реально влиять на порядок управления страной, хотя во французских прокламациях утверждалось обратное: «Отныне и впредь всякий житель Египта сможет занимать высшие должности и добиваться высших почестей. Наиболее образованные, справедливые и умные из вас будут управлять делами, и таким образом улучшится положение всего народа»⁴.

¹ *El-Turk N. Histoire de l'expédition française en Égypte / publ. et traduite par M. Desgranges. P., 1839. P. 3 (P. 4).* Здесь и далее указаны страницы арабского текста, в скобках – страницы французского перевода.

² *Abu-Lughod I. Op. cit. P. 24.*

³ Подробнее см.: *Кириллина С. А. Исламские институты Османского Египта в XVIII – первой трети XIX века. Lewiston; Queenston; Lampeter, 2000. С. 213–263.*

⁴ *Аль-Джабарти Абд Ар-Рахман. Египет в период экспедиции Бонапарта (1798–1801) / перевод, предисловие и примечания И. М. Фильштинского. М., 1962. С. 55.*

По словам аль-Джабарти, после разгрома мамлюкского войска на подступах к Каиру Бонапарт встретился с шейхами аль-Азхара и заявил: «Мы создадим для вас диван, который, действуя согласно законам шариата, обеспечит покой вашего народа и вас самих»¹. В этот административный орган вошли наряду с завоевателями – французами – и египтяне – шейхи аль-Азхара, а также представители конфессионального меньшинства – христиане, что не было характерно для Египта до французского вторжения². Изначально членов дивана было девять, затем он был реорганизован и включал в себя уже 60 человек, из которых 14 заседали постоянно, образуя особый диван. В него входили европейцы, египтяне и сирийцы. Общий же диван собирался по необходимости, и, в основном, состоял из представителей ремесленных цехов³. Были созданы также провинциальные диваны. При генерале Мену был учрежден главный диван, объединивший функции особого и главного диванов и имевший новый регламент. Одним из его членов стал сам аль-Джабарти⁴. Вообще же состав, устройство и регламент диванов не раз менялись.

Примечательным в тексте аль-Джабарти является описание процедуры выбора председателя дивана, очевидно, необычной для хрониста. Когда французы предложили шейхам выбрать председателя, то часть из них высказалась за шейха аш-Шаркави⁵, однако «переводчик ответил “No, no”, – что означает “Нет, нет”, – я сделаю одну вещь». Затем он достал белые бумажки, разорвал их на кусочки, дал каждому из присутствующих и сказал написать их имена и имена того, кого они выбирают. Каждый написал: такой-то согласен на такого-то. Далее он собрал бумажки, посчитал их, и нашел, что на большинстве было написано имя шейха аш-Шаркави. Тогда он сказал: «Большинство имеет силу всех», – или что-то в этом духе, «таким образом, становится шейх аш-Шаркави главным»⁶.

К дивану обращались по разным вопросам, начиная от назначения людей на разные должности и вопросов налогообложения до решения судебных дел и рассмотрения жалоб от населения. Однако диван создавался именно для обеспечения интересов французов, что не ускользнуло от внимания шейхов аль-Азхара, прекрасно осозна-

¹ *Аль-Джабарти*. Указ. соч. С. 67.

² *Raymond A. Égyptiens et Français au Caire, 1798–1801. Le Caire, 2004. P. 310.*

³ *Аль-Джабарти*. Указ. соч. С. 128.

⁴ *Аль-Джабарти*. Указ. соч. С. 355.

⁵ Абдаллах аш-Шаркави (1737–1812) – ректор аль-Азхара в 1893–1812 гг.

⁶ Муддат. С. 60–61 (Р. 87).

вавших свою роль в этом органе власти. По свидетельству аль-Джабарти, со временем «функцией дивана стало просто предотвращать преступления, заключать мир и писать письма с гарантией безопасности гузам [мамлюкам], которые прятались в деревнях, чтобы они пришли»¹. А затем вообще «французы начали проявлять пренебрежение к дивану... в течение многих дней шейхи продолжали собираться, но никто к ним не обращался. Тогда они прекратили свои заседания, и французы не требовали, чтобы они их продолжали»². Однако, признает хронист, после периода восстаний и беззакония, «жители радовались учреждению дивана, так как надеялись, что он принесет им облегчение»³. Несмотря на свою скорее «декоративную» роль в диване, шейхи аль-Азхара, тем не менее, пытались в свою очередь использовать его для облегчения жизни египтян – они ходатайствовали об уменьшении налогового бремени или об освобождении пленников, хотя эти просьбы далеко не всегда удовлетворялись французами.

В то же время посредством дивана оккупанты пытались вести пропаганду среди жителей Египта. Хронисты отмечают принудительный характер составления некоторых писем и прокламаций, печатаемых и распространяемых от имени дивана: «Французы заставили шейхов написать и отправить письма султану и шерифу Мекки»⁴, «по требованию французов ему [посланию] придали форму обращения руководителей дивана к народу»⁵, «Фурье приказал членам дивана написать верховному главнокомандующему письмо с пожеланием благополучия»⁶, «он [Бонапарт] написал для них [членов дивана] образец письма, который надо было отпечатать по-арабски и по-французски и разослать по областям Египта. Они выполнили, что он им приказал (курсив мой. – Е. П.)»⁷ и т. д. Вообще, помимо прокламаций о важных событиях, всегда сопровождавшихся заверениями в преданности исламу, любви к египтянам и желанием сделать добро для них, зачастую французы писали и другие – якобы от имени дивана, в которых прославлялась мудрая политика завоевателей и их успешная военная деятельность. Цель написания таких листовок не ускользала от хронистов – аль-Джабарти отмечал: «Я пишу об этом указе так подробно, желая показать, что он был рас-

¹ Муддат. С. 32 (Р. 59).

² Аль-Джабарти. Указ. соч. С. 88.

³ Там же. С. 357.

⁴ Там же. С. 93.

⁵ Там же. С. 156.

⁶ Там же. С. 386.

⁷ *El-Turk N.* Op. cit. P. 36–37 (Р. 42).

считан на то, чтобы ввести в заблуждение жителей и обмануть знатных людей при помощи различных хитростей, которые видны не только изощренному уму, но и простому взгляду»¹.

Никула ат-Турк также подчеркивает, что жители Египта не верили прокламациям французов. Об одной из них (от 21 июля 1799 г.), в которой главнокомандующий призывал шейхов дивана следить за спокойствием в стране и всячески уверял их в преданности французов Богу и Пророку, ат-Турк пишет: «Цель Бонапарта была в том, чтобы с помощью этой прокламации успокоить страну и искоренить зло. Тем не менее мусульмане прекрасно знали, что это письмо лживо»².

В целом сохранение традиционных органов власти – диванов и их «активность», по замыслу Бонапарта, должны были расположить египтян к французам. Этому же служили и другие меры: главнокомандующий посещал пятничную молитву, обещал построить новые мечети, приказывал отмечать мусульманские праздники, требовал уважать местное население: в священный месяц рамадан христианам не разрешалось курить и пить на виду у мусульман, ведь «таким образом французские власти стремились привлечь к себе сердца жителей»³. Наиболее влиятельных людей, пользовавшихся уважением в местном обществе, оккупанты пытались расположить к себе, вручая им дорогие подарки. По словам Никулы ат-Турка, «они [французы] использовали множество хитростей и следовали различными путями, чтобы удержаться. Поэтому они прославляли ислам и отрекались от христианства, показывали, что даровали свободу, уверяли, что были союзниками османов и прибыли в Египет по их приказу. Они якобы имели наилучшие намерения и искренние чувства по отношению к мусульманам, любили их религию и желали только добра. Они были очень общительными и терпимыми и самым лучшим образом относились ко всем нациям»⁴.

Однако такая политика, тем не менее, не увенчалась успехом – египтяне, несмотря на все ухищрения оккупантов, воспринимали французов как чужаков и иноверцев. Против завоевателей вспыхивали восстания, особенно крупными стали два в Каире, причем первое из них произошло уже через три месяца после овладения французами столицей Египта, в октябре 1798 г. Все восстания проходили

¹ *Аль-Джабарти*. Указ. соч. С. 128.

² *Turc N. Chronique d'Égypte, 1798–1804 / éd. et tr. par Gaston Wiet. Le Caire, 1950* (далее – Музаккират). С. 56 (Р. 75) Здесь и далее указаны страницы арабского текста, в скобках – страницы французского перевода.

³ *Аль-Джабарти*. Указ. соч. С. 147.

⁴ *El-Turk N. Op. cit.* P. 42 (P. 49).

под религиозными лозунгами, вроде «Да ниспошлет Аллах победу исламу»¹ и обнажали истинное отношение местного населения к завоевателям и их политике.

Аль-Джабарти пишет, что поводом к первому восстанию послужила система налоговых сборов, введенная французами; оно вспыхнуло стихийно и не имело предводителей. Некоторые шейхи аль-Азхара поддержали восстание, что хронист считает необдуманном шагом, ведь они не могли управлять событиями, так как «были связаны по рукам и ногам»² и не могли противостоять французам. Подавив сопротивление, оккупанты устроили такую резню в Каире, что аль-Джабарти уподобил их «дьявольскому войску», разрушающему все на своем пути³.

Никула ат-Турк видит причину первого Каирского восстания в общем недовольстве населения французами. Он отмечает, что жители Каира ждали фирмана (указа) от османских властей с подтверждением того, что завоеватели действуют против мамлюков по договоренности с султаном, как то утверждала французская пропаганда. Тем не менее такой документ все не приходил. Но основная причина, по мнению хрониста, состояла в том, что жители были недовольны нововведениями французов, противоречившими местным устоям: женщины обязаны были выходить из дома с открытыми лицами, всюду разрешалось продавать и употреблять алкогольные напитки, разрушались мечети с целью расширения дорог. Как отмечает ат-Турк, египтяне воспринимали все это как большую беду, ожидая, когда же наступит победа ислама над этими хулиателями⁴. Впрочем, первое каирское восстание Никула ат-Турк характеризовал как мятеж, который «не принес ничего, кроме бесчестья и позора его участникам и поругания религии»⁵. Оба хрониста подчеркивают стихийность первого восстания и его тяжелые последствия, хотя аль-Джабарти более остро реагирует на действия французов по подавлению мятежа.

Второе восстание (март–апрель 1800 г.) вспыхнуло после нарушения англичанами эль-Аришского мирного соглашения, по которому французы должны были уйти из Египта, оставив его османам. Когда сроки эвакуации французской армии из Каира были продлены на восемь дней, французы, по свидетельству хрониста, стали активно

¹ *Аль-Джабарти*. Указ. соч. С. 102.

² Там же.

³ Там же. С. 105.

⁴ *El-Turk N.* Op. cit. P. 65 (P. 76).

⁵ *Ibid.* P. 70 (P. 81).

концентрировать войска, возводить укрепления и пополнять боезапас. Аль-Джабарти передает удивление и смтение жителей города, пребывавших в неизвестности и высказывавших различные предположения о причинах подобной активности французов, почти полностью покинувших город накануне. Ходили слухи, что «французы были извещены некоторыми из своих друзей из английского лагеря о том, что визир договорился с англичанами окружить их, когда они подойдут к морю»¹. Ситуация в городе обострилась: мусульмане стали вооружаться против французов и христиан. Османские военные, прибывшие в город, лишь усугубляли ситуацию, призывая горожан к борьбе. Египтяне, ободренные близостью освобождения, стали пренебрежительно и оскорбительно вести себя по отношению к французам, выказывая им всю свою ненависть, «унижали их своим бесцеремонным обращением, насмешками, ругательствами и даже проклятиями»². В конце концов, все это вылилось в стихийное выступление. Ат-Турк, описывая жесткое наказание французами жителей после восстания, восклицает: «Это был час большой беды, страшные события, рассказ о которых способен заставить горы содрогнуться, а волосы молодых поседеть»³.

Именно восстания стали своеобразными «моментами истины» в отношениях между завоевателями и завоеванными, показавшими неэффективность демагогической политики французов – местные жители не верили лозунгам оккупантов, которые оставались для них чужаками и угнетателями, а не «освободителями», как позиционировали себя сами французы. Для большей части египетского общества завоеватели были, прежде всего, иноверцами, обладающими большой военной силой. Это вызывало страх и ненависть, которые проявлялись в самых разных формах, в частности, во время восстаний.

Аль-Джабарти, не испытывая теплых чувств к французам, тем не менее, признает необходимость компромисса и сотрудничества с оккупантами, ведь каирцы находились в «положении пленников»⁴. Но подобное стремление к сотрудничеству было непонятно бунтующей толпе. Дошло до того, что каирцы во время второго восстания стали нападать и на шейхов аль-Азхара: «Они говорили: “Эти шейхи отступили от веры и действуют заодно с французами, а цель их – добиться поражения мусульман. Они получили от французов деньги”»⁵.

¹ Аль-Джабарти. Указ. соч. С. 249.

² Там же. С. 244.

³ *El-Turk N.* Op. cit. С. 174 (P. 205).

⁴ Аль-Джабарти. Указ. соч. С. 44.

⁵ Там же. С. 268.

Именно религиозный фактор в первую очередь определял антифранцузские настроения, несмотря на пропаганду оккупантов.

После подавления восстаний французы делали все, чтобы обезопасить себя от их повторения: разрушали городские ворота и другие сооружения, которые могли послужить повстанцам, возводили укрепления: «Французы боялись других восстаний в городах Египта и прибытия врагов. Это был уже второй раз, когда жители Каира восставали против французов, и во время этих двух мятежей они [французы] потеряли более трех тысяч человек, не считая тех, кто был тайно убит дома»¹. Начались массовые аресты тех, кого подозревали в причастности к мятежу: «Они арестовывали жителей по малейшему подозрению. Шпионы старались сблизиться с населением и занимались собиранием сведений и подстрекательством»². Еще после первого восстания в Каире были арестованы несколько шейхов, а «глашатаи объявили на улицах “аман”³. Они сообщили также, что впредь жителей никто не будет беспокоить. Тем не менее власти продолжали аресты среди горожан и по малейшему поводу обыскивали дома»⁴. Что касается судьбы шейхов, – то несколько раз за них приходили ходатайствовать другие представители улама, однако первых под предлогом беседы с Бонапартом ночью вывели из дома, схватили и на утро казнили, причем другим шейхам и жителям города не было сообщено об этом из-за опасения волнений. И только через некоторое время было сообщено, что «мусульмане были казнены за то, что они убили французов»⁵. Примечательно, что аль-Джабарти, хотя и не одобрял участие шейхов в восстании, называет их «жертвами, пострадавшими за веру»⁶.

Тем не менее, в отличие от городских низов, испытывавших только неприятие по отношению к завоевателям, аль-Джабарти и другие улама были способны видеть и достоинства в организации французами управления, например в их судебной системе. На хрониста произвел большое впечатление процесс над Сулейманом аль-Халяби, убийцей генерала Клебера.

Во время своего пребывания в Египте французы в целом сохранили прежнюю систему местного судопроизводства – мусульманские суды кади. Тем не менее был создан и новый судебный орган – три-

¹ *El-Turk N.* Op. cit. P. 181 (P. 213).

² *Аль-Джабарти.* Указ. соч. С. 443.

³ Аман – безопасность, покровительство. В данном случае имеется в виду «гарантия безопасности».

⁴ Там же. С. 108.

⁵ Там же. С. 112.

⁶ Там же. С. 184.

бунал («махкамат аль-кадайя»), которому «предоставлялись права решать торговые и гражданские дела, дела о наследстве, разбирать жалобы и так далее»¹. Причем к его созданию аль-Джабарти относится явно негативно: «Для этого дивана был разработан устав, вводивший дурные новшества»²; «этот устав являлся лишь хитрой уловкой для того, чтобы захватить имущество жителей»³. Однако дело об убийстве Клебера рассматривалось не мусульманскими судами, а французским трибуналом по законам Республики Сулеймана, вина которого была абсолютно ясна, приговорили к смертной казни, как и трех человек, которым он сообщил о своем намерении убить Клебера и которые не доложили об этом властям. Хрониста же поразило следующее: «Несмотря на то что они поймали его [убийцу] на месте преступления вблизи орудия убийства, обрызганного кровью их верховного главнокомандующего и начальника, они не поторопились, основываясь только на показаниях убийцы, казнить его вместе с теми людьми, на которых он указал. Напротив, они организовали трибунал и устроили суд, приведя туда убийцу и допросив его еще несколько раз и простым допросом и под пыткой. Затем они привели в трибунал всех, о ком он сообщил, и допросили их каждого в отдельности, а затем всех вместе. Лишь после этого над ними состоялся суд в соответствии с принятыми у французов порядками и законами»⁴.

Аль-Джабарти приводит текст листовок, которые французы развесили на улицах с длинным и подробным описанием этого суда, поскольку «они содержат описание событий и дают представление о французском судебном следствии и судопроизводстве, построенных на началах разума и не подчиняющихся законам религии»⁵. Хронист отмечает, что о такой системе его спрашивали множество людей, поэтому он и приводит эти листовки на страницах своей хроники.

У Никулы ат-Турка тоже встречается описание данного события, однако он уделяет больше внимания не судебному процессу, а подготовке убийства и его осуществлению, а также тому, в каком отчаянии находились французы, лишившись своего любимого генерала, и тому, как была осуществлена казнь. Тем не менее в тексте редакции, изданной Г. Вьетом, ат-Турк отмечает, что «милостью Бога у убийцы не было идеи далеко бежать, и его смогли схватить, иначе бы французы обрушили свои мечи на город, потому что это их образ действия»⁶.

¹ Там же. С. 88.

² Там же.

³ Там же. С. 89.

⁴ Там же. С. 308.

⁵ Там же.

⁶ Музакират. С. 95 (Р. 117).

Итак, как было показано выше, арабские хронисты довольно четко излагали устройство политической системы французской республики, никак не оценивая, однако, ее достоинств или недостатков. Как пишет Т. Филипп, именно потому, что экспедиция Бонапарта рассматривалась хронистами исключительно в религиозном контексте, они никоим образом не увязывали с ней идеи Французской революции¹, хотя были довольно хорошо осведомлены о той. И египетский алим, и сирийский поэт-христианин исходили в данном случае из одной картины мироустройства, в которой доминировал религиозный фактор.

К французской же системе управления Египтом разные слои египетского общества, как показывают арабские хроники, относились по-разному. «Низы» испытывали к оккупантам только страх и ненависть, воспринимая их прежде всего как иноверцев, и осуждали шейхов аль-Азхара за сотрудничество с ними. Аль-Джабарти, представитель образованной части населения, как, очевидно, и другие шейхи, понимал необходимость участия в созданной оккупационными властями системе управления и видел ее достоинства, хотя и его чувства к оккупантам не отличались теплотой.

Образ жизни французов в Египте и их взаимоотношения с местным населением

Особый интерес представляет описание хронистами повседневной жизни и поведения французов в Египте, их внешнего вида и привычек, а также новшеств, привнесенных ими и неизвестных до того на Востоке.

В хрониках отсутствует подробное описание одежды французов, но временами встречаются упоминания о ней. В «Аджаиб» аль-Джабарти отмечает легкость и удобство французской военной формы², что давало им преимущество в бою, а в «Муддатт» более подробно описывает внешний вид лиц, занимающих высокое положение: «Их руководителей можно узнать по чистоте одежды и знакам отличия на одежде и голове. Командир десяти носит на голове большую кокарду из шелка, как будто большую розу. Если он командир двадцати пяти, то у него кокарда двухцветная, а если он командир сотни – трехцветная. Его шляпа, известная как “бурнета”, украшена парчой, или же он может носить на плече такой же отличительный знак.

¹ *Philipp Th.* Op. cit. P. 140.

² *Аль-Джабарти.* Указ. соч. С. 272.

Если он известен своею храбростью и был ранен несколько раз, то получает два таких знака на плечо»¹.

Из текстов хроник видно, что французы довольно много внимания уделяли символике и знакам отличия, и это было необычно для местного населения. Так, и у аль-Джабарти, и у ат-Турка встречаются упоминания о том, что оккупационные власти приказали всем жителям носить кокарды: «Верховный главнокомандующий обязал всех жителей Каира надеть на голову или на грудь символ республики. Это кокарда из шелка, белого, красного и синего цветов, размером с розу. И мужчины, и женщины прикрепили ее себе на одежду, а глашатай объявил, что каждый, кто войдет в город без нее, будет наказан»².

У аль-Джабарти кокарда описана еще более детально: «Каждый круг был меньше, чем тот, который был под ним, так что эти три цвета были расположены тремя окружностями, одна вокруг другой»³. Однако новшество это не прижилось – «большая часть жителей не пожелала их [кокарды] носить, а некоторые надели, считая, что они, делая это против воли, не нарушают законов религии, между тем как непослушание французам может навлечь на них беду»⁴.

Примечателен случай с председателем дивана шейхом аш-Шаркави: желая показать свое расположение, Бонапарт возложил ему на плечо трехцветную ленту, однако это вызвало обратную реакцию у алима: «Тот пришел в ярость, сильно покраснел, и настроение его омрачилось. Он сбросил ленту и попросил избавить его от этого. Тогда переводчик сказал: “Шейхи! Вы стали друзьями верховного главнокомандующего, и он хочет возвеличить и почтить вас, жалую свою одежду и знаки. Если вы будете носить эти отличия, солдаты и жители будут относиться к вам с уважением и вы займете в их сердцах почетное место”. Шейхи ответили: “Но тогда мы уроним свое достоинство перед богом и братьями нашими – мусульманами”»⁵.

Видя такое недовольство, французы обязали только официальных лиц носить кокарды, и то лишь в том случае, если они шли на прием к оккупационным властям, но и это правило вскоре было отменено. Хотя ношение знаков отличия и не противоречило религии, что отмечается самим аль-Джабарти («ношение кокарды не является нарушением законов религии»⁶), жители Египта не привыкли к та-

¹ Муддат. С. 11–12 (Р. 43).

² *El-Turk N.* Op. cit. P. 30 (Р. 35).

³ *Аль-Джабарти.* Указ. соч. С. 52.

⁴ Там же. С. 82.

⁵ Там же. С. 81.

⁶ Там же. С. 82.

ким знакам отличия, не понимали их смысла и считали для себя их ношение оскорбительным и даже богопротивным делом.

Вообще, столкновение двух культур, их различия и несхожесть особенно ярко проявляются в описаниях поведения французов в арабских хрониках. Аль-Джабарти в «Муддат» явно с пренебрежением и презрением пишет о нечистоплотности французов («когда [француз] чувствует нужду, он справляет ее, где бы он ни находился, даже на виду у других, и уходит не омывшись»), об отсутствии скромности у французов и французенок и их свободных нравах в отношениях между полами, совершенно неприемлемых для Египта¹.

Особенно возмущает аль-Джабарти распутное поведение французских женщин и то, что им стали подражать египтянки: «С этого времени женщины забыли всякую скромность, стыд и приличие и начали позорно себя вести. Дело в том, что некоторые из прибывших в Египет французов привезли с собой своих жен. Французы вместе с женами прогуливались по улицам, причем их жены ходили с открытыми лицами, были одеты в платья, покрыты платками из разноцветного шелка, а на плечи накидывали кашемировые шали, обшитые разноцветным позументом. Эти женщины со смехом и хохотом разъезжали по улицам верхом на лошадях и ослах, погоняли их во всю прыть, заигрывая с везущими их погонщиками и с разными подонками из простого народа. К ним тянулись низкие и наиболее развратные женщины легкого поведения... Женщины отбросили всякую скромность и стыдливость, ни на что не обращали внимания и ни с чем не считались. Они стали привлекать к себе своих сверстниц и смущать их умы, ибо души людские, особенно души незрелых людей, стремятся к удовлетворению похоти... Женщины-мусульманки вступали в связь с местными французскими начальниками, одевались во французскую одежду и ходили с ними по их району, в то время как те разбирали дела жителей и давали обычные распоряжения и указания... Когда вода в Ниле, достигнув своего высшего уровня, входила в канал, куда устремлялись лодки, то в них оказывались эти женщины, вследствие своей распушенности воспользовавшиеся своими связями и дружбой с французами. Они пели, танцевали и пили вино днем и ночью при свете горящих свечей и фонарей»².

Никула ат-Турк также подчеркивает крайнее несоответствие нравов мусульман французскому образу жизни: «Пребывание французов было для египтян невыносимым, особенно поскольку они видели, что их женщины и дочери гуляют с открытыми лицами, что они

¹ Муддат. С. 12 (Р. 43).

² Аль-Джабарти. Указ. соч. С. 409–410.

выглядят на публике собственностью французов, сопровождают тех на улицах и сожительствуют с ними. Из-за этого мусульмане практически умирали [со стыда]. Им хватало и того, что они видели кабаки, открытые на всех рынках Каира и даже в некоторых мечетях»¹. Как видно, христианин ат-Турк относится явно сочувственно к жителям Египта и прекрасно понимает их отношение к поведению французов. Более того, описывая египетскую столицу времен командования Мену, ат-Турк восклицает: «Каир стал похож на Париж. Женщины без стеснения выходили с французами, везде распивали вино и другие спиртные напитки и происходили другие вещи, которые Господь наш не одобряет»². Как отмечает американский исследователь Дж. Хаддад, ат-Турк иногда называет французов «неверными», несмотря на то, что сам являлся христианином³. Действительно, их поведение не соответствовало образу жизни мусульман (как, впрочем, и местных христиан), так что неудивительно, что не только аль-Джабарти, но и ат-Турк применял к ним подобные эпитеты.

Более того, такое поведение мало соответствовало той религиозной политике, что проводил Бонапарт. Несмотря на заверения французов в уважении и даже преданности исламу, местное население не верило этим словам. По словам аль-Джабарти, некоторые из оккупантов, когда сватались к египтянкам, даже «делали вид, что принимают ислам, и произносили слова исповедания веры, ибо у них нет веры, которая внушала бы им страх и которой они боялись бы изменить»⁴.

Действительно, образ жизни оккупантов не вязался с идеалом поведения добропорядочного мусульманина. Аль-Джабарти уверен в том, что они вообще не исповедуют никакой религии и ни во что не верят. Утверждение французов о том, что они уничтожили власть Папы Римского, хронист комментирует следующим образом: «Они не согласны ни с христианами, ни с мусульманами и не придерживаются никакой религии. Они безбожники, отрицающие загробную жизнь и Воскресение, пророков и Мессию. Они не верят в сотворение мира и считают, что движение небесных тел и события во Вселенной определяются влиянием звезд, а возникновение наций и крах государств зависят от сочетания планет и положения луны. Некоторые верят в переселение душ и другие фантазии. Поэтому они не приносят в жертву животных, которых едят, и не обезглавли-

¹ Музакират. С. 31 (Р. 45).

² *El-Turk N.* Op. cit. P. 180 (P. 212).

³ *Haddad G. M.* Op. cit. P. 251.

⁴ Там же. С. 410.

вают людей, не убив их сначала, чтобы их души не разделились и не рассеялись по частям, переселившись в другое тело не целиком, – и [верят в] тому подобные бессмысленности и заблуждения»¹. Как видно, аль-Джабарти не сомневается, что французы являются атеистами и материалистами, что намного хуже, с точки зрения религиозного человека, чем быть просто иноверцем. Примечательно и то, о каких «фантазиях» французов пишет хронист, что показывает разницу в мировосприятии людей двух культур.

Никула ат-Турк также подчеркивает бесполезность заявлений французов об уважении к исламу и переходе их в эту веру. Он пишет, что на прокламации с заверениями в любви Бонапарта к исламу египтяне отвечали, что это хитрость и лесть, ведь Бонапарт – христианин и сын христианина², а переход генерала Мену в ислам считали подхалимажем³. Более того, отмечает хронист, многие французы провозглашали приверженность исламу на публике и изучали арабские книги и Коран. В то же время в их домах проживало множество мусульманок, поведение которых не соответствовало местным обычаям, – «женщины могли выходить из дома, поскольку французы имеют совершенно особую манеру беседы, развлечений и поведения с женщинами, отличные ото всех других народов мира»⁴.

Культурная и мировоззренческая разница между французами и египтянами не раз подчеркивается ат-Турком. По его словам, «египтяне совершенно не принимали французов из-за различий в религии, языке и обычаях, не говоря уже о старой вражде между французами и египтянами, существовавшей еще со времен султана аз-Захира Бейбарса»⁵. Вообще, в редакции, изданной Г. Вьетом, не раз встречаются упоминания о борьбе населения Египта в XIII в. против крестоносцев во главе с Людовиком Святым и победе над ними. Как отмечает Т. Филипп, для ат-Турка так же, как и для аль-Джабарти, французское вторжение в Египет воспринималось в контексте многовековой борьбы между мусульманами и иноверцами⁶. И поэтому неудивительна реакция обоих авторов, вне зависимости от их конфессиональной принадлежности, на образ жизни французов в Египте.

¹ Муддат. С. 16 (Р. 47).

² Музаккират. С. 60 (Р. 78).

³ Музаккират. С. 100 (Р. 123).

⁴ Музаккират. С. 60 (Р. 79).

⁵ Музаккират. С. 24 (Р. 35). Мамлюкский султан аз-Захир Бейбарс, правивший в 1260–1277 гг., прославился победами над крестоносцами и монголами, за что получил прозвище «Абу-ль-футух» – «Отец Побед».

⁶ *Philipp Th.* Op. cit. P. 139–140.

Итак, повседневную жизнь в Египте французы вели в соответствии со своими традициями и привычками. Оккупанты обязали местных жителей, в том числе и ради своей собственной безопасности, принять некоторые меры, до этого не распространенные в Египте: например, соблюдать санитарные нормы. Последнее стало необходимо после того, как в Каире вспыхнула эпидемия чумы. Был организован карантин и предписано сообщать о случаях заболеваний, не входить в дом к больным, сжигать одежду умерших и т. д. Это стало новшеством для населения Египта. Французам пришлось разъяснить членам дивана суть и предназначение карантина, после чего «должны были быть приняты меры и намечен путь, который обеспечил бы покой как жителей города, которым трудно соблюдать этот порядок, поскольку они к нему не привыкли, так и французов»¹. Жителей действительно пугало введение новых мер, и они относились с большим недоверием к действиям оккупантов: «Среди жителей ходили слухи, будто всякого заразившегося чумой, как только заболевание обнаружится, французы забирают в карантин, и его близкие, если только он не выздоровеет и не возвратится домой, больше ничего о нем не узнают»².

С одобрением относится аль-Джабарти к таким мерам французов, как строительство и ремонт дорог: «Эту большую и важную работу они выполнили в самый короткий срок. Они никого не принуждали работать бесплатно, а, напротив, платили рабочим повышенную, по сравнению с обычной, плату, причем выплачивали деньги ежедневно после полудня»³.

Новыми и необычными оказались для египтян не только меры санитарного порядка и по благоустройству города, но и способы развлечения французов: «Французы построили... особое здание, предназначенное для увеселений. В нем собирались в определенное время женщины и мужчины. Каждый, входящий сюда, должен был предъявить специальный билет, за который он обязан был уплатить деньги, или получить особое разрешение на вход»⁴.

Аль-Джабарти подробно описывает устройство французского театра, очевидно, неизвестное ему до этого: «В это же время в квартале аль-Азбакийя, в месте, известном под названием Баб аль-Хава, была окончена постройка здания, которое именовалось на языке французов “Лакомеди”. В этом здании раз в десять дней собирались люди,

¹ *Аль-Джабарти*. Указ. соч. С. 375.

² Там же. С. 123.

³ Там же. С. 120.

⁴ Там же. С. 119.

чтобы провести вечер и развлечься театральным представлением, которое для удовольствия зрителей разыгрывала в течение четырех часов группа французов. Представление велось на французском языке. Для того чтобы попасть на представление, необходимо было иметь специальный билет и быть соответствующим образом одетым»¹.

Если к театру аль-Джабарти не выказывает своего отношения, то о другом новшестве французов – воздушном шаре – отзывается скептически. Вызвана такая реакция, возможно, во многом тем, что запуск воздушного шара, устройство которого хронист детально излагает, был одним из способов произвести на египтян сильное впечатление и показать превосходство иноземцев, что, однако, французам не удалось – два раза они пытались запустить шар, и оба раза он падал: «Все, что они говорили о мудро изготовленном воздушном шаре в форме корабля, который поднимется в воздух и в который сядут несколько человек и улетят на нем в далекие страны, для того чтобы узнать там новости и отправить письма, оказалось выдумкой. На самом деле их воздушный шар напоминал бумажные змеи, которые пускают на праздниках и свадьбах»².

Однако на аль-Джабарти огромное впечатление произвели научные достижения французов и их обширные знания и умения в разных областях. Бонапарт, привезший большой штат ученых самых разных специальностей, создал в Каире целый «научный городок», поселив их в одном квартале. Там они организовали лаборатории и библиотеки, где находилось множество ценнейших книг, в том числе арабских авторов. Аль-Джабарти удивило то, что ходить в эти библиотеки могли не только французские ученые, но и простые солдаты, а также местное египетское население: «Посетители библиотеки могут смотреть любые книги, какие пожелают... Хранитель приносит их. Все читатели (даже простые солдаты) внимательно перелистывают их, просматривают и делают выписки. Если в библиотеку приходит кто-либо из мусульман, желающих на нее взглянуть, ему разрешают занять самое лучшее место, встречают его приветливо, с улыбкой, выражают радость по поводу его прихода, особенно если обнаружат в нем способности к наукам, знания и любознательность. Французы в этом случае проявляют любезность и дружелюбие и приносят ему различные печатные книги с разнообразными иллюстрациями, на которых изображены земля с расположенными на ее поверхности странами, животные, птицы и растения... Все это достойно изумления»³.

¹ *Аль-Джабарти*. Указ. соч. С. 365.

² Там же. С. 118.

³ Там же. С. 121–122.

Хронист отмечает обширные познания французов и их тягу к учености: «У них большие знания в науках, главным образом в области математики и филологии. Они делают большие усилия в изучении языка и логики и тратят на это дни и ночи. У них имеются редкие книги по грамматике и этимологии различных языков, что позволяет им в кратчайший срок делать переводы с других языков на свой язык»¹.

С видимым восхищением и интересом аль-Джабарти пишет об астрономических инструментах «изумительной конструкции»², об искусстве французских художников, на портретах которых «изображение человека так рельефно выделяется на чистом фоне, что смотрящему на него кажется, будто он вот-вот заговорит»³, о способах консервации необычных для французов рыб и животных, об устройстве их лабораторий. Особенно сильно впечатлили его химические опыты французов, которые он описывает очень подробно. Хронист признает, что в этой области французы добились внушающих уважение результатов, в то время как на Востоке еще не было совершено таких открытий: «Были показаны и другие опыты, вызывающие столь же удивительные результаты, которые умы, подобные нашим, не могут ни понять, ни объяснить»⁴.

Таким образом, если поведение и манеры чужеземцев возмущают аль-Джабарти, то их научные достижения вызывают у него неподдельный интерес и восхищение.

Что касается взаимоотношения оккупационных войск и местного населения, то, как уже отмечалось ранее, французы старались всячески расположить египтян к себе. Одним из таких способов являлось проведение праздников, которые подробно описаны и у аль-Джабарти, и у ат-Турка. Французы уделяли большое внимание организации торжеств, как религиозных, так и светских, как своих собственных, так и египетских. Помимо обязательного отмечания Дня Республики, французы устраивали торжества в честь своих побед. Что касается местных праздников, то оккупанты старались отмечать и традиционные египетские (праздник разлива Нила, например), и религиозные мусульманские – день рождения Пророка, праздник разговенья, жертвоприношения и т. д.

Французская администрация строго следила за проведением праздников, полагая, что этим подтвердит свое уважение к исламу и

¹ Там же. С. 123.

² Там же.

³ Там же. С. 123–124.

⁴ Там же. С. 126.

завоюет расположение египтян, однако подобное рвение приводило к тому, что некоторые торжества приобретали принудительный характер: «Во вторник отмечался праздник дня рождения Хусайна¹. Решили в этом году не праздновать этот день, однако один из предателей донес французам о том, что обыкновенно день рождения Хусайна празднуют после дня рождения Пророка. Бонапарт спросил: “А почему не празднуют его в этом году?” Тогда тот сказал: “Шейх ас-Садат хочет его праздновать только после прихода мусульман”. Этот разговор дошел до шейха ас-Садата, и последний, чтобы не раздувать это дело, распорядился праздновать этот день. Верховный главнокомандующий явился на праздник, присутствовал на иллюминации и вернулся в свой дом только после вечерней молитвы»².

Во время любых торжеств устраивались народные гуляния, город иллюминировался, производились ружейные залпы. По словам ат-Турка, «французы отмечали с размахом все памятные даты ислама, праздники, годовщины рождений и разливы Нила, сопровождая их орудийными салютами и фейерверками, чего никогда не было при исламе»³. То есть французы, пытаясь задобрить египтян, лишь нарушали местные традиции. Примечательно, что оккупанты порой не понимали, что пышные праздники, устраиваемые французами, не приветствуются богословской верхушкой Египта. Аль-Джабарти, представитель аль-Азхара, с осуждением относится к подобным торжествам: «Жители радовались сборищам, развлечениям и увеселениям, которые происходили теперь во всем квартале, так как это соответствовало нраву простого народа, в большинстве своем от природы склонного к распушенности и легкомыслию. Таковы по характеру и французы»⁴. Хронист видел одной из причин такого количества праздников «возможность отступить от законов шариата, встречаться с женщинами, удовлетворять свою похоть, развлекаться и делать все то, что запрещено»⁵.

По мнению аль-Джабарти, только простой люд радовался подобным развлечениям: «В эту ночь на реке Нил и на ее берегах на глазах у всех разыгрались такие непристойности и беспутства, что нет возможности их описать. Городская чернь, всякий сброд и разные подонки общества также вели себя непристойно, распутно и мерзко по

¹ Внук пророка Мухаммада.

² *Аль-Джабарти*. Указ. соч. С. 94–95.

³ Музакират. С. 60 (Р. 79).

⁴ *Аль-Джабарти*. Указ. соч. С. 136.

⁵ Там же. С. 231.

неразумению, и никто не пытался их удержать – ни правители, ни другие жители. Каждый делал, что хотел, и совершал то, что ни с того ни с сего приходило ему в голову»¹. Ат-Турк также подчеркивает, что «французская оккупация улучшила положение низших классов: перекупщиков, грузчиков, ремесленников, погонщиков ослов, конюхов, сутенеров, проституток – этот осадок общества в целом был рад, поскольку они получили свободу»².

Каждый год своего пребывания в Египте французы обязательно отмечали день основания Французской республики: «Они изготовили высокий позолоченный столб и установили его на площади аль-Азабакия. Столб украсили портретом их короля и королевы, которые были убиты в Париже. Затем они повесили трехцветные дощечки с изображением битвы в Эмбабе и взятием Каира, а также изображениями армий обеих сторон и портрет Айуб-бея, убитого в битве в Эмбабе, и других погибших. Они изобразили бегство мамлюков и все события этой битвы. Французы говорили, что этот столб символизирует дерево свободы»³. Однако местные жители видели совсем другое предназначение этого столба: «Это кол, которым вы нас проткнули, символ завоевания страны»⁴. Как отмечает ат-Турк, жители очень радовались, когда спустя десять месяцев столб убрали.

Отношения с французами складывались различно у разных социальных и конфессиональных групп. Религиозные меньшинства тянулись к оккупантам, поскольку чувствовали поддержку с их стороны⁵. Сами же французы пытались понравиться мусульманам, причем это проявлялось не только на государственном уровне (привлечение египтян в систему управления, прокламации с заверением в любви к исламу, приказы французского руководства относиться с уважением к коренным жителям страны), но и в повседневной жизни, во взаимоотношениях солдат и жителей Египта: «Французские солдаты прогуливались по улицам Каира без оружия, не нарушая порядка. Они даже шутили с жителями и покупали то, в чем нуждались, по самой высокой цене»⁶. Видя такое поведение, египтяне стали менее настороженно относиться к оккупантам: «Французы за все платили повышенную цену. Это развратило торговцев. Булочники уменьшили размер лепешек и при помолке не очищали зерно. Жители открыли

¹ Там же.

² Музакират. С. 31 (Р. 45).

³ *El-Turk N.* Op. cit. P. 45 (P. 52).

⁴ Ibid.

⁵ О взаимодействии конфессиональных меньшинств и французов см.: *Raymond A.* Op. cit. P. 306–312.

⁶ *Аль-Джабарти.* Указ. соч. С. 68.

множество лавок по соседству с казармами французских солдат и продавали в них разнообразное продовольствие: хлеб, лепешки, жареную рыбу, мясо, домашнюю птицу и все остальное»¹.

Однако такие внешне дружественные отношения были весьма хрупкими, тревога не покидала жителей города, и при первых же признаках угрожающей со стороны французов опасности настроение местных жителей менялось. Например, когда оккупанты начали сносить ворота между улицами, жители были напуганы: «Всяческие мысли стали приходить им в голову. Возникали самые дурные предположения и подозрения, которые высказывались вслух и оттого представлялись еще более возможными. Жители, например, передавали друг другу, будто французские солдаты намереваются в пятницу во время молитвы перебить всех мусульман»².

В этой взрывоопасной обстановке, вызванной подозрительным и неприязненным отношением мусульман к иноверцам, легковозбудимая толпа городских низов легко поддавалась на призывы к мятежу против них. Более того, пребывание французов в Египте нарушило баланс в отношениях между мусульманским и немусульманским населением Египта³ – не случайно восстания против оккупантов проходили под антихристианскими лозунгами, и начинались с погромов домов коптов, сирийцев и европейцев. Устоявшиеся веками правила, на основе которых происходило межконфессиональное взаимодействие, стали нарушаться. Мусульмане всегда находились в привилегированном положении, но с приходом французов часть населения, не исповавшая ислам, почувствовала относительную свободу, и стала нарушать ранее принятые нормы. Однако французам было важно успокоить мусульманское население Египта и свести возможность мятежей к минимуму, поэтому оккупационные власти следили за тем, чтобы немусульмане открыто не нарушали налагавшиеся на них запреты. Например, христианам было вновь предписано носить чалму темных цветов, что являлось одним из правил на протяжении многих лет сосуществования ислама и христианства в Египте, и которое стало игнорироваться после прихода французов⁴.

Повседневные отношения между оккупантами и местным населением после первого восстания обострились, французы стали более настороженно относиться к мусульманам. После мятежа они, чтобы держаться вместе, поселились в домах поблизости друг от друга в

¹ Аль-Джабарти. Указ. соч. С. 71.

² Там же. С. 73

³ Подробнее см.: Кобищанов Т. Ю. Христианские общины в арабо-османском мире (XVII – первая треть XIX в.) М., 2003. С. 161–220.

⁴ Аль-Джабарти. Указ. соч. С. 147.

квартале аль-Азбакийя, выселив оттуда местных жителей. По словам аль-Джабарти, «это было вызвано тем страхом, который французы [со времени восстания] испытывали перед мусульманами»¹. По этой же причине французы стали выходить на улицу только с оружием, хотя раньше они ходили по городу без него. Как свидетельствует хронист, «сейчас даже те из них, кто не носил с собой оружия, брали с собой в руки палку, хлыст или что-либо подобное. Они стали испытывать ненависть к мусульманам и остерегаться их»². Со временем отношения с местным населением вошли в прежнее русло, хотя настороженность по отношению друг к другу сохранилась у обеих сторон.

Однако антифранцузские настроения не покидали жителей и в полной мере проявились во время подготовки эвакуации французов и второго восстания в Каире: «Сердца стали наполняться радостью и счастьем по случаю изменения положения и освобождения страны из рук нечестивых»³. Французы также «смотрели на жителей глазами, полными ненависти»⁴ после очередного восстания.

В этот период отношения между французами и местным населением, а также между христианами и мусульманами были очень напряженными. По словам аль-Джабарти, «христиане – копты и сирийцы оскорбляли мусульман, ругали их, били и забирали у них все, что хотели»⁵. Французы также притесняли египтян и грабили их дома. После убийства главнокомандующего Клебера французы находились в таком отчаянии, что «у них была идея заколоть шпагами и христиан, и мусульман – убить их всех»⁶. Примечательно, что в этом порыве французов проявилось их отношение ко всем жителям Египта, вне зависимости от исповедуемой религии.

Особенно отношения обострились после прихода к власти генерала Мену, несмотря на то, что тот старался проводить политику ориентированную скорее на мусульман – сам он женился на правоверной, принял ислам, и в диван при нем не входили религиозные меньшинства, к которым главнокомандующий к тому же испытывал личную неприязнь⁷. Однако, по свидетельству аль-Джабарти, конфликты на повседневном уровне лишь усугубились: «Французы ста-

¹ Там же. С. 114.

² Там же.

³ *El-Turk N.* Op. cit. P. 154–155 (P. 179).

⁴ *Аль-Джабарти.* Указ. соч. С. 281.

⁵ Там же. С. 291.

⁶ *El-Turk N.* Op. cit. P. 189–190 (P. 223).

⁷ *Laurens H., Gillispie Ch. C., Golvin J.-C.* L'expédition d'Egypte, 1798–1801. P., 1989. P. 294–295.

ли относиться к мусульманам еще с большим презрением и неприязнью. Жителям приходилось выносить различные унижения и оскорбления. Французы и их помощники и сторонники – местные христиане: копты, сирийцы и греки – унижали и оскорбляли их. Они заставляли жителей вставать при своем приближении и дошли до того, что когда кто-либо из высокопоставленных французов проходил по улице и какой-либо житель не вставал, то помощники высокопоставленного лица возвращались к этому человеку, хватали его, отводили в крепость, в тюрьму, в течение многих дней держали его там, избивали, а освобождали лишь по ходатайству знатных лиц»¹.

По свидетельству хронистов, этот период вплоть до капитуляции французов стал самым тяжелым в жизни египтян за все время оккупации, поскольку был усилен налоговый гнет, постоянно совершались грабежи, разрушения городских построек, а также увеличились случаи арестов и казней. Здесь сказывалась как усталость обеих сторон друг от друга, их взаимная настороженность и враждебность, так и политика Мену, направленная на превращение Египта в колонию, для чего ему нужны были финансы и покорное население, чего и добивались французы любыми методами, включая насилие и устрашение. Поэтому, по словам ат-Турка, в день эвакуации оккупантов «невозможно было описать радость мусульман и печаль сторонников французов»². По договору между османами и французами, любой житель Египта мог покинуть страну вместе с французами, причем ему, его семье и имуществу гарантировалась безопасность³.

Итак, столкновение двух культур ярче всего проявилось в повседневных отношениях французов и египтян. Образ жизни и внешний вид французов разительно отличались от принятых в Египте норм и от провозглашенных ими религиозных принципов. Что касается взаимоотношений с египтянами, то местное население мирилось с пребыванием французов, пока те старались всяческими способами расположить его к себе, в том числе с помощью различных торжеств. Последние превращались в способ увеселения и возможность преступить традиционно принятые нормы поведения как для французов, так и для египтян. Тем не менее настороженное отношение, переходящее подчас во враждебное, было преобладающим, и основой такого отношения стал религиозный фактор.

¹ *Аль-Джабарти*. Указ. соч. С. 350.

² *El-Turk N.* Op. cit. P. 222 (P. 262).

³ *Ibid.* P. 218 (P. 258); *Аль-Джабарти*. Указ. соч. С. 458.

Арабские хронисты о французской армии и ее главнокомандующих

Организация армии у французов сильно отличалась от организации мамлюкского войска, которое было главной военной силой в Египте на протяжении многих столетий. Мамлюки являлись профессиональными воинами, имели прекрасную конницу и должны были защищать египтян от иноземных захватчиков. Тем не менее мамлюкское войско не владело тактикой, не знало строя, не имело современного огнестрельного оружия и, кроме того, давно не встречало серьезного противника (мамлюки были больше поглощены междоусобицами), а потому не могло оказать сопротивления французам, чья армия с первых шагов по египетской земле поразила местных жителей своим непривычным видом, а также быстрым продвижением по стране.

Аль-Джабарти считает, что поражения мамлюков от французов во многом были вызваны самоуверенностью первых и их слишком легкомысленным отношением к встрече с иноземным войском: «Они пришли в замешательство и дрожали за свою жизнь, благополучие и удобства. Вместе с тем они кичились своим одеянием, обольщались своей численностью и с презрением и пренебрежением относились к силе врагов. Все это было причиной их поражения и разгрома»¹. Отмечает хронист и необычные и незнакомые для мамлюков и населения Египта методы ведения боевых действий: «Затем авангард французов, выступивший для сражения с войском Мурад-бея, разделился на части, согласно военной тактике, принятой во французской армии. Французы приблизились к укреплениям таким образом, что армия Мурад-бея оказалась окруженной»². По мнению аль-Джабарти, поражение египетского войска «было результатом плохого управления мамлюков и их пренебрежения к противнику»³.

Армия французов, действовавшая быстро и уверенно, произвела большое впечатление как на египтян, так и на мамлюков. Каирцев охватила паника при виде того, как скоро была разбита мощная армия их защитников и как стремительно приближались войска Бонапарта к столице. Среди населения поползли зловещие слухи: «При этом говорили, будто на своем пути они [французы] все сжигают, всех убивают и насилуют женщин»⁴. Была поколеблена и уверенность мамлюков в своих силах: «Всякий раз, как к ним приближа-

¹ *Аль-Джабарти*. Указ. соч. С. 61.

² Там же. С. 62.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 64.

лась французская армия, мамлюки передвигались все дальше в Верхний Египет – столь велик был внушенный им французами страх, – и что до сих пор между противниками не произошло ни одной встречи и ни одного сражения»¹. Слухи о мощи французских войск распространялись и во время похода армии Наполеона в Сирию и Палестину: «Новость о прибытии в эти земли неустрашимых героев той многочисленной армии, подобной бушующему морю, испугала местных жителей, и они даже решили сдаться»².

Способ сражения французов, основанный на быстрых перемещениях строем, был в новинку на Востоке, что подчеркивалось хронистами. Так, по свидетельству ат-Турка, в сухопутном Абукирском сражении Бонапарт приказал кавалерии Мюрата атаковать турок с фронта, чтобы принять на себя основной огонь неприятельской артиллерии. Тем временем французская пехота быстро обошла неприятеля с флангов и ворвалась в его укрепления: «Мусульмане были атакованы таким манером, о котором не имели представления до этого»³. Никула ат-Турк также подчеркивал, что французы обладали «искусством войны, о котором у мамлюков и арабов не было ни малейшего представления: эти последние были кавалеристами и не знали ничего, кроме сабли и копья, в то время как французы использовали очень необычное огнестрельное оружие»⁴.

Экипировка французской армии тоже вызывала удивление: «Их оружие, снаряжение и амуниция были тоже не такие, как у мусульман»⁵. Аль-Джабарти отмечает хорошую боевую подготовку французов и подробно описывает незнакомые ему орудия, использовавшиеся французскими солдатами во время боя с повстанцами в Каире: «Они заготовили фитили, пропитанные маслом и смолой, и повесили на шею специальные круглые выпуклые приспособления с нефтью и искусственно приготовленной смолистой жидкостью, от которой пламя при соприкосновении с водой становится еще сильнее»⁶.

В период французской оккупации в Египте было сформировано несколько воинских подразделений из местных жителей – прежде всего, некоренного населения Египта (магрибинцы, мамлюки), а также из конфессиональных меньшинств (копты, греки)⁷. Хотя францу-

¹ Аль-Джабарти. Указ. соч. С. 133.

² *El-Turk N.* Op. cit. P. 90 (P. 107).

³ Ibid. P. 118 (P. 141).

⁴ Музакират. С. 32 (P. 47).

⁵ Аль-Джабарти. Указ. соч. С. 272.

⁶ Там же.

⁷ См.: *Laurens H., Gillispie Ch. C., Golvin J.-C.* Op. cit. P. 268–269.

зы понимали, что подготовить их, как европейских солдат, вряд ли удастся, тем не менее их обучали французскому военному искусству. Аль-Джабарти подробно описывает явно новую для него систему тренировки солдат: «Было выделено несколько французов, которые приходили к ним каждый день, чтобы обучать их французскому военному искусству, тактике, строю и командам. Обучаемые выстраивались в шеренгу перед обучающим. В руках они держали ружья. Обучающий подавал им команду на своем языке. Например, когда он подавал команду “Взять оружие!”», солдаты поднимали ружья на плечо и держали их за приклад. Затем он говорил: “Марш!” – и они шли рядами, и так далее»¹.

Однако и аль-Джабарти, и ат-Турк писали не только о боевой мощи и достижениях французов, но и о бесчинствах армии оккупантов. Хотя сирийский поэт не жалел пышных хвалебных эпитетов, отмечая хорошую воинскую подготовку французов, он же рассказывал и о зверствах французских солдат при подавлении второго каирского восстания: «Генерал [Бельяр] приказал остановить резню, однако солдаты продолжали грабить и насиловать женщин»². Описывая действия французов, захвативших Яффу, хронист восклицает: «Какой страшный момент! Они ворвались в город, где убивали солдат и мирных жителей, грабили дома, овладевали женщинами, насиловали девушек и перерезали горло детям»³. Как полагает Афаф Лутфи ас-Сайид Марсо, так подробно и сочувственно события в Яффе хронист описал потому, что от бесчинств там пострадало множество христиан, и та же участь могла постигнуть его родную страну, если бы французы решили направиться туда⁴. Однако ат-Турк проявляет точно такое же сочувствие и к египтянам, которые в большинстве своем были мусульманами. В то же время хронист осуждал и совершавшиеся египетскими мусульманами грабежи и убийства христиан во время каирских восстаний: «Пришел ужасный час – миг, более страшный, чем Судный день. Население не нашло ничего лучшего, как обратить свою месть на несчастных, беззащитных христиан»⁵.

Отношение аль-Джабарти к бесчинствам французов, которые «предавались грабежу и разбою, поступая с населением так, что при воспоминании об этом волосы седеют от ужаса»⁶, и к христианским

¹ *Аль-Джабарти*. Указ. соч. С. 109.

² *El-Turk N.* Op. cit. P. 173 (P. 204).

³ Музаккират. С. 37 (P. 53).

⁴ *Marsot Afaf Lutfial-Sayyid.* Op. cit. P. 121.

⁵ Музаккират. С. 82 (P. 100).

⁶ *Аль-Джабарти*. Указ. соч. С. 273.

погромам во время восстаний, устроенных мусульманами Каира, совпадает с отношением ат-Турка: хронист возмущен происшедшим. Оба автора осуждают эти ужасные действия, проявляя сочувствие как к своим единоверцам, так и к представителям других конфессий.

Особый интерес представляет собой то, как воспринимались верховные главнокомандующие французской армии в Египте – Бонапарт, Клебер и Мени – арабскими хронистами.

В «Муддат» аль-Джабарти встречается крайне любопытное объяснение происхождения фамилии Наполеона: «“Бонапарт” – это прозвище (лакаб¹) их главнокомандующего, а не имя. Оно обозначает “приятное собрание”, потому что “бона” обозначает “приятный”, а “парте” – “собрание”»². Откуда аль-Джабарти берет такое объяснение, непонятно.

В целом из описания аль-Джабарти сцен с участием Бонапарта скальвается образ довольно приятного человека, который часто улыбается или шутит («Бонапарт принял их [шейхов] и шутил с ними»³, «Он улыбался и утешал их»⁴, «[Бонапарт] встретил его [шейха ас-Садата] с улыбкой и обратился к нему с любезными словами»⁵). Однако так же быстро он впадает и в гнев («Тогда Бонапарт в сильном гневе и раздражении сказал...»⁶, «Тогда Бонапарт рассердился и заговорил на своем языке»⁷). Впрочем, зачастую этот гнев, как видно из хроники, был праведным, например, если главнокомандующий возмущался какой-либо несправедливостью: «Услышав об этом [разбое французских солдат], Бонапарт пришел в ярость, осудил сделавшего это и, сказав, что этот поступок позорит его самого, настоятельно потребовал разыскать виновного и приказал его казнить»⁸. Отмечается также, что именно Бонапарт настаивал на проведении праздников и соблюдении древних обычаев, тесно общался с шейхами и делал им подарки. Однако каких-либо оценок деятельности Бонапарта, как государственной, так и военной, аль-Джабарти не дает, упоминая только о его личных качествах:

¹ Арабское имя состоит из нескольких элементов. Одним из них является лакаб – прозвище, почетное имя или титул.

² Муддат. С. 12 (С. 44).

³ *Аль-Джабарти*. Указ. соч. С. 67.

⁴ Там же. С. 66.

⁵ Там же. С. 82.

⁶ Там же. С. 98.

⁷ Там же. С. 81.

⁸ Там же. С. 132.

«[Он] был приветлив, обращался с собеседниками просто и шутил с ними»¹.

Никула ат-Турк, в отличие от аль-Джабарти, пишет и о деятельности Бонапарта, и о его личных качествах и внешнем виде. В редакции, изданной Дегранжем, ат-Турк в подобных описаниях использует множество пышных эпитетов: «Этот неустрашимый и грозный лев, доблестный герой главнокомандующий Бонапарт являлся одним из важнейших людей Французской республики. Он был двадцати восьми лет, небольшого роста, стройным, с кожей желтоватого оттенка, а его правая рука была длиннее левой. Он был умным, удачливым и счастливым. Он итальянского происхождения, родом с Корсики, но его возвышение произошло в Париже, столице Франции»². Отмечает хронист и то, что французские солдаты обожали своего генерала³.

Повествуя об отношениях Бонапарта с египтянами, ат-Турк отмечает, что Наполеон «относился к мусульманам с добротой, обращаясь к ним с большой дружелюбностью, выказывая уважение к их религии, утверждая, что он следует истинному пути так же, как и они сами»⁴. Однако, по свидетельству хрониста, население с недоверием относилось к его словам, что побуждало Наполеона добиваться расположения египтян всеми способами: «Он говорил им, что французы, как и они, исповедуют правдивую религию. Он был умен и учен, и поговаривали, что он знал астрологию, поскольку заранее объявлял, в какое время произойдут события; он рассказывал, что прочитал о своем приходе [в священных книгах], которые никто не видел, кроме него, и что именно он установит справедливость на земле»⁵. Более того, как отмечает хронист, многие египтяне верили в то, что Бонапарт является махди⁶ и «только его европейская одежда не давала поверить в это. Но если же он появлялся в восточной одежде, то, по словам ат-Турка, люди верили ему»⁷.

Кажется немного странным, что в стране, где к оккупантам относились с такой неприязнью, о чем писал и сам ат-Турк, люди могли бы воспринимать Бонапарта, иноземца, да еще и немусульманина,

¹ Там же. С. 227.

² *El-Turk N.* Op. cit. P. 13 (P. 14).

³ Музакират. С. 61 (P. 81).

⁴ *El-Turk N.* Op. cit. P. 110 (P. 131).

⁵ *Ibid.* P. 110–111 (P. 132).

⁶ Махди (араб. «ведомый Богом») – в исламе провозвестник конца света и последний преемник пророка Мухаммада.

⁷ Там же. С. 111 (P. 132).

несмотря на его заверения в преданности исламу, как махди. Объяснение мы находим у аль-Джабарти, который в комментарии к одной из прокламаций, изданной Наполеоном, с возмущением пишет: «Я обязательно хочу привести основную часть этого послания, написанного от имени главнокомандующего, поскольку в нем содержатся обман, слабоумная ложь и наглые притязания на пророчество и появление махди»¹. В самой же прокламации говорилось следующее: «Знайте также, что я могу открыть то, что таится в сердце каждого из вас, потому что, как только я взгляну на человека, я проникаю в его душу и познаю то, что в ней сокрыто, хотя бы я ни словом не обменялся с ним. Однако придет время, настанет день – и вы убедитесь воочию, что все сделанное и учрежденное мною есть предначертания бога, которые неминуемо осуществляются. Как ни старайся человек – он не может уйти от своей судьбы или воспрепятствовать исполнению предначертаний божьих, которые всевышний осуществляет моими руками. Хвала и честь тем, кто, поспешив объединиться со мной, проявит усердие вместе с благонамеренностью и чистосердечием души»².

Таким образом, именно сам Бонапарт и заявил о своей богоугодной миссии, вполне в духе той религиозной политики, что он проводил в Египте.

В обеих редакциях текста ат-Турка деятельности Бонапарта уделяется много внимания. Хронист дает довольно подробное описание событий, происходивших во Франции после возвращения того на родину, его прихода к власти и дальнейших действий как первого консула³. Причем в его изображении Бонапарт выступает героем, вокруг которого сплотился народ, дабы поддержать в борьбе против Директории, боявшейся Бонапарта и мечтавшей о его смерти. Ат-Турк описывает дальнейшие кампании генерала, причем подчеркивает его блистательные победы и великодушие, говорит об открытии школ и, что особенно интересно, церквей, о заключении мира с папой римским, которому Бонапарт вернул власть. Более того, «он [Бонапарт] объявил о своей вере в Иисуса Христа и провозгласил перед всеми народами открыто эту истинную религию»⁴. Примечательно, что ат-Турк никак не комментирует этот поступок, хотя еще недавно Бонапарт заверял египтян в своей приверженности исламу.

¹ Муддат. С. 95 (Р. 119).

² *Аль-Джабарти*. Указ. соч. С. 130.

³ *El-Turk N.* Op. cit. P. 194–198 (P. 229–235); Музакират. С. 97–98 (P. 120–121).

⁴ *El-Turk N.* Op. cit. P. 196 (P. 232).

Сведений о генерале Жан-Батисте Клебере, сменившем Бонапарта на посту главнокомандующего, в обеих хрониках дается меньше. Аль-Джабарти сообщает лишь, что «Клебер оказался не столь радушным и веселым человеком, как Бонапарт»¹. Действительно, далее хронист дает описание приема шейхов Клебером после второго Каирского восстания. Главнокомандующий был весьма резок, приказал уплатить шейхам большую контрибуцию и часть из них оставил в своем доме в качестве заложников².

Никула ат-Турк отмечает храбрость Клебера в боях на территории Египта и Сирии еще до отъезда Бонапарта: «Говорят, что отважный генерал Клебер поразил одного человека, разрубив пополам одним ударом сабли»³. После вступления в полномочия главнокомандующего, Клебер, по свидетельству ат-Турка, ознакомился со всеми инструкциями, которые ему оставил предшественник. «В правление этого генерала бунтарские настроения притихли. Он старался добиться спокойствия и мира, прекратить стычки среди людей. Он имел склонность к роскоши и представлениям – утром и вечером перед его домом играли музыкальные инструменты. Он мало появлялся [на публике], его боялись. Новый главнокомандующий не стал менять порядок управления в Египте, введенный Бонапартом»⁴. По свидетельству хрониста, Клебер был «офицером чести, очень компетентным в военном деле»⁵.

После смерти Клебера пост главнокомандующего занял Жак Мену. Как сообщает аль-Джабарти, «было известно, что он принял ислам, стал именоваться Абдаллахом и женился на мусульманке»⁶. По словам ат-Турка, армия его за это обращение ненавидела, причем в его искренность не верили ни солдаты, ни египтяне⁷. Хронист показывает хорошую осведомленность о жизни главнокомандующего: «Генерал Мену был высокопоставленным лицом при дворе Людовика XVI. После убийства короля республиканцами, принял их политические взгляды. Когда французы пришли в Египет и укрепились там, Бонапарт сделал его губернатором Рашида [в европейской традиции – Розетты]. Здесь он оставался долгое время, женился на мусульманке из благородной семьи, сам принял ислам и взял имя Абдаллах. Мену был немолодого возраста, хитер и коварен. Когда он

¹ *Аль-Джабарти*. Указ. соч. С. 127.

² Там же. С. 284–286.

³ *El-Turk N.* Op. cit. P. 97 (P. 115).

⁴ Там же. С. 131 (P. 155).

⁵ Музаккират. С. 61 (P. 80).

⁶ *Аль-Джабарти*. Указ. соч. С. 346.

⁷ Музаккират. С. 100 (P. 123).

стал главнокомандующим французской армии, то сделал множество изменений в системе управления и в чинах. Он создал партию своих сторонников среди французов и ослабил партию его предшественников. Это разделило французов. Затем Мену осуществил множество изменений. Первым делом он закрыл мечеть аль-Азхар, собрав по этому случаю диван, где объявил, что аль-Азхар превратился из места, где обучают наукам, религии и законам, в место, где созрывают заговоры и замышляются мятежи»¹.

У аль-Джабарти также описывается эпизод с закрытием аль-Азхара, однако хронист упоминает, что сами шейхи настояли на закрытии мечети из-за опасения, что в нее могут проникнуть враги и расправиться с проживавшими там мусульманами: «Французский главнокомандующий разрешил запереть ворота аль-Азхара, так как это совпадало с его тайными целями»².

Военная деятельность главнокомандующего в глазах хронистов отличалась излишней самоуверенностью и даже упрямством: оба автора описывают эпизоды, когда Мену не слушал советов других генералов, из-за чего французская армия терпела поражения³. Так, по свидетельству ат-Турка, умирающий генерал Ланюс обратился к Мену: «О генерал, ты нас бросил в океан гибели из-за своих ошибочных взглядов, своей гордыни. Никогда еще человек, подобный тебе, не был главой французской армии и ее командиром в боях. Тебе нужно быть руководителем на кухне республики! Если бы ты дал армии следовать тем планам, которые были у нее до тебя, англичане бы не завладели частью территории Египта и не укрепились бы там. Это – результат твоей надменности и упорства»⁴.

Однако сам ат-Турк в конце повествования оправдывает Мену, который с отрядом не соглашался сдавать Александрию, в то время, когда армия османов и англичан уже овладела остальными территориями Египта: «Он себя прославил тем, что отдал Александрию только после грозных боев и страшного голода, поскольку он следовал законам республики и инструкциям своего государства»⁵.

Таким образом, Мену был для обоих хронистов наименее приятной фигурой из всех главнокомандующих французской армии в Египте. Вряд ли этому стоит удивляться – период его командования был самым тяжелым с точки зрения отношений оккупантов и мест-

¹ *El-Turk N.* Op. cit. P. 193 (P. 227).

² *Аль-Джабарти.* Указ. соч. С. 347.

³ Там же. С. 384; *El-Turk N.* Op. cit. P. 207 (P. 244–245).

⁴ *El-Turk N.* Op. cit. P. 207 (P. 244–245).

⁵ *Ibid.* P. 229 (P. 270).

ного населения, поскольку в основе его политики лежало не заигрывание с египтянами, а их устрашение.

* * *

Итак, во время французской оккупации жители Египта столкнулись с людьми другой цивилизации, которые вели иной образ жизни, по-другому выглядели, воевали и принесли с собой важные новшества – печатный станок, оборудованные научные лаборатории и библиотеки, показав научные и технические достижения, о которых египтяне даже не подозревали. Хроники позволяют нам проследить отношение к чужеземцам различных социальных, религиозных и этнических групп населения Египта и их взаимоотношения.

Оккупационные власти находили поддержку в основном среди некоренного или немусульманского населения, в частности коптов, греков и сирийцев-христиан, поскольку те видели в сотрудничестве с новыми правителями страны способ достигнуть равноправия с мусульманами и выйти из обычной для них системы запретов и религиозного неравенства. Маргинальные слои населения также относились благосклонно к оккупантам – но только в периоды, когда французы пытались задобрить жителей Египта (например, во время праздников). Однако во время восстаний проявлялось истинное отношение населения к оккупантам, ведь большей частью египтян, которую составляли последователи ислама, вне зависимости от социального положения, французы воспринимались прежде всего как иноверцы и завоеватели, обладающие большой военной мощью. Образованная часть общества, представленная улама, понимала необходимость сотрудничества с завоевателями и могла оценить их впечатляющие научные и технические достижения, однако и в их среде религиозный фактор по отношению к французам являлся определяющим.

Демагогичность политики французов, заявлявших об уважении к исламу и необходимости привлечения местных жителей к управлению страной, была очевидна египтянам. Шокирующее поведение завоевателей, так мало вязавшееся с их лозунгами, вызывало неприятие у большей части жителей страны. Сами оккупанты пытались расположить к себе египтян, однако, не всегда понимая местные реалии, зачастую нарушали заведенные традиции ближневосточного общества, настраивая против себя мусульман еще больше. Именно поэтому политика оккупантов в Египте могла быть подкреплена только военной мощью.

Глава 3

ЕГИПЕТ В СОЧИНЕНИЯХ САВАРИ И ВОЛЬНЕЙ

Французские путешественники Савари и Вольней и их сочинения

Французские путешественники Клод-Этьен Савари и Константен-Франсуа Шассбёф (Вольней) были непосредственными предшественниками экспедиции Бонапарта в Египет. Именно их сочинения о Египте читала образованная часть армии и ученые, а также широкая французская публика и именно благодаря их произведениям в умах европейцев конца XVIII в. сложились определенные представления о Востоке. Не раз в дневниках и мемуарах, во французской прессе, издававшейся в Египте, встречались отсылки к этим двум авторам¹.

Савари, ученый-ориенталист, родился в Бретани в 1750 г. и обучался в Коллеже Ренна. Он отправился в Египет в 1776 г. и провел в путешествиях три года. Его впечатления о пребывании на Востоке изложены в сочинении, озаглавленном «Письма о Сирии и Египте»², которое было опубликовано в 1785–1786 гг. в Париже, а в следующем году в английском переводе в Лондоне без указания имени переводчика. Французское издание состоит из трех томов, которые посвящены описанию собственно путешествия Савари, а также содержит его заметки о жизни и нравах египтян, экскурсии в историю, причем большая часть третьего тома посвящена описанию верований

¹ Подробнее см.: Глава 4. С. 118–120.

² *Savary C.-E. Lettres sur l'Égypte, où l'on offre le parallèle des moeurs anciennes et modernes de ses habitans, où l'on décrit l'état, le commerce, l'agriculture, le gouvernement et la religion du pays, la descente de S. Louis à Damiette, tirée de Joinville et des auteurs arabes, et avec des cartes geographiques.* 3 vol. P., 1785–86.

древних египтян. Как видно уже из названия, сочинение Савари состоит из писем, которые он адресует некому М. Л.М. Это был доктор короля Людовика XVI и друг Савари, Луи Гийом Лемонье¹. Само сочинение было издано при поддержке брата короля, к которому в первом томе французского издания Савари обращается с благодарностью. В 1783 г. он выпустил также перевод с арабского на французский язык Корана и описание жизни пророка Мухаммада (Магомета в его сочинении)², а позже, уже после смерти Савари, вышла его грамматика арабского языка³.

Савари прекрасно знал работы своих предшественников, как древних, так и современных – в «Письмах» много выдержек из сочинений античных и арабских историков, ссылок на европейских авторов. Для изложения Савари характерна очень живая и эмоциональная манера. Он с восторгом описывает природу Египта, приводит романтические истории, идеализирует некоторых героев повествования (описание жизни Али-бея, встреча Мурад-бея с отцом⁴). Савари много пишет про Древний Египет и детально описывает виденные им памятники. Хотя у него имеется описание достопримечательностей и Верхнего Египта, французский исследователь Ж.-М. Карре считает, что на самом деле Савари там не был, а опирался в своем повествовании на труды древних авторов и современников⁵. Тем не менее труд Савари освещает многие аспекты жизни Египта.

Так же как и Савари, Вольней провел три года, путешествуя по Востоку. До этого он занимался историей, философией и медициной в Париже, общался с Д. Дидро, А. Р. Тюрго, Э. Б. Кондильяком и другими мыслителями Века Просвещения⁶. Получив наследство, Вольней отправился в путешествие на Восток, чтобы изучить его как философ и историк. Французский исследователь Жан Гомье полагает, что Вольней поехал в Египет и Сирию не только из интереса к

¹ Об этом сообщает переводчик книги на английский язык (имя не указано) в предисловии: *Savary M. Letters On Egypt: Containing A Parallel Between The Manners Of Its Ancient And Modern Inhabitants, Its Commerce, Agriculture, Government and Religion; With The Descent Of Louis IX At Damietta; extracted from Joinville and Arabian Authors / transl. from French. Sec. Edition. L., 1799.*

² *Savary C.-E. Le Coran, traduit de l'arabe, accompagné de notes, précédé d'un abrégé de la vie de Mahomet, tiré des écrivains orientaux les plus estimés. 2 vol. P., 1783.*

³ *Savary C.-E. Grammaire de la langue arabe et littérale; ouvrage posthume de M. Savary, traducteur du Coran, augmenté de quelques contes arabes. P., 1813.*

⁴ О них см.: Глава 1. С. 21.

⁵ *Carré J.-M. Op. cit. P. 88–89.*

⁶ *Ibid. P. 91–92.*

Востоку, но и с тайной дипломатической миссией – выяснить, каково нынешнее состояние этих территорий и поставить точку в споре о том, стоит ли Франции завоевывать их¹.

В Египте он провел меньше времени, чем в сирийских провинциях Османской империи, где изучал арабский язык, и, как отмечает Карре, Египет ему, очевидно, меньше понравился². По возвращении во Францию Вольней издал в 1787 г. работу «Путешествия по Египту и Сирии в 1783, 1784 и 1785 гг.»³. В этом сочинении он подходит к описанию Египта с практической точки зрения, в отличие от версии Савари, выдержанной в романтическом духе. Его работа хорошо структурирована; особое внимание уделено экономическим и политическим вопросам. Стилль его изложения сух и неэмоционален, рассуждения логичны. Он не склонен к идеализациям и более критично, чем Савари, относится ко многим вещам. Вольней почти не уделяет внимания древней истории Египта, поскольку современное состояние страны и недавняя ее история интересуют его гораздо больше. Как отмечает Карре, «этот молодой человек писал уже как член Института Франции, как один из тех “идеологов”⁴ периода Консулата, которые продолжали в начале XIX в. традиции энциклопедистов»⁵. Американская исследовательница Наннет Ле Коат считает, что своим произведением Вольней пытался определить границы нового жанра «научного путешествия», который бы отличался от предшествовавшего «живописного жанра», и также подчеркивает, что Вольней руководствовался принципами идеологов⁶. По мнению исследовательницы, четкая структура работы Вольнея отвечает таксонометрической структуре, созданной шведским естествоиспытателем Карлом Линнеем – «своеобразное *how-to-do*, руководство для ученого путешественника, где излагаются по порядку те

¹ См.: *Gaulmier J.* Un grand témoin de la révolution et de l'Empire. Volney. P., 1959. P. 30–42.

² *Carré J.-M.* Op. cit. P. 94.

³ *Volney C.-F.* Voyage en Syrie et en Égypte pendant les années 1783, 1784 et 1785. 2 vol. P., 1787.

⁴ Идеологи (*idéologues*) – группа Парижских интеллектуалов-философов послереволюционного периода. Занимались «идеологией» – учением об общих принципах формирования идей и знания, закономерностях их происхождения из чувственного опыта. Основатели – А. Дестют де Траси, Э. Б. Кондильяк, Ж. Кабанис.

⁵ *Carré J.-M.* Op. cit. P. 94.

⁶ *Le Coat N.* Allegories Literary, Scientific, and Imperial: Representation of the Other in Writings on Egypt by Volney and Savary // *The Eighteenth Century: Theory and Interpretation*. 1997. Vol. 38. № 1. P. 10.

физические и социальные факты, которые должен собрать серьезный путешественник»¹.

Это сочинение стало первой, но не единственной работой Вольнея по восточной тематике. В следующем году вышла его книга «Размышления о войне между турками и Россией», а в 1791 г. – одна из самых знаменитых его работ «Руины, или размышления о расцвете и упадке империй», действие которой разворачивается на развалинах Пальмиры. В газете *Courrier de l'Égypte* (№ 33 от 3 термидора VII года – 21 июля 1799 г. и № 34 от 12 термидора VII года – 30 июля 1799 г.), издававшейся в Египте во время французской оккупации, печатались также рассуждения Вольнея о значении для Востока экспедиции Бонапарта.

Сочинения Вольнея и Савари при всех различиях как в форме, так и в содержании, дополняли друг друга. По мнению Карре, если восторженное описание Савари скорее воздействовало на воображение простых солдат, то философские и практические размышления Вольнея больше отвечали вкусам офицеров и ученых². Но, несмотря на несогласие друг с другом по ряду вопросов³, в восприятии Египта у обоих авторов было много общего.

Каким же предстает Египет в сочинениях Савари и Вольнея? Целью данной главы является не выявление различий или сходства в точках зрения обоих авторов, а реконструкция того образа Востока, который мог сложиться у читателей, среди которых были и участники экспедиции в Египет, после прочтения их сочинений.

Для этого рассмотрим, как описывали эти авторы различные стороны египетской жизни.

Природа и климат Египта в оценках Савари и Вольнея

Савари довольно подробно пишет о климате Египта. Он рассказывает о высоких температурах Верхнего Египта, объясняя их тем, что вокруг этой области находятся горы, которые удерживают сухой воздух⁴. В то же время климат Нижнего Египта кажется Савари мягче за счет близости моря и наличия озер, что создает «чудесную температуру»⁵. Савари выделяет и «нездоровый» сезон в Египте – с

¹ Ibid. P. 12.

² Carré J.-M. Op. cit. P. 101–102.

³ Ко времени написания Вольнеем своего сочинения, книга Савари уже была издана, и Вольней на страницах своего произведения иногда дискутирует с предшественником.

⁴ Savary C.-E. Op. cit. Vol. 3. P. 4.

⁵ Ibid. P. 4.

февраля по май, когда дуют жаркие песчаные ветры. Что касается природы и плодородия Египта, то Савари не перестает восхищаться ими, отмечая постоянно, что Египет – это богатый регион. Говоря о Дельте, Савари сообщает, что «земля представляет собой черную почву, плодородие которой кажется неиссякаемым»¹. Красочно, в свойственном ему романтическом стиле, Савари пишет о природе Египта: «Незаметно я забрел в заросли тамаринда, апельсинов и сикомор, и наслаждался приятной свежестью в их плотной тени. Иногда несколько лучиков солнца пробивались сквозь эту тень светлой бороздкой и золотили небольшой участок листвы. Растения и цветы наполняли воздух ароматом, многочисленные горлицы перелетали с дерева на дерево, не пугаясь моего приближения»². Путешественник много пишет о главном источнике этого плодородия и разнообразия – о Ниле, «самой знаменитой реке в мире»³. Он отмечает, что местные жители прекрасно понимают всю значимость Нила для Египта и потому пышно отмечают праздник Нила, воздавая хвалу великой реке: «Эта всеобщая радость неувидительна, ведь судьба страны зависит от разлива, и, когда вода прибывает, каждый надеется на урожай, достаток и заранее предвкушает наслаждение, которое обещает разлив»⁴.

Вольней также уделяет внимание климату Египта. Он отмечает, что обычно погода там чрезвычайно жаркая, и дожди практически отсутствуют. Выделяя только два сезона – прохладный (весна) и жаркий (лето – с марта по ноябрь), Вольней подчеркивает, что с конца февраля «солнце невыносимо для европейца уже в 9 часов утра», и жара в Египте «изнуряющая для всех непривыкших»⁵. Что касается природы, то Вольней, в отличие от Савари, пишет о преимущественно однообразных и скудных египетских пейзажах: «Ничто так не напоминает его [Египта] облик, как болота нижней Луары и равнины Фландрии; однако, вместо множества сельских домов и деревьев последней, мы должны вообразить несколько жиденьких рощиц пальм и сикомор и несколько глинобитных деревень на искусственных возвышениях»⁶; «что касается сельских пейзажей, то они однообразны; всюду пальмы, либо одинокие, либо в рощицах, и их становится все меньше по мере движения [вниз по Нилу], дома, построен-

¹ *Savary C.-E.* Op. cit. Vol. 2. P. 47.

² *Ibid.* Vol. 1. P. 88.

³ *Ibid.* Vol. 2. P. 121.

⁴ *Ibid.* P. 125.

⁵ *Volney C.-F.* Voyage en Syrie et en Égypte... Vol. 1. P. 65–66.

⁶ *Ibid.* P. 9–10.

ные из глины и похожие на руины, бескрайние равнины, которые, в зависимости от сезона, становятся то морями, наполненными пресной водой, то грязными болотами, то зелеными полями, то пустынями; и со всех сторон далекий и туманный горизонт»¹. Природа Дельты произвела на Вольнея более радостное впечатление: после прибытия в Рашид (Розетту) из Александрии, окрестности которой Вольней отнес к «Африканским пескам»², путешественник видит «очаровательные» пейзажи этой местности – «отличительную особенность Египта» – с плодородными землями, богатой растительностью и знаменитым Нилом³. Вольней отмечает, что египетская почва намного плодородней французской, однако для европейских сельскохозяйственных культур она не подходит⁴.

В целом же, рисуя общую картину Египта, Вольней сообщает: «Чтобы описать Египет в двух словах, надо представить себе, с одной стороны, узкое море и горы; с другой – огромные песчаные долины, а посередине – реку, протекающую по долине в 150 лиг длиной и 3–4 шириной»⁵. Вольней подчеркивает огромную роль Нила в жизни Египта: от этой реки «зависит все существование Египта, и политическое, и физическое»⁶.

Таким образом, оба автора отмечают исключительное плодородие египетской земли и непривычную для европейцев жару. И Савари, и Вольней изначально предполагали, что сухая и знойная погода должна провоцировать множество болезней среди египтян, однако признают, что в целом местные жители здоровы, и климат Египта вполне пригоден для жизни и даже, по мнению Савари, положительно влияет на здоровье египтян.

Этноконфессиональные характеристики населения

Оба путешественника подробно охарактеризовали этноконфессиональный состав населения Египта.

Савари выделяет несколько категорий арабов. Описывая землевладельцев и бедуинов, он разделяет первых на две группы, в зависимости от существующего у них порядка управления. Феллахи, которыми, по словам Савари, правят «тираны», «утратили добросовест-

¹ Ibid. P. 10.

² Ibid. P. 8.

³ Ibid. P. 9.

⁴ Ibid. P. 65.

⁵ Ibid. P. 11.

⁶ Ibid. P. 16.

ность и порядочность, присущие их нации»¹. По словам путешественника, они нападают на лодки, убивают людей и «участвуют во всех формах разбоя»². Другие же арабы-землевладельцы, общинами которых управляют старшины-шейхи, отличаются совсем другими качествами: гостеприимством, благородством, честностью и великодушием³. Владения шейхов Савари называет «княжествами» (*principauté*), но подчеркивает, что шейхи «правят скорее как отцы семейств, чем как монархи»⁴. Примечательно, как Савари описывает общественное устройство у этой выделяемой им категории арабов: «При этом патриархальном правлении человек обладает всей полной свободой, будучи привязан к своему правителю (*Prince*) только чувством уважения и признательности»⁵. Более того, по мнению Савари, именно эта категория египетского населения могла бы оказать реальное сопротивление османам: «Если бы эти шейхи могли собрать и сформировать лигу против турок, они бы без труда изгнали их из Египта и стали бы его правителями. Однако политика мамлюкских беев мешает этому объединению: они сеют раздоры между шейхами, поддерживают слабых против сильных, признают главенство только тех, кого считают полезными для своих замыслов»⁶.

Третьей категорией арабов Савари называет бедуинов. По его мнению, они представляют главную угрозу для караванов. Однако Савари пишет о бедуинах как о людях честных, верных своему слову, гордых, гостеприимных и свободолюбивых: «Путешественник, принявший их покровительство, может не опасаться ни за свою жизнь, ни за свои богатства, поскольку их слово священно»⁷. Именно в их независимости Савари видит причину приверженности бедуинов кочевому образу жизни: «Не один раз правительство предлагало им земли, и они всегда отказывались, потому что тогда бы они должны были подчиниться тиранам»⁸.

Давая общую характеристику арабам и их человеческим качествам, которые Савари оценивает очень высоко, путешественник напоминает об их былом могуществе и обширных завоеваниях. По его словам, они «сохранили свой характер, религию и нравы. Если бы нашелся на Востоке еще один Магомет, способный собрать под тем

¹ *Savary C.-E.* Op. cit. Vol. 3. P. 17.

² *Ibid.* P. 18.

³ *Ibid.* P. 21.

⁴ *Ibid.* P. 18.

⁵ *Ibid.* P. 19.

⁶ *Ibid.* P. 20–21.

⁷ *Ibid.* P. 22.

⁸ *Ibid.* P. 23.

же знаменем их разрозненные племена, он смог бы снова установить их господство над Азией и Африкой»¹.

Другую этническую группу («расу») – коптов – Савари называет коренными жителями Египта: «Они – единственные потомки древних египтян; подчиненные на протяжении двух тысяч лет иностранным правителям, они потеряли гений и науку своих предков, но сохранили множество их обычаев и древний разговорный язык»². По мнению Савари, именно коптский язык может стать ключом к разгадке иероглифов. Коптов путешественник характеризует как людей «добрых, гуманных и гостеприимных»³. По его словам, они подвергаются эксплуатации и притеснениям со стороны беев, которые «грабят их без сожаления, и они [копты] рады, если могут сохранить свою жизнь ценой потери имущества»⁴. Однако такая ситуация, по словам Савари, не вызывает бунтов со стороны коптов, поскольку «недостаток энергии оставляет их в униженном положении и бедности, которые они переносят без ропота»⁵.

Еще одним народом, проживающим в Египте, Савари называет магрибинцев, отмечая, что те из них, кто живет в Каире, зачастую занимаются разбоем. Савари пишет о магрибинцах совсем немного, однако отмечает, что они занимаются либо торговлей, либо военным делом.

Турки-османы изображены в сочинении Савари тиранами и разрушителями благополучия Египта. Именно с их приходом, по мнению Савари, началось запустение в этой стране⁶.

Рассказывая о жителях Египта, Савари также упоминает о сирийцах-христианах, греках и евреях и отмечает, что они занимаются торговлей и ремеслами, а также служат на таможнях. Не особо подробно останавливаясь на описании этих народов и объединяя их в одну группу, Савари пишет, что они часто используют свое положение на таможне для притеснения европейских купцов.

Подводя итоги описанию жителей Египта, Савари сообщает, что ими правят мамлюки, и это, по его мнению, не удивительно: у египтян, считает он, совершенно отсутствует воинственный дух, к тому же они уже долго находятся в рабстве: «Любая нация, которая нападет на Египет, без труда его подчинит; с такой же легкостью она подчинит Эфиопию, а, завладев золотом этих земель и став хозяйкой вод

¹ Ibid. P. 29.

² Ibid. P. 16.

³ Ibid. Vol. 3. P. 17.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid. Vol. 1. P. 30–31.

Нила, она будет по своему усмотрению направлять их в Египет, обеспечив неиссякаемое изобилие»¹.

Вольней, размышляя о «нациях», отмечает, что Египет повидал множество завоевателей за всю свою историю и относится к тем регионам, где всегда проживало множество «рас», однако, в силу их религиозных или политических различий, они так и не стали единой, гомогенной общностью². Тем не менее, по словам Вольнея, этнические группы смешивались друг с другом, «что привело к путанице, в которой стало сложнее выявить характер каждой из них»³. Тем не менее Вольней выделяет четыре основные «расы», проживающие в Египте: арабы, копты, турки и мамлюки.

Первых он делит на три группы: арабы, прибывшие в Египет из Аравии для его покорения с войсками полководца Амра ибн аль-Аса в VII в., чьими потомками стали современные Вольнеем египетские феллахи и ремесленники; африканские или западные арабы – потомки арабских завоевателей Мавритании, пришедшие в Египет в разные периоды; живущие в пустыне бедуины. Про последних Вольней пишет: «Невежественные и бедные, бедуины сохранили свой характер, отличающийся от остальных наций вокруг»⁴. По словам путешественника, бедуины многочисленны, но разъединены, а потому сами египтяне их больше воспринимают как воров и бродяг, нападающих на крестьян и караваны.

Второй «расой» Египта Вольней называет коптов – «потомков людей, которых завоевали арабы, так сказать, смеси египтян, персов, а также греков»⁵. Тем не менее Вольней отмечает, что по строению лица и тела они не похожи ни на греков, ни на арабов. Он считает, что причина такой конституции коптов состоит в том, что они являются прямыми потомками древних египтян, а те, по мнению Вольнея, были негроидами, но со временем за счет смешения с греками и римлянами стали светлее. Путешественник подчеркивает, что копты являются христианами, однако сектантами, поэтому Греческая церковь враждует с ними. В обществе копты, по словам Вольнея, в основном занимают должности писарей, чиновников и откупщиков, за что их не любят крестьяне.

Турок-османов, чье происхождение и историю завоеваний он описывает, Вольней выделяет в третью «расу», отмечая, что они яв-

¹ *Savary C.-E.* Op. cit. Vol. 3. P. 33.

² *Volney C.-F.* Op. cit. Vol. 1. P. 68.

³ *Ibid.* P. 68–69.

⁴ *Ibid.* P. 71.

⁵ *Ibid.* P. 72.

ляются «правителями Египта, или, по крайней мере, имеют этот титул»¹. По его словам, в Египте они живут только в Каире, где «занимаются ремеслом, а также занимают военные и религиозные должности»².

Последнюю «расу», которую выделяет Вольней, составляют мамлюки. О них будет сказано отдельно ниже.

Из повествования обоих авторов складывается образ многоэтнической страны, жители которой разрозненны, при этом оба путешественника отмечают, что все жители Египта равно не любят пришлых – османов и мамлюков. Более того, Савари на протяжении всего своего рассказа о народах, населяющих Египет, стремится показать, что эта провинция Османской империи, являясь исключительно богатой, может быть легко подчинена. Поскольку сами «Письма о Египте» были адресованы брату короля, то, очевидно, такую миссию автор возлагал именно на французов.

Савари и Вольней об исламе

Оба автора уделяют внимание исламу как религии мало знакомой европейцам. Вольней рассказывает о нем не в той части своего повествования, которая посвящена Египту, а в разделе о Сирии³. По мнению Вольнея, ислам как нельзя лучше отвечает духу деспотизма. Философ критически отзываясь о Коране и пророке Мухаммаде («Магомете» в его сочинении), считая, что эта религия создана для подчинения человека. Он отмечает, что хотя мусульмане видят в Коране источник всех административных, юридических и политических законов, тем не менее в его тексте нет ни сведений о том, как формировать государственные учреждения, ни принципов «искусства управлять»⁴. Вольней понимает буквально слова мусульман, не зная ничего о мусульманском праве – фикхе. По его мнению, единственными правовыми аспектами, освещенными в Коране, являются «четыре или пять предписаний о полигамии, разводе, рабстве и наследовании ближайшим родственникам»⁵, которые к тому же противоречивы, из-за чего «ученые до сих пор спорят, как их согласовать»⁶.

¹ Ibid. P. 83.

² Ibid. P. 96.

³ Глава 35 второго тома сочинения Вольнея так и называется – «О влиянии религии» (*Volney C.-F. Op. cit. Vol. 2. P. 360–368*).

⁴ Ibid. P. 361.

⁵ *Volney C.-F. Op. cit. Vol. 2. P. 361–362*.

⁶ Ibid. P. 362.

Таким образом, философ подходит к священной книге мусульман с чисто прагматической точки зрения, упрощая ее содержание и считая, что она не несет знаний, а лишь способствует порабощению человека, поскольку провозглашает подчинение Богу: «Это и есть цель Магомета – он хочет не просвещать, но править. Он ищет не учеников, а подданных. Их он не призывает к рассуждениям, но хочет подчинения. И чтобы легче добиться этого, он все возводит к Богу»¹.

Савари не высказывает столь резко негативных оценок. Он называет Мухаммада «великим политиком, который хотел, чтобы каждая вещь служила его религии»². Коран, пишет Савари, является «кодексом их [мамлюков] религиозных догм и законов»³, из него проистекают все «общественные, военные и духовные обязанности»⁴. Тем не менее при описании Каира, которое Савари начинает с того, что само имя франка там служит оскорблением⁵, путешественник довольно критически высказывается об исламе: «Там [в Каире] торжествует фанатизм религии ислама, и мусульмане, погрязшие в невежестве, считают себя самыми великими во вселенной»⁶. Также путешественник отмечает, что «мусульмане неохотно разговаривают с неверными о своем культе»⁷. Однако, в отличие от Вольнея, обобщающего негативного мнения об исламе Савари не высказывает.

В целом образ ислама в сочинениях обоих авторов скорее отрицательный, что было характерно для той эпохи и брало начало еще в средневековых представлениях об исламе как о ереси. Однако в Век Просвещения ислам уже считался не заблуждением, а, по словам А. Лоранса, религией, «которая благоприятствует деспотизму и фанатизму и порождена честолюбием человека, желавшего властвовать»⁸. Подобный взгляд выражен и на страницах сочинений Савари и Вольнея. Оба автора не сомневались в «изобретении» ислама и Корана Мухаммадом в политических целях, демонстрируя тем самым поверхностное и упрощенное знание основ ислама и разделяя суждение их времени о том, что ислам – религия фанатизма.

В то же время рассуждения обоих путешественников об исламе вполне отражают противоречивые взгляды, распространенные в от-

¹ *Volney C.-F.* Op. cit. Vol. 2. P. 363.

² *Savary C.-E.* Op. cit. Vol. 1. P. 77.

³ *Ibid.* Vol. 2. P. 133.

⁴ *Ibid.* P. 134.

⁵ *Ibid.* Vol. 1. P. 61.

⁶ *Ibid.*

⁷ *Ibid.* Vol. 2. P. 186.

⁸ *Laurens H.* Les origines intellectuelles de l'expédition d'Égypte. L'orientalisme islamisant en France (1698–1798). Istanbul; P., 1987. P. 93.

ношении этой религии в эпоху Просвещения. Как показал бельгийский историк Дирк ван дер Крюйс, образ пророка Мухаммада изменился в эпоху Разума, и он уже не воспринимался в качестве лжепророка, как было ранее, но взгляды на «магометанство» и его провозвестника стали куда разнообразнее, вплоть до восхищения Пророком как философом¹. Египетский исследователь французской литературы Садек Неаими также анализировал отношение французских просветителей XVIII в. к исламу и исламской цивилизации в целом². По его мнению, в их среде преобладало два подхода: один, представленный Монтескье, был ближе к негативному взгляду на ислам средневековых авторов, второй, олицетворявшийся Вольтером, Дидро и Руссо, признавал и положительные стороны в исламской цивилизации, а не только дух деспотизма. Так, пророк Мухаммад зачастую в XVIII в. описывался как законодатель и великий человек, что прослеживается в сочинении Савари. Вольтер описывал Мухаммада в негативном свете – и это тоже соответствовало духу времени. Как показывал Неаими, подробно проанализировавший дискуссию о деспотизме того времени и ее связи с религией, отношение к деспотизму было неоднозначным у философов Просвещения, и именно в концепции Монтескье деспотизм приобретал политическое наполнение, соотносился с исламом и жарким климатом восточных стран. Однако другие философы (Вольтер, Анкетиль-Дюперрон и др.) подвергали критике эту теорию. Как отмечает Неаими, многие философы Века Просвещения пытались выйти за рамки средневековой парадигмы в отношении арабо-мусульманского мира, чтобы критиковать нравы европейского общества того времени посредством его сравнения с исламской культурой. Таким образом, ислам в сочинениях философов XVIII в. служил прежде всего отражением тех проблем, которые волновали европейцев, то есть, скорее, происходило создание образа религии, чем осмысление ее основ, что иллюстрируют сочинения Савари и Вольтера.

Мамлюки и управление Египтом

Савари довольно подробно рассказывает о происхождении мамлюков и об истории их правления до и после османского завоевания.

¹ *Van der Cruyse D.* De Bayle à Raynal. Le Prophète Muhammad à travers le prisme de Lumieres // Orient et Lumières. Actes du colloque de Lattaquié (Syrie). Grenoble, 1987. P. 85–96.

² *Neaimi Sadek.* L'Islam au siècle des Lumières: image de la civilisation islamique chez les philosophes français du XVIII-e siècle. P., 2003.

Характеризуя их самих, путешественник пишет, что постоянные тренировки с ранних лет делают мамлюков сильными и отважными воинами, однако у них отсутствуют европейские дисциплина и тактика, «искусство артиллерии», а их действия в бою носят беспорядочный характер. Форму правления мамлюков Савари называет «республикой», показывая, что, хотя формально они находятся под юрисдикцией османского султана, фактически они независимы от него. Путешественник даже приводит документ, подписанный Селимом I после подчинения Египта, согласно которому у мамлюков остаются большие привилегии, что фактически сохраняет их власть¹. Административное управление Египта Савари называет «монархическим и аристократическим»². Первое лицо в стране – османский паша – является «фантомом», поскольку полностью зависит от мамлюков, которые могут сместить в любой момент неугодного пашу. Реальная власть принадлежит мамлюкским беям, которых Савари называет «деспотами», злоупотребляющими своим могуществом. Путешественник подробно рассказывает о прибытии нового паши в Александрию, встрече с мамлюками и его торжественном следовании в Каир. Савари был очень впечатлен богатством одежд мамлюков, пышностью и торжественностью самой церемонии: «Это прибытие [паши] мне дало представление о восточной помпезности, роскоши, которая окружала древних монархов Азии, когда они появлялись на публике»³.

В целом же государственный строй в Египте Савари описывает как «тиранию» и «деспотизм», поскольку, по его мнению, такой богатой и плодородной провинцией управляют невежественные мамлюки и османы: «Анархия чудовищного правительства – врагов порядка и законов, уничтожает гений и, подобно чумному ветру, опустошает города и уничтожает поселения и их обитателей»⁴. Такая ситуация, считает путешественник, сложилась с османским завоеванием, поскольку ранее, в древние времена и во времена арабского правления, науки и искусства в Египте процветали, а ныне царит разруха, вызванная «варварством турок»⁵.

Мамлюков Савари также постоянно называет «тиранами» и, описывая их бесчинства и жестокости, выражает сочувствие местному населению. Лейтмотивом сочинения является мысль, что вернуть

¹ *Savary C.-E.* Op. cit. Vol. 2. P. 135–138.

² *Ibid.* P. 138.

³ *Ibid.* P. 140–141.

⁴ *Ibid.* P. 33.

⁵ *Ibid.* Vol. 1. P. 34.

утраченную славу и процветание Египта и преодолеть нынешнее «варварское» состояние можно лишь в том случае, если страной будут управлять люди просвещенные. Миссию эту Савари, очевидно, возлагает на Европу – в одном пассаже, посвященном древнему лабиринту в Фаюме, он пишет: «Возможно однажды, когда Европа передаст Египту знания, которые она от него получила, будут расчищены песок и мусор, скрывающие внутреннюю часть лабиринта»¹.

Более того, Савари подчеркивает, что не только мамлюки, но и воинские корпуса османов – янычары, азабы и другие формирования – не выполняют свою функцию защитников, а попросту занимаются грабежом египтян. Он отмечает, что у них нет ни артиллерии, ни понятия о дисциплине, а потому, «они бы не смогли оказать сопротивление европейской тактике»².

Вольней также очень подробно пишет про мамлюков, в том числе повествуя об их правлении в Египте до османского завоевания. Путешественник предполагает, что Селиму I следовало бы уничтожить мамлюков и перестать покупать новых рабов, однако этого сделано не было, и поэтому мамлюки смогли оттеснить османов от власти. Вольней пишет, что Селим I поставил во главе Египта пашу, создал диван, куда входили паша и главнокомандующие семи османских военных корпусов в Египте. Из числа же мамлюков должны были выбираться двадцать четыре бея – губернаторы провинций Египта. Кроме того, султан установил налоги. Тем не менее, по словам Вольнея, эта система изменилась за два века, и теперь власть османов практически сведена на нет³. Зато власть мамлюков, отмечает он, только укрепилась. Вольней подробно описывает историю мамлюкского эмира Али-бея, взбунтовавшегося против османского султана⁴, пишет и о недавнем противостоянии эмиров Мурад-бея и Ибрагим-бея.

¹ Ibid. Vol. 2. P. 22.

² Ibid. Vol. 3. P. 30.

³ Ibid. P. 98.

⁴ Савари также описывает историю Али-бея. Однако истории обоих путешественников различны. Если Савари с восторгом пишет об этом правителе, который, по его мнению, был выдающейся личностью и заботился о благе народа, то Вольней более критически относится к Али-бею, полагая, что им двигало, прежде всего, честолюбие. Признавая, что Али-бей был незаурядным человеком, Вольней, однако, тщательно разбирает его ошибки и показывает, что простым жителям Египта его завоевания и бунт против османов ничего не дали. В отличие от Савари, который явно идеализирует Али-бея, Вольней более беспристрастно оценивает этого правителя.

Что касается современного Вольнею состояния Египта, то путешественник пишет, что паша до сих пор назначается в Египет из Стамбула, однако является скорее «заложником мамлюков»¹. Сами же мамлюкские беи всеильны: они зачастую не высылают дань Порте или же уменьшают ее размеры, не выполняют распоряжения султана, однако независимость объявить не решаются. Османы же, отмечает путешественник, провоцируют разногласия между враждующими партиями, чтобы ни одна из них не взяла верх.

По словам Вольнея, придя к власти, мамлюки постарались ограничить власть османских военных корпусов, в результате чего те стали «сборищем ремесленников, слуг и бродяг»².

Таким образом, «мамлюки составляют главную военную силу в Египте»³. Однако их подготовку и военные качества Вольней считает недостаточными. Во-первых, у них отсутствует пехота, поскольку «предубеждение древних персов и татар до сих пор сохраняется в этой стране: война является искусством отступления и преследования, и только конник, который лучше всего служит для обеих целей, считается воином»⁴. Во-вторых, костюм мамлюков неудобен, так как состоит из четырех одежд и «имеет вид длинного мешка, из которого торчит голая шея и голова без волос, покрытая тюрбаном»⁵. Эта объемная одежда является громоздкой и делает мамлюков неповоротливыми, однако они не отказываются от нее, поддерживая традицию. В-третьих, лошади мамлюков перегружены тяжелым и неудобным снаряжением. По словам Вольнея, мамлюки в данном отношении являются заложниками традиций, в отличие от европейцев, которые давно заметили, что, чем лошадь меньше нагружена, тем лучше она движется⁶. В-четвертых, вооружение мамлюков также устарело – его составляют английский карабин, пистолеты, булава и сабля несовершенной формы. Вообще, в описании экипировки мамлюков, Вольней всячески показывает, что они, как и другие «варвары», не знают европейских нововведений. Кроме того, путешественник подчеркивает, что «мамлюки ничего не знают о нашем военном искусстве: у них нет ни униформы, ни инструкций, ни строя, ни дисциплины, ни даже субординации. Их войска – это сборище, их маневры – толкотня, их бой – единоборство, их война – разбой»⁷. Кроме того, Вольней пишет

¹ *Savary C.-E.* Op. cit. Vol. 3. P. 139.

² *Ibid.* P. 152.

³ *Ibid.*

⁴ *Ibid.* P. 153.

⁵ *Ibid.* P. 155.

⁶ *Volney C.-F.* Op. cit. Vol. 1. P. 157.

⁷ *Ibid.* P. 163.

о любви мамлюков к богатству и роскоши: деньги являются единственным стимулом для служения своему господину.

Что же касается нравов мамлюков, то Вольней отмечает, что сами мусульмане считают их людьми «без веры и религии»¹. Он описывает их как жестоких, готовых к предательству, развращенных людей. Соответственно и государственное управление для них это не сложное искусство, а «просто способ получить побольше женщин, драгоценностей, лошадей, невольников и удовлетворить свои притязания»². Поэтому, считает Вольней, египтяне бедны и темны: «Там, где крестьянин не наслаждается плодами своих трудов, он работает только по принуждению, и сельское хозяйство чахнет; там, где нет безопасности для собственности, нет и того усердия, которое могло бы ее создать; и ремесла будут оставаться в примитивном состоянии; там, где знания ни к чему не ведут, к ним не стремятся, и умы находятся в состоянии варварства»³. Путешественник противопоставляет тираническое правление мамлюков «разумному» европейскому устройству государства и общества. Тем не менее, по его мнению, восстание бедных крестьян против мамлюков невозможно не только из-за тщательного контроля мамлюков над ними, но и из-за отсутствия сплоченности феллахов. Несмотря на это, Вольней полагает, что в египтянах есть «скрытый огонь, который ждет только... чтобы произошел взрыв»⁴, – потенциальная энергия, которую только нужно направить в правильное русло.

Таким образом, оба автора подчеркивали слабость мамлюков и шаткость государственного управления Египтом, доказывая, что потенциальные завоеватели смогут без труда овладеть им, и даже, возможно, найдут сочувствие среди угнетаемых местных жителей. Завоеватели же, очевидно, должны быть просвещенными европейцами, которые смогут, разумно управляя, вернуть Египту величие.

Экономика Египта: торговля и сельское хозяйство

Савари делает подробный обзор торговли в Египте от эпохи фараонов до современных ему дней. По его мнению, Египет не может конкурировать с европейскими державами, так как находится под гнетом беев, в стране нет морского флота и достаточного опыта море-

¹ Ibid. P. 168.

² Ibid. P. 170.

³ Ibid. P. 172.

⁴ Ibid. P. 204.

плавания¹. Описывая торговлю в Дамiette (араб. Думьят), путешественник сокрушается, что правительством ничего не сделано для купцов, бухта города неудобна, а сама торговля представляет собой «вид грабежа»². Но все же, на его взгляд, страна имеет большой потенциал для развития торговли: «Несмотря на упадок, Египет может снова с блеском встать в один ряд с сильными державами, поскольку содержит в себе источники настоящего богатства»³. И произойти это может, если Египтом станут управлять «просвещенные правители»⁴. Савари рисует заманчивую картину того, как можно с выгодой использовать внутренние ресурсы Египта для торговли и развития производства. Восстановить все эти отрасли, столь процветавшие в древности можно, по его словам, только если Египет будет находиться под «мудрым управлением»⁵.

Савари много пишет и о сельском хозяйстве Египта. Отмечая, что земля там исключительно плодородная, и в древние времена сельское хозяйство процветало, путешественник снова подчеркивает, что варварство нынешнего правительства погубило то, что было создано ранее⁶. По его словам, более $\frac{1}{3}$ ранее плодородных земель теперь превратились в пустыни, «пугающие путешественника»⁷. Сокращение населения также, по мнению Савари, напрямую связано с деспотичным правлением иноземцев. Отсутствие частной собственности, передающейся по наследству, произвольно собираемые налоги и постоянные стычки между беями, в которых вынужденно приходится участвовать и простым крестьянам, разрушают сельское хозяйство и не позволяют реализовать все возможности этой плодородной земли.

Говоря о торговле в Египте, Вольней отмечает, что Каир является главным торговым центром Египта, благодаря своему выгодному географическому расположению на пересечении различных караванных путей, и что торговля в нем процветает. Тем не менее, по словам путешественника, это совсем не обогащает Египет и его народ, поскольку торговцы закупают, в основном, предметы роскоши для мамлюков. Путешественник уделяет особое внимание положению европейских, в частности французских, купцов в Каире. По его сло-

¹ *Savary C.-E.* Op. cit. Vol. 3. P. 62.

² *Ibid.* Vol. 1. P. 226.

³ *Ibid.* Vol. 3. P. 63.

⁴ *Ibid.* P. 64.

⁵ *Ibid.* P. 65.

⁶ *Ibid.* Vol. 2. P. 190.

⁷ *Ibid.* P. 192.

вам, их жизнь полна опасностей с тех пор, как их консул был выслан из Каира: они живут обособленной коммунаой, поскольку люди во-круг «ненавидят само имя франков»¹, мамлюки притесняют их, из-за чего торговые дела французов идут не очень хорошо. Так что Каир как торговый центр, по мнению Вольнея, «самый ненадежный и неприятный пункт во всем Леванте»².

Сельскому хозяйству Вольней не уделяет особого внимания, однако из его повествования, как было сказано выше, следует, что крестьяне бедны и притесняемы мамлюками.

Итак, оба автора рисуют образ богатой страны с большим потенциалом, который не используется ее правителями.

Обычаи и образ жизни египтян

Много внимания Савари уделяет обычаям и образу жизни египтян. Он с одобрением отзывается об их уважительном отношении к старшим, о прочных семейных узах и гостеприимстве, отмечая, что многое из этих обычаев утрачено европейцами. Однако в повествовании Савари явно сквозит убеждение, что для него египтяне стоят на более низкой ступени развития, чем европейцы, и именно потому они еще сохранили древние традиции. Путешественник даже сравнивает обычаи современных ему египтян с обычаями древних греков, описанными Гомером в его эпосах. По мнению Н. Ле Коат, подобное сравнение открывает путь созданию культурных стереотипов: «Попытки Савари облагородить современных ему египтян, сравнивая их с греками Гомера и библейскими людьми, в конечном счете мифологизируют их, консервируя в далеком и статичном прошлом»³.

Савари отмечает, что египтяне из-за постоянной жары ведут жизнь скорее пассивную, чем активную⁴, что они сохранили «просто-ту древних нравов»⁵ и находятся ближе к природе, чем европейцы. В целом же образ жизни египтян Савари характеризует следующим образом: «Наши спектакли, наши шумные удовольствия им незнакомы. Эта монотонность, которая для европейца стала бы мучением, им кажется прелестной. Они проводят свои дни, делая одни и те же ве-

¹ *Volney C.-F.* Op. cit. Vol. 1. P. 209.

² *Ibid.* P. 210.

³ *Le Coat N.* Op. cit. P. 19.

⁴ *Savary C.-E.* Op. cit. Vol. 1. P. 101.

⁵ *Ibid.* P. 106.

щи, следуя установленным обычаям, ничего другого не желая, ни о чем другом не думая. Не имея ни живых вкусов, ни горячих желаний, они не знают и скуки»¹.

Общество Египта Савари описывает как патриархальное, подробно рассказывая об авторитете отца в семье. Тем не менее много внимания он уделяет и египтянкам. Отмечая, что европейцам вряд ли понравится подход жителей Египта к женщинам, путешественник пишет о том, что в основе этих отношений лежит «восточная ревность»². Женщины, полагает Савари, «отягчены оковами рабства»³ и, в отличие от европейек, не играют никакой роли в общественной жизни. Если для западных стран, пишет Савари, такое положение женщин считается варварством, то здесь оно абсолютно естественно, поскольку никому и в голову не приходит, что может быть по-другому⁴. Он, однако, отмечает, что, несмотря на приниженное положение женщин, у них есть много развлечений, которые он сравнивает с развлечениями гречанок в эпосах Гомера, а «их роскошь, хотя и спрятана от глаз публики... превосходит роскошь европейек»⁵. По мнению Савари, турки, держа женщин в подчиненном положении, сами провоцируют зарождение в них страстей. Так, если восточная женщина влюбляется, то никакие запреты ее не могут остановить: «Обычно скромные и мягкие, они становятся смелыми и пылкими, если неистовая страсть овладевает их душой»⁶. Это утверждение Савари иллюстрирует историей о том, как европейец, несмотря на опасность, был склонен местной замужней женщиной к любовной связи⁷.

Что касается Вольнея, то с первых строк своего рассказа о Египте он подчеркивает, что все в этих краях необычно и удивительно для европейца: «Множество незнакомых объектов завладевают его чувствами – это варварские звуки, резкие и гортанные интонации языка режут его ухо; это странные одежды и лица диковинного вида»⁸. Особенно подробно Вольней описывает резко отличающиеся от европейских смуглые лица, обрамленные бородой и усами, а также – длинные одежды египтян. Местных женщин Вольней называет

¹ *Savary C.-E.* Op. cit. Vol. 1. P. 107.

² *Ibid.* P. 116, note 1.

³ *Ibid.* P. 117.

⁴ *Ibid.* P. 121.

⁵ *Ibid.* P. 100.

⁶ *Ibid.* P. 126.

⁷ По мнению Н. Ле Коат, речь идет о самом Савари.

⁸ *Volney C.-F.* Op. cit. Vol. 1. P. 3.

«блуждающими призраками, которые, будучи закутаны в цельный кусок ткани, подходят на людей только глазами»¹. Османская империя, как следует из рассказа Вольнея, разительно отличается от Европы, и, приглядевшись, путешественник увидит в окружающем пейзаже и людях отпечаток «жадности сильных и недоверчивости рабов»². В отличие от Европы, в этих краях опасно путешествовать: «Для нас путешествия – приятные поездки, здесь же – трудная и опасная работа»³, в частности, из-за местного населения, которое считает европейцев «чародеями, прибывшими похитить с помощью магии сокровища, спрятанные джином под руинами»⁴.

Вольней не описывает обычаи египтян и не останавливается подробно на их образе жизни, тем не менее из его повествования следует, что жители Египта пребывают в невежестве и бедности из-за бездарного управления деспотов, а дух рабства пронизывает все общество.

Итак, оба автора считают жителей Египта отставшими в развитии от европейцев, а их рабское положение, как следует из сочинений Савари, только усиливает их суеверия и предрассудки. Таким образом, из сочинений путешественников видно, что деспотизм пронизывает все восточное общество и мешает его развитию. По мнению А. Лоранса, «у авторов XVIII столетия деспотизм – это не просто политическая надстройка, но та основа, которая формирует и структурирует общество и политику»⁵. Концепция восточного деспотизма и связанного с ним невежества и духа рабства была распространена в то время, хотя не все с ней соглашались. Более того, суть дискуссий XVIII в. среди французских философов о восточном деспотизме, как показала американская исследовательница Ина Багдианц МакКейб, сводилась либо к критике французской монархии (Монтескье) путем описания восточной тирании, либо к ее защите (Анкетиль-Дюперрон) путем отрицания существования азиатского деспотизма⁶. То есть, восточный «Другой» служил, прежде всего, инструментом познания самих себя.

¹ Ibid. P. 3.

² Ibid. P. 4.

³ Ibid. P. 11.

⁴ Ibid.

⁵ *Laurens H. Les origines intellectuelles.* P. 130.

⁶ См.: *McCabe I. B. Orientalism in Early Modern France: Eurasian Trade, Exoticism, and the the Ancien Régime.* Oxford, 2008.

Наследие Древнего Египта в оценках Вольнея и Савари

Савари подробнейшим образом описывает памятники старины и рассказывает о Древнем Египте, отводя ему важную роль в мировой истории: «В этой знаменитой долине [Нила] человек впервые зажег светоч знаний, отблеск которого распространился на Грецию и ярко осветил весь мир»¹. Однако, как не раз отмечает путешественник, тираническое правление мамлюков и османов не способствует возрождению этих знаний. Савари разрабатывает подробный маршрут путешествия, которое может предпринять европеец в Египте по тем еще неизведанным местам, где восемнадцать веков не было никого из Европы². Хотя, по словам Савари, такое путешествие будет опасным, оно принесет совершившему его человеку славу и бессмертие³, а сделанные им исторические и археологические открытия будут бесценны.

Вольней же практически ничего не рассказывает про Древний Египет, отсылая читателя к многочисленным авторам, до него писавшим на эту тему, и уделяет внимание только пирамидам. Склоняясь к версии, что это – огромные гробницы царей, и описывая монументальность сих сооружений, поражающих воображение человека и свидетельствующих о его возможностях, Вольней, однако, отмечает, что его охватывает сожаление при мысли, что «для возведения бесполезной гробницы нужно было изводить двадцать лет целую нацию»⁴. Таким образом, Вольней снова возвращается к идее восточной тирании, которую он находит не только в современном, но и в древнем Египте: «Возмущает причуда деспотов, которые приказали произвести эти варварские работы; это чувство не раз возвращается при посещении монументов Египта»⁵. Впрочем, несмотря на такое отношение, Вольней считает, что сохранить эти памятники необходимо «как наследие для будущего поколения»⁶, хотя власти Египта этим не озабочены. Если бы Египтом управляли люди, знакомые с изящными искусствами, то можно было бы совершить много открытий для лучшего понимания древности. И, путешественник выражает надежду на возможное осуществление этого.

¹ *Savary C.-E.* Op. cit. Vol. 1. P. 14.

² *Ibid.* Vol. 3. P. 181.

³ *Ibid.* P. 192.

⁴ *Volney C.-F.* Op. cit. Vol. 1. P. 255.

⁵ *Ibid.* P. 283.

⁶ *Ibid.* P. 257.

Какой же образ Египта мог сложиться у читателя после прочтения книг наших авторов?

Несомненно, это образ богатой страны, причем богатой во всех отношениях: благодатным климатом, неиссякаемым плодородием, удачным географическим положением на пересечении торговых путей и сулящей потенциальные исторические открытия. Тем не менее, по мнению Вольнея и Савари, этот уникальный край столь бездарно управляется чужеземцами, которые не используют данные природой возможности, что, в результате, Египет находится в запустении и упадке. Очевидно, что многочисленные пассажи обоих авторов о необходимом Египту «мудром управлении» и «просвещенных правителях» рано или поздно должны были найти своего читателя в лице этих самых потенциальных правителей. Оба автора настойчиво убеждали читателя в слабости военной защиты Египта, и обещали возможную поддержку со стороны местного населения. Кроме того, они подчеркивали, что в Египте бедствуют не только местные жители, но и европейцы, притесняемые мамлюками. И едва ли у читателей книг Савари и Вольнея могли остаться сомнения в том, что именно Европа и европейцы с их уровнем развития и знаний должны вернуть Египту былое величие и утраченную славу.

Как отмечает А. Лоранс, сочинения путешественников, посетивших Египет, вольно или невольно подготовили экспедицию Бонапарта на Восток¹. В случае Вольнея это было скорее невольно – ведь, несмотря на описание Египта, показавшее шаткое положение османских властей и слабость мамлюков, он, тем не менее, был против завоевания французами Египта. В «Размышлениях о войне между турками и Россией» Вольней и вовсе открыто предостерегал французов от вторжения, объясняя, что это приведет к трем войнам сразу: с османами, с англичанами и с местным населением. Причем, последнюю войну Вольней считал наиболее опасной: «Если франки, враги Бога и Пророка осмелятся высадиться там, то турки, арабы, крестьяне – все вооружатся против них... фанатизм – всегда опасный враг»². Вольней достаточно реалистично представлял себе перспективу вторжения французов в Египет: «Нужно управлять этими людьми, но мы не знаем ни их языка, ни их нравов, ни обычаев... характер двух наций, полностью противоположный, станет взаимно антипатичным: наши солдаты будут шокировать население своим

¹ *Laurens H.* Les origines intellectuelles. P. 104.

² *Volney C.-F.* Considérations sur la guerre des Turcs et de la Russie. L., 1788. P. 125.

пьянством, возмущать его своей наглостью по отношению к женщинам... все это будет вести к ссорам и к вновь и вновь повторяющимся мятежам»¹. Однако Египет был слишком притягателен, а потому предостережения Вольнея не остановили Бонапарта. Наоборот, он постарался учесть их, взяв в Египет печатный пресс с арабским шрифтом, требуя, чтобы солдаты уважительно относились к местному населению, и сохранив в Египте существующие административные и религиозные институты.

Бонапарт в своей политике по отношению к местному населению использовал все те знания, которые получил из произведений путешественников на Восток. Именно поэтому, с момента прибытия в Египетский пашалык, французы стали распространять среди местного населения прокламации на арабском языке, с заверениями французов в своей благожелательности к мусульманам, в дружбе с турками-османами, во враждебности к одним только мамлюкам и в желании улучшить жизнь египтян. Очевидно, что генерал рассчитывал на поддержку местного населения, ведь и Вольней, и Савари писали о готовности разных социальных групп выступить против мамлюков. Большое внимание Бонапарт уделял организации различных торжеств, в том числе праздника разлива Нила, ведь Савари и Вольней показали значимость реки и ее почитания для египтян. Большой научный корпус экспедиции должен был исследовать те самые богатые и неизведанные места, о которых рассказывали путешественники, и французы должны были стать теми самыми мудрыми правителями, что приведут Египет к процветанию...

Таким образом, сочинения Вольнея и Савари стали своего рода идеологически обоснованным руководством к действию для Бонапарта и его войск. Конечно, немаловажна роль произведений и других путешественников, как французских, так и представителей других европейских стран², которые в совокупности с произведениями Вольнея и Савари сформировали определенный образ Востока, заложив интеллектуальные предпосылки вторжения в Египет. Однако именно обстоятельные сочинения этих двух авторов получили наибольшую популярность и признание и оказали влияние на участников экспедиции, что находит подтверждение в многочисленных отсылках к ним ученых и других представителей армии Востока в их дневниках и письмах.

¹ *Volney C.-F. Considérations sur la guerre des Turcs et de la Russie.* P. 125–126.

² Подробнее см.: *Laurens H. Les origines intellectuelles.*

Глава 4

ФРАНЦУЗСКАЯ ПРЕССА В ЕГИПТЕ О МУСУЛЬМАНСКОМ ВОСТОКЕ

Французские издания в Египте

Среди новшеств, которые французский экспедиционный корпус принес в Египет, был печатный пресс. Именно франкоязычные издания стали первой периодикой, появившейся в этой стране. Выпускавшаяся в Египте пресса, предназначенная для участников экспедиции, в силу специфики своего выхода в свет в условиях чужой страны и чуждой культуры, а также морской блокады англичан, существенно сократившей поступление в Египет новостей из Европы, формировала определенный образ Востока.

Изначально в Египте было открыто две типографии: официальная – под руководством Жана-Жозефа Марселя, и частная – Марка Ореля. Однако со временем последний договорился с Бонапартом о продаже своего дела, и в Египте осталась только «Национальная типография» Марселя, объединившая обе первоначальные¹. Именно поэтому на части выпусков французской периодики указано сначала издательство Марка Ореля, а затем – Национальная типография. Всего же в Египте выпускалось два издания на французском языке – газета *Courrier de l'Égypte* и журнал *Décade Égyptienne*.

Courrier de l'Égypte выходила с августа 1798 г. (до июля 1799 г. – в типографии Марка Ореля) по 9 июня 1801 г., всего увидело свет 116 выпусков. Инициатива создания газеты исходила от Бонапарта, и *Courrier de l'Égypte* изначально была поставлена под его личный

¹ Типография несколько раз меняла названия и местоположение. Подробнее см.: *Wassef S. A. L'information et le presse offcielle en Égypte. Le Caire, 1975. P. 23–48.*

контроль – вплоть до подбора редакторов¹. Каждый выпуск газеты состоял из четырех страниц, по две колонки текста на каждой. По-видимому, предполагалось, что газета должна выходить раз в пять дней, однако периодичность ее выпуска постоянно менялась – первые шесть номеров газеты издавались раз в четыре дня, затем, в зависимости от обстоятельств, – от двух до пяти выпусков в месяц². Содержание газеты было весьма разнообразным, и она не имела какой-либо четкой структуры: в ней публиковались ежедневные приказы (*ordre du jour*) командующего армией, новости о французских кампаниях в Египте и Сирии, международные новости (иногда целые выпуски были посвящены только им), официальная переписка с Директорией, обращения к членам дивана Каира, письма членов дивана, описания торжеств, объявления о заседаниях Института Египта, материалы Института об изучении страны, заметки об обычаях местных жителей, отрывки из европейских газет и сочинений европейских путешественников по Востоку и т. д. Как правило, авторство заметок и статей не указывалось.

Courrier de l'Égypte отражала официальную точку зрения высшего командования Восточной армии на различные события, а потому события в нем освещались тенденциозно. Газета служила таким же целям французских властей в Египте, какие преследовались до этого в Италии и на Мальте – объединение армии, оторванной от родной земли, и восхваление французского правления в оккупированной стране. Тем не менее, как отмечает египетский историк Сами Амин Вассеф, концепция издания менялась при разных главнокомандующих: «Если в период Бонапарта и Мену газета сообщала исключительно об их деятельности, и в большинстве статей описывались только благодеяния их администрации, то следует признать, что в период правления Клебера о жизни командующего практически никогда не упоминалось»³. Кроме того, при Клебере, который сменил главного редактора Ж. Б. Ж. Фурье⁴ на Р.-Н. Д. Деженетта⁵, газета, как отмечает Вассеф, стала разнообразнее – большое внимание уде-

¹ *Wassef S. A. L'information et le presse officielle en Égypte. P. 50.*

² *Ibid. P. 53, 79–82.*

³ *Ibid. P. 74.*

⁴ Жан Батист Жозеф Фурье (1768–1830) – французский математик и физик. Во время Египетской экспедиции был членом Комиссии наук и искусств армии Востока, постоянным секретарем Института Египта и одно время входил в состав дивана Каира.

⁵ Рене-Николя Деженетт (1762–1837) – французский военный врач, во время Египетской экспедиции был главным врачом армии и членом Института Египта.

лялось описанию памятников Древнего Египта и обычаев египтян, сами статьи стали интереснее¹. В период командования Мену эта тенденция продолжилась – в газете публиковалось множество описаний достопримечательностей Египта и нравов его жителей и, кроме того, стихотворения, сочиненные участниками экспедиции. Несмотря на все эти изменения в содержании газеты, на протяжении всего ее существования и при всех главнокомандующих *Courrier de l'Égypte* была нацелена на создание позитивного образа французского присутствия в Египте и на поддержание боевого духа солдат.

Пропагандистские материалы в *Courrier de l'Égypte* предназначались, прежде всего, для самих французов. Чтобы избежать деморализации армии, материалы газеты подбирались таким образом, чтобы показать оторванным от родины и привычных условий солдатам, что их деятельность высоко оценивается как самими египтянами, так и международным сообществом – в газете публиковались не только благодарственные письма от представителей арабской элиты, но и речь английского парламентария Дандаса о важности завоевания Египта французами и опасности, которой чревато это событие для англичан², большое внимание уделялось новостям из Европы. В то же время о неудачах французов *Courrier de l'Égypte* не сообщала – ни о поражении от англичан при Абукире, ни о печальном исходе Сирийской кампании, хотя победы всегда подробно описывались и восхвалялись.

Другое периодическое издание французов, *Décade Égyptienne*, впервые увидело свет в октябре 1798 г. и должно было выходить раз в десять дней на четырех страницах in-4°, как объявили сами издатели. Затем был выпущен сборник в трех томах, объединивший эти выпуски: первый – 15 сентября 1799 г., второй – 17 мая 1800 г., третий – 31 марта 1801 г., и именно в таком виде журнал дошел до нас. Как уже отмечалось, это было издание Института Египта, где публиковались результаты проведенных исследований. Изначально редакторами журнала были Бонапарт, Ж. Л. Тальен³ и Деженетт, первый выпуск сборника посвящен Бонапарту, второй – Клеберу, третий – Мену. В предисловии к первому сборнику Тальен пишет о содержании и целях этого издания: «Журнал, который мы представляем, будет исключительно литературным. Никакие новости и политические

¹ Ibid.

² *Courrier de l'Égypte*. 30 vendémiaire IX an (1800. 22 octobre). № 85; 6 brumaire IX an (1800. 28 octobre). № 86.

³ Жан Ламбер Тальен (1767–1820) – французский общественный деятель, одна из ключевых фигур термидорианского переворота, член Института Египта во время экспедиции.

дискуссии не найдут себе здесь места; но все, что относится к области науки, искусства, торговли и связанным с ними аспектам, общим и частным, к законодательству гражданскому и уголовному, институтам морали и религии, будет собрано с усердием. Цель, которую мы преследуем, – познакомить с Египтом не только французов, которые здесь находятся в данный момент, но и Францию, и Европу»¹. Таким образом, *Décade Égyptienne* предназначался не только для французских экспедиционных сил, но и для более широкой читательской аудитории, в частности в Европе. Однако, несмотря на заявленное научное и литературное содержание журнала, в нем тоже прослеживается политическая ангажированность: по выражению Вассефа, *Décade Égyptienne* вел «закамуфлированную пропаганду»²: наряду с исследовательскими статьями, в журнале появляются стихи в честь убитого во время первого Каирского восстания адъютанта Бонапарта Ю. Сулковского, ода сирийца Никулы ат-Турка в честь французов (этот случай будет рассмотрен ниже) и другие примеры скрытой пропаганды.

Образ Востока во французской пропаганде

Образ Востока, который формировали французские издания в Египте, несомненно, нес на себе отпечаток пропаганды, направленной на участников экспедиции, и во многом являлся ее частью. Последнее относится, прежде всего, к *Courrier de l'Égypte*. Так, в первом выпуске газеты от 12 фрюктидора VI года (29 августа 1798 г.) опубликована заметка из Акки от 20 июля, написанная якобы от лица местного жителя: «Когда мы узнали о прибытии французов в Каир, то были очень взволнованы. Сообщали, что они убили всех мусульман, разрушили все мечети и увезли на Мальту в рабство остальное население. Однако с тех пор как мы прочитали их прокламации и узнали, что они не только защищают религию мусульман, но и любят ее, предпочитая ее догмам христианства, наши страхи рассеялись. Если они защищают религию и если они пришли только для того, чтобы сокрушить тиранов, пусть Бог поможет их войскам». Вероятно, именно такую реакцию местного населения, как в Египте, так и в Сирии, мечтал увидеть Бонапарт. Но, как утверждает российский историк Д. Р. Жантиев, «Бонапарт недооценил политическую ситуацию и настроения местного населения» в Сирии и, в результате, не получил там широкой поддержки, на которую рассчитывал, ни

¹ *Décade Égyptienne*. Le Caire, 1798–1799. Vol. 1. P. 6.

² *Wassef S. A.* Op. cit. P. XII.

среди мусульман, ни среди христиан¹. Потому очень сомнительно, чтобы население, а тем более наместник сирийской провинции Сайда Ахмад-паша аль-Джаззар, который менее чем через год успешно отразит атаку армии Бонапарта, могли проявлять подобную реакцию на вторжение французов в Египет. Очевидно, что этот пассаж из *Courrier de l'Égypte* отражает скорее желания Бонапарта, нежели действительность, и написан для воодушевления французских солдат.

Подобных примеров на страницах *Courrier de l'Égypte* множество: очень часто публиковались обращения шейхов дивана к шерифу Мекки², к главнокомандующему, к населению Египта и т. д. Все эти письма источают дружелюбность и благодарность со стороны шейхов к французам. Так, в первом подобном письме к шерифу Мекки, опубликованном в выпуске № 6 от 2 дополнительного дня VI года Республики (18 сентября 1798 г.) египетские шейхи сообщают шерифу о приходе французов и их победах над мамлюками, в одобрительном тоне отзываясь о политике французской администрации и, в частности, командующего армией по облагораживанию Каира, о его заботливом отношении к каравану паломников и подчеркивают, что «французы, в большинстве своем, преисполнены почтения к нашему Пророку и книге нашего священного закона и многие из них даже признают преимущество исламизма³ среди других религий». В своих обращениях к египетскому населению, опубликованному в № 14 от 10 брюмера VII года (31 октября 1798 г.) члены дивана, призывая население не поддаваться на провокации со стороны зачинщиков восстания, называют Бонапарта «личным защитником бедных». В письмах дивана к Бонапарту и Мену шейхи также рассыпаются в комплиментах командующим и всячески выказывают одобрение их действий⁴. А в письме, опубликованном в № 91 от 15 фримера IX года (6 декабря 1800 г.), шейхи обращаются к первому консулу Бонапарту с пожеланиями дальнейших побед и с надеждой, что он когда-нибудь снова посетит Египет. Письмо исполнено восхищения и изобилует похвалами в адрес Бонапарта.

¹ Жантиев Д. Р. Традиция и модернизация на Арабском Востоке: реформы в сирийских провинциях Османской империи в конце XVIII – начале XX века. М., 1998. С. 76–77.

² Шериф (араб., мн. ч. «ашраф» – «благородный») – почетное звание потомков пророка Мухаммада. Власть в Мекке фактически находилась в их руках в период владычества османов на этой территории.

³ Распространенный в то время термин, наряду с «магометанством» для обозначения ислама.

⁴ См.: № 91, 96, 99, 101 и др.

Все эти письма, несомненно, писались под контролем, а зачастую и под диктовку французов¹. То, что эти обращения публиковались затем и в *Courrier de l'Égypte*, доказывает, что Бонапарт, а вслед за ним и Мену (при Клебере подобные письма не публиковались), старались, чтобы в миф о преданности египтян французам поверили не только жители арабского Востока, но и французские войска, сталкивавшиеся с сопротивлением и презрительным отношением со стороны местного населения и восстаниями.

Этой же цели служили и обращения командующих к дивану и прокламации, адресованные населению Египта, также публиковавшиеся на страницах *Courrier de l'Égypte*, в которых описывались благие дела французов, излагались заверения в дружбе и предостережения от непослушания, за которым последовало бы жесткое наказание². По-видимому, эти документы должны были усилить уверенность французских войск в своей силе и лояльности к ним египтян.

Образ жителей Египта как благодарных друзей французов постоянно появляется на страницах *Courrier de l'Égypte* не только в вышеприведенных документах, но и в обычных статьях и заметках газеты. Особенно стоит отметить описания праздников³. В *Courrier de l'Égypte* излагается официальный взгляд французской администрации на эти праздники. Так, в № 1 от 12 фрюктидора VI года (29 августа 1798 г.) в описании праздника разлива Нила автор статьи отмечает, что египтяне «возносили хвалы Пророку и французской армии, проклиная своих беев и тиранов». В отчетах о праздновании дня Республики⁴ всегда подчеркивается присутствие местного населения на этих торжествах и его участие в них вместе с французами. В № 8 от 6 вандемьера VI года (27 сентября 1798 г.), в описании первого празднования дня Республики в Каире, подробно описаны установленные французами декорации – триумфальная арка, гирлянды и обелиск, на котором были выгравированы на арабском языке надписи «Французской республике, год 7», «Изгнанию мамлюков, год 6», а в зале празднования, где был накрыт стол, французские флаги висели рядом с флагами Османской империи. Таким образом, французы хотели, чтобы этот праздник выглядел всеобщим, и на страницах *Courrier de l'Égypte* всячески подчеркивали дружелюбие и лояльность местного населения к иноземным войскам.

¹ См.: Глава 2. С. 36.

² См.: № 23, 38, 58, 87, 97, 100, 105, 106.

³ О праздниках см.: Глава 2. С. 49–50.

⁴ См.: № 8, 9, 10, 39, 82, 84.

Мотив преданности местных жителей французам красной нитью проходит через все выпуски *Courrier de l'Égypte*. На страницах газеты французы предстают освободителями, принесшими блага цивилизации египтянам и стремящимися улучшить их жизнь, за что те им очень благодарны. В № 106 от 18 вантоза IX года (9 марта 1801 г.) утверждалось: когда английские войска стали высаживаться в Египте, местные жители заявили, что готовы разделить судьбу французов и даже предложили тем увеличить налоги (!). Очевидно, газета выдавала желания французов за действительность.

В подтверждение лояльности египтян на страницах газеты встречаются заметки о том, что жители Египта помогали французам в преследовании мамлюков, называя себя при этом «французскими бедуинами»¹, восхищались достижениями французской армии², а в № 91 приводится письмо дивана Бонапарту, где утверждается, что «народ Египта и французы – есть не что иное, как одна нация».

Этот образ преданных французам местных жителей присутствует в *Courrier de l'Égypte* даже при описании восстаний. Так, в отчете Директории, приведенном в № 14 и 18, Бонапарт сообщает, что бунтующая «чернь» не встретила широкой поддержки у населения. Главнокомандующий подчеркивает, что «все мусульмане, работающие у французов в администрации, в полиции и даже в качестве слуг, неоднократно выказывали непоколебимую преданность, несмотря на опасность для их жизни», а шейхи дивана, которые, по его словам, с началом восстания собрались у него, «были готовы к любым действиям, которые генерал счел бы необходимыми и предоставляли любые сведения, которые мы у них запрашивали относительно характера жителей Каира и манеры их поведения – эти знания, приобретенные ими за долгое время, очень важны». Бонапарт подчеркивает, что «вероятно, большинство из них было более расположено к французам, чем к повстанцам». Зачинщиками восстания командующий армией называет шейхов аль-Азхара невысокого положения, которые, по его мнению, завидовали шейхам, вошедшим в диван, а последовавшие за вожаками повстанцы были обуреваемы жадной наживы, а не стремлением к какой-то конкретной цели. Образ преданных египтян, представленный в отчете Директории и затем воспроизведенный на страницах *Courrier de l'Égypte*, должен был подбодрить французских солдат, только что столкнувшихся с ожесточенным сопротивлением, и убедить Директорию в успехе авантюрного Египетского похода.

¹ *Courrier de l'Égypte*. 3 thermidor VII an (1799. 22 juillet). № 33.

² *Courrier de l'Égypte*. 18 frimaire VII an (1798. 8 decembre). № 20.

Еще одна тенденция, проявившаяся в газете, это изображение противников французов, в данном случае – османов и мамлюков, исключительно в уничижительном виде. После битвы у пирамид французская армия преследовала мамлюков как в Верхнем Египте, так и в Сирии, и поэтому те все время изображались в газете поверженными и несчастными, а французы, напротив, – воинами, которые одерживают постоянные победы над мамлюками. Примечательно, что изначально французы, пришедшие в Египет как «друзья Султана», не писали в *Courrier de l'Égypte* ничего плохого об османах. Однако как только османская армия двинулась в Египет, на страницах газеты появилась информация о слабости их армии, о разногласиях внутри нее¹, о плохом обращении турок с пленниками² и о беспричинной жестокости по отношению к своим же подданным³. Так, в статье о продвижении османской армии под предводительством визиря Юсуф-паши по Сирии⁴ говорится, что турки вырезали местное христианское население, и дается следующий комментарий: «Слепая ярость охватила визиря, в то время как наше поведение в отношении мусульман должно было бы побудить его к действиям более благоразумным и менее варварским». О том же, что ранее французы вырезали тысячи жителей в сирийском городе Яффа, в газете не сообщалось. В № 81 от 3-го дополнительного дня VIII года (20 сентября 1800 г.) появилась дезинформация о смерти великого визиря Юсуфа-паши, что подавалось как событие, несущее перемены арабскому миру: «Предполагается, что Великий шериф Мекки, так же как и некоторые другие арабские государи, воспользуются этим моментом, чтобы полностью сбросить османское иго». Эта заметка должна была ободрить французских солдат, знавших о приближении армии султана.

В негативном ключе подается и Джаззар-паша – противник Бонапарта в Сирии, причем это делается с целью показать в выгодном свете французов. Газета пишет о нем, как о бесчестном и жестоким тиране, который собирается напасть на Египет. Сообщается, что его солдаты дезертируют⁵, что население его не поддерживает⁶ и что Джаззар распространяет слухи о жестокости французов, хотя сам

¹ *Courrier de l'Égypte*. 30 vendémiaire VIII an (1799. 22 octobre). № 41.

² *Courrier de l'Égypte*. 15 fructidor VIII an (1800. 2 septembre). № 79.

³ *Courrier de l'Égypte*. 20 vendémiaire VIII an (1799. 12 octobre). № 40.

⁴ Ibid.

⁵ *Courrier de l'Égypte*. 3 pluviôse VII an (1799. 22 января). № 25.

⁶ *Courrier de l'Égypte*. 10 pluviôse VII an (1799. 29 января). № 26.

жестоко и несправедливо обращается с паломниками, отказавшимися от его помощи¹. На этом фоне французы, оказавшие почтение паломникам, на страницах *Courrier de l'Égypte* отличаются от Джаззара в лучшую сторону.

Как отмечает Сами Вассеф, во избежание деморализации армии Бонапарт побуждал редакторов *Courrier de l'Égypte* публиковать статьи, изображающие богатство и красоту покоренной французами страны². Так, в № 20 от 18 фримера VII года (8 декабря 1798 г.) приводится письмо военачальника Амра ибн аль-Аса, покорившего Египет в период арабских завоеваний VII в., халифу Умару о Египте, прославляющее плодородие и пейзажи страны. Эта тенденция прослеживается и в других номерах газеты, так же, как и мотив, прозвучавший еще в «Путешествии» Вольнея, — что при разумном управлении Египет будет процветать, а его правители получат от этого большую выгоду. В № 17 от 30 брюмера VII года (20 ноября 1798 г.) редактор *Courrier de l'Égypte* в статье под заголовком «Каир 28 брюмера VII года» пишет: «Даже наши враги признают, что Египту суждено стать богатейшим центром торговли на земле, что надежная администрация, сменившая беззаконный и грабительский режим мамлюков, должна поднять страну на высший уровень благоденствия и что Франция, значительно повысив достаток жителей, обнаружит там неиссякаемые источники богатств».

Надо отметить, что идеи Вольнея звучали со страниц *Courrier de l'Égypte* не только в интерпретации издателей газеты, но в двух ее выпусках были опубликованы и его собственные размышления на тему завоевания французами Египта, ставшие логическим продолжением его «Путешествия»³. Как отмечает редактор газеты, предвеля публикацию этих размышлений, французы «смогли убедиться в правоте и прозорливости Вольнея». Сами же эти тексты содержат славословия Бонапарту и хвалу успехам французской армии, которые «вернули арабам славу их предков», позволили навести порядок в Египте и стали предметом зависти ведущих держав. Вольней рисует утопическую картину предстоящих побед этой армии, которую будут приветствовать восточные народы и которой покорится вся Азия и Африка.

¹ *Courrier de l'Égypte*. 19 thermidor VII an (1799. 6 августа). № 35.

² Wassef S. A. Op. cit. P.54.

³ *Courrier de l'Égypte*. 3 thermidor VII an (1799. 21 juillet); № 34. 12 thermidor VII an (1799. 30 juillet). № 33.

В отличие от *Courrier de l'Égypte* в *Décade Égyptienne* пропаганда носила не столь откровенный характер. Тем не менее, несмотря на сугубо научные цели журнала, в нем также прослеживается определенная тенденциозность – в некоторых публикациях и в общем настроении издания.

Самым ярким примером подобной тенденциозности, пожалуй, можно назвать публикацию «Арабской оды завоеванию Египта, переведенной гражданином Ж.-Ж. Марселем», уже упоминавшимся типографом¹. О ее авторе, Никуле ат-Турке, Марсель не сообщает ничего, кроме следующего: «Автор этой оды именуется себя Niqoula el-Tourq, ebn Yousef Esttanbouly, он родом из Бейрута, и, как мне кажется, имеет литературные познания бесконечные и более обширные, чем я встречал здесь у кого-либо из местных»². Перед публикацией перевода оды Марсель отмечает важность литературы и поэзии для арабского общества и высоко оценивает литературные достоинства этого произведения³. Он не сообщает, каким образом текст оды попал к французам.

В хронике «Воспоминания о господстве французов в Египте и странах Шама»⁴, опубликованной Дегранжем в 1839 г. вместе с французским переводом, также вошли написанные ат-Турком оды Бонапарту и Клеберу, причем первая очень похожа, хотя и не идентична оде, приведенной Марселем на страницах *Décade Égyptienne*. По-видимому, это две редакции одного стихотворения.

В тексте стихотворения, напечатанного в журнале, действительно, восхваляется приход французов и отвага Бонапарта в боях. Марсель переводит ее в стихотворной форме, вдохновенно и красочно. Несомненно, включение ее в *Décade Égyptienne* должно было произвести благоприятное впечатление на читателей, показать им, что население Востока с радостью встретило французов. Однако произведение не отражало реального отношения к французам большинства жителей Египта: как уже упоминалось выше, Никула ат-Турк христианин из Ливана, не воспринимал прибытие французов столь трагично, как, например, египетский хронист мусульманин аль-

¹ *Décade Égyptienne*. Vol. 1. P. 83–96.

² *Ibid.* P. 83, note 1.

³ *Ibid.* P. 86.

⁴ *El-Turk N. Histoire de l'expédition française en Egypte / publ. et traduite par M. Desgranges aîné. P., 1839.*

Джабарти¹. Кроме того, важно помнить, что профессией ат-Турка была поэзия, и себе на жизнь он зарабатывал панегириками в честь правителей, поэтому хвалебная ода в адрес французов ничуть не удивительна.

Таким образом, французская пропаганда на страницах обоих изданий формировала определенный образ покоренных земель – радужное и приветливое отношение жителей Египта и Сирии, их бесконечную благодарность французам, жестокость и тиранию мамлюков и османов с одной стороны, их военную слабость – с другой. Все это отвечало цели сплочения и воодушевления французских войск, находящихся вдали от дома, в чужом обществе.

Этнографические характеристики населения Египта

И в *Courrier de l'Égypte* и, в особенности, в *Décade Égyptienne* подробно описывается география Египта и его отдельных местностей, их природа и климат. Зачастую это – детальные научные описания, не имеющие прямого отношения к нашей теме.

Гораздо больший интерес для нас представляют этнографические характеристики населения Египта, его этнического и религиозного состава. Ни в том, ни в другом изданиях нет отдельной статьи, посвященной общей характеристике народов этой провинции Османской империи. Тем не менее то здесь, то там встречаются статьи и заметки об отдельных группах местного населения. Как правило, такие статьи были посвящены какому-либо региону, и речь шла именно о его обитателях. Зачастую подобные тексты публиковались в сокращенном виде в *Courrier de l'Égypte*, а в полном объеме – в *Décade Égyptienne*.

Поскольку в изданиях не давалось изображение общей этнической картины Египта, то не было и четкого разграничения и определения понятий «египтянин», «араб» и «бедуин». В обоих изданиях публиковались подробные описания жизни отдельных кочевых племен, помимо них, упоминалось также о коптах, нубийцах и магрибинцах. Остановимся подробнее на описании французами некоторых из них.

Бедуины в статье Сулковского² в *Décade Égyptienne* описываются как «преобладающая каста этой страны»³, которая живет на окраи-

¹ См. главу 2.

² Юзеф Сулковский (1773–1798) – адъютант Бонапарта, поляк по происхождению. О нем и других поляках в Египте см.: *Skalkowski A. Les Polonais en Egypte. 1798–1801. Cracovie, 1910.*

³ *Décade Égyptienne. Vol. 1. P. 25.*

нах деревень и предпочитает пустыни. Однако автор говорит именно о тех племенах, что живут в восточной части Дельты. По мнению Сулковского, «эти арабы» производят впечатление наиболее богатых из всех, что он видел в Египте, поскольку, помимо того, что они занимаются сопровождением караванов, они еще и промышляют грабежом. Достаток этих бедуинов, по мнению Сулковского, влияет на их мораль: «Они поддерживают отношения с мамлюками и заботятся о жителях, прибегают к насилию, только когда коварства оказывается недостаточно, и не считают зазорным спастись от опасности бегством»¹. Эта трусость, как он пишет, поразила французов, ведь бедуины Рашида проявляли смелость в боях с французами.

В № 21 *Courrier de l'Égypte* от 25 фримера VII года (15 декабря 1798 г.) также упоминается о бедуинах провинции Бухейра на западе Дельты как о грабителях и людях вероломных, поскольку они нарушили мир, недавно заключенный с французами. В № 8 от 6 вандемьера VII года (27 сентября 1798 г.) сообщается, что одной из задач, стоящих перед французами, является избавление земледельцев Египта от постоянной угрозы ограбления арабами-кочевниками.

В *Décade Égyptienne* генерал А. Ф. Андреосси², описывая племена, обитающие в Вади-Натрун – впадине на западе Дельты, проводит различие между арабами кочевыми и оседлыми. Первых, пишет он, называют «арабами шатров» (*Arabes des tentes*), вторых – «арабами стен» (*Arabes des murailles*). Последние, по его мнению, «являются бывшими кочевыми арабами, которые, придя в земледельческие области, сначала поселились в шатрах и понемногу стали учиться строить такие же жилища, какими пользуются феллахи в Египте»³. Не только племена кочевых арабов отличались между собой, но и земледельческие тоже. Так, Сулковский отмечает, что живущие в провинции Шаркия феллахи не так угнетены, как те, что живут по берегам Нила, поскольку первые находятся вдалеке от своих тиранов – мамлюков, и потому их хозяйство процветает⁴.

Мамлюки в обоих изданиях характеризуются как деспоты и тираны, которые любят лишь роскошь и мешают развитию Египта. В № 3 *Courrier de l'Égypte* от 20 фрюктидора VI года (6 сентября 1798 г.) говорится, что мамлюкам Ибрагим-бея, привыкшим жить, ни в чем не

¹ *Décade Égyptienne*. Vol. 1. P. 26.

² Антуан Франсуа Андреосси (1761–1828), во время Египетской экспедиции находившийся на Востоке, в 1798–1799 гг. был управляющим понтонным парком, затем администратором провинции Шаркия, а потом участвовал в Сирийском походе.

³ *Décade Égyptienne*. Vol. 2. P. 114.

⁴ *Ibid.* Vol. 1. P. 26–27.

нуждаясь, а теперь скрывающимся от французов, трудно вести тот образ жизни, что ведут арабы. В № 9 от 10 вандемьера VII года (11 октября 1798 г.) упоминается о том, что мамлюки распускают слухи, будто бы французы едят людей, чтобы настроить население против иноземцев. Через все материалы газеты красной нитью проходит мысль, что при мамлюках местному населению жилось очень плохо, а французы обеспечили ему безопасность и стремятся к процветанию Египта. Образ мамлюков носил исключительно негативный характер и также использовался в целях пропаганды.

Еще одной группой населения, которая довольно часто упоминается в обоих изданиях, являются копты. Они изображаются как люди невежественные и угнетаемые. Так, в заметке Г. Ле Пера¹ (№ 40 от 20 вандемьера VIII года – 12 октября 1799 г. и № 41 от 30 вандемьера VIII года – 22 октября 1799 г.) о монастыре Св. Макария, расположенного в Вади-Натрун, сообщалось, что там живут в основном слепые и хромые монахи, которые показались ему «нечистоплотными и очень невежественными». Ле Пер явно не одобряет их образ жизни: «Это ужасное место, которое изначально служило убежищем для первых христиан во время гонений на церковь, теперь стало жилищем холостяков, чье усердное тупоумие держит их там взаперти». Андреосси в *Décade Égyptienne* также сообщает об этом монастыре и столь же скептически описывает монахов как «людей пылких или робких, которые хотели отдалиться от остальных, но по необходимости имея с ними дело, вынуждены были использовать в своих интересах их сострадание и доверчивость»². Андреосси также подчеркивает бедность монахов и то, что все в монастыре содержится в беспорядке и нечистоплотности. Он отмечает, что монахи очень боятся арабов, поэтому, когда те приходят, они не открывают им ворот монастыря. Однако, поскольку монахи обязаны кормить арабов и их лошадей, то они спускают им со стены на веревке корзины с провизией и фуражом. По словам Андреосси, угнетенные и постоянно живущие в страхе копты этого монастыря спрашивали французов: «Когда же вы убьете мусульман?»³ Вообще, религиозное напряжение между христианами и мусульманами не раз подчеркивается на страницах *Décade Égyptienne*, хотя религиозные конфликты того времени в Египте были спровоцированы именно французским присутстви-

¹ Гратьен Ле Пер (1769–1826) – соратник Бонапарта, во время Египетской экспедиции был инженером.

² *Décade Égyptienne*. V. 2. P. 95.

³ *Ibid.* Vol. 2. P. 116.

ем¹. Тем не менее сами французы старались подчеркнуть это напряжение.

В другой статье² – П. С. Жирара³ – упоминается о занятиях коптов. Автор отмечает, что арабы после завоевания Египта поручили им вести кадастры и те, осознав, что это единственный род деятельности, которым они могут заниматься, преуспели в деле межевания земель и раскладки налогов, а потому при каждом бее имеется свой копт-чиновник (*sous-intendant*). Более того, по свидетельству Жирара, копты зачастую злоупотребляют своим положением с целью увеличения собственных доходов: «Используя невежество феллахов, привлекая к соучастию в незаконных делах большинство старост деревень и часто обеспечивая себе безнаказанность посредством подарков, они нашли возможность поднять свой доход до четвертой части от взимаемых ими налогов»⁴. Также он отмечает, что в городах Гирга, Фаршут и Кена копты занимаются ткачеством и работают с драгоценными металлами, подчеркивая, что «здесь так же, как и в Европе, усердие тоже является уделом тех, кто гоним властями за свои религиозные убеждения»⁵.

Таким образом, на страницах прессы подчеркивалось напряжение между различными этноконфессиональными группами населения Египта. Примечательно, что хотя французы делали в своей политике в Египте ставку, в том числе на коптское население, коптские монахи описывались в крайне негативном свете, что можно считать следствием тех изменений, которые претерпело отношение к христианству во Франции XVIII в.

Французская пресса об исламе

Как уже отмечалось, французская администрация старалась играть на религиозных чувствах большинства египтян и провозглашала себя защитницей ислама. В *Courrier de l'Égypte* и *Décade Égyptienne* мы видим не только примеры подобной религиозной демагогии, но и обнаруживаем там оценки французами этой религии и отражение их представлений о ней.

¹ См.: Глава 2. С. 52.

² *Décade Égyptienne*. V. 3. P. 27–95.

³ Пьер Симон Жирар (1765–1836) – французский физик, во время Египетской экспедиции был инженером.

⁴ *Ibid.* P. 76.

⁵ *Ibid.* P. 83.

В № 76 от 18 термидора VIII года (6 августа 1800 г.) дается в связи с описанием празднования дня рождения Пророка довольно подробная характеристика ислама как религии и краткая биография Мухаммада. Последнего автор статьи описывает следующим образом: «Какими бы ни были наши религиозные взгляды, Магомет должен рассматриваться как человек выдающийся для своего века и среди своих соотечественников, достойный, благодаря своему гению, просвещенности и отваге, восхищения последующих поколений. Рожденный среди людей невежественных и суеверных, он смог оценить власть и могущество религии; поставив себя между Создателем и человеком, он смог заменить догмой о единстве Бога массу идей и нелепых обычаев людей Востока».

Подобное суждение о Мухаммаде, как уже отмечалось, вполне было характерно для того времени. Тот же образ предприимчивого политика (хотя и негативный, в отличие от, скорее, позитивной оценки личности Пророка автором вышеприведенной статьи), достигающего власти, прикрываясь религиозными лозунгам, выведен и в пьесе Вольтера «Магомет»¹.

В этом же выпуске *Courrier de l'Égypte* рассказывается о семи основных положениях (points fondamentaux) ислама, причем первые три называются догматическими (формула «нет Бога, кроме Бога», принцип воздаяния после смерти, предопределение), а последние четыре – практическими (молитва, милостыня, пост, паломничество в Мекку). Автор статьи явно путает и смешивает пять столпов ислама (культовых предписаний) и пять столпов веры (догматика)². Не совсем понятно, почему он выделяет именно семь вышеназванных позиций, и откуда он мог получить подобные сведения. Впрочем, в газете упоминается, что знания о Коране были почерпнуты автором статьи из бесед с мусульманами.

О Коране сообщается, что он является источником многочисленных «моральных заповедей» и предписаний, которые необходимо соблюдать: отказ от алкоголя и ростовщичества, разрешенное количество жен, право наследования. С одобрением и явно под влиянием революционных преобразований в семейной сфере во французском обществе автор статьи отзывается о возможности развода, который «дозволяет исправить то насилие над законами природы, которым нередко является брак». Однако сведения о предписаниях Корана

¹ *Voltaire, J. M. Le fanatisme, ou Mahomet le prophète: Tragédie. En vers et en cinq actes. P., 1736.*

² Подробнее см.: Ислам: Энциклопедический словарь / отв. ред. С. М. Прозоров. М., 1991. С. 243.

изложены кратко (хотя автор и сообщает, что ему известно много больше), а о самой священной книге ничего не сказано. Такую лаконичность автор объясняет следующим образом: «Иногда, дабы получить правильное представление, бывает полезно поставить вместе в кратком виде ряд фундаментальных принципов той доктрины, что нередко изложена без всякого порядка». Очевидно, автор статьи не имел систематизированного знания об исламе, а потому его рассказ выглядит путанным. Главным же, на его взгляд, является то, что «для величия мусульман особенно пагубной оказалась догма предопределения, которая побуждает их пренебрегать приобретением тех знаний, что дают нам столь большое преимущество над ними во всех сферах». То есть техническая и военная отсталость связывалась именно с исламом.

На страницах *Courrier de l'Égypte* встречается еще несколько сюжетов, связанных с религией мусульман. Так, в № 56 от 13 плювиоза VIII года (2 февраля 1800 г.) приводится ответ шейхов дивана на вопрос Мену о том, разрешает ли ислам дервишам ходить голыми по улице. Шейхи объяснили, что это противоречит религии, после чего последовал приказ Мену об их аресте. В № 103 от 30 плювиоза IX года (19 февраля 1801 г.) описаны религиозные обряды месяца рамадан, причем особо подчеркивается их строгость. В № 21 от 25 фриме-ра VII года (15 декабря 1798 г.) приводится следующий пассаж: «Среди мусульман Каира поговаривают, что один дервиш имел откровение о разговоре, состоявшемся между Магометом и судьбой. То, с каким доверием было воспринято это откровение, побуждает нас изложить его здесь: “Когда Магомет увидел французский флот, приближающийся к берегам Египта, он пошел к судьбе и спросил: “О судьба, ты неблагодарна, я тебя сделал высочайшим властелином мира, а ты захотела отдать французам самую прекрасную из стран, подчиненных моему закону”. Судьба ему ответила: “О, Магомет! Приговор вынесен, надо, чтобы он свершился. Французы придут на землю Египта и покорят ее, у меня больше нет возможности этому помешать. Но послушай и утешься, я решила, что эти завоеватели будут мусульманами”. Магомет вполне удовлетворился этим ответом и ушел довольный”».

Не вызывает сомнений то, что эта история была выдумана французами и помещена на страницах газеты в пропагандистских целях – для убеждения армии в том, что египтяне поверили в это и отнесутся к завоевателям лояльно.

В *Décade Égyptienne* также встречается достаточно много пассажей связанных с исламом. Поскольку в журнале публиковались статьи французских ученых, он отражает взгляд на ислам в духе эпохи Просвещения и Французской революции. Так, ислам называется ре-

лигией, «полной суеверий и нетерпимости»¹, а сама конфессиональная обстановка в Египте изображается весьма непростой: «Худшее из следствий предрассудков состоит в том, что различия между конфессиями или даже между сектами делают в этих странах смертельными врагами людей, имеющих разные верования»². Постоянно подчеркивается пагубное влияние тех принципов, которые, по мнению французов, являются религиозными предрассудками: «Покорность мусульман судьбе мешает им противостоять жестоким бедствиям»³.

О священной книге мусульман говорится в таком же духе: «Коран, как Библия, Евангелие и Веды, содержит в себе принципы чистой морали, перемешанные с нелепыми вымыслами, на которые философия может взирать только с жалостью»⁴. Корану в *Décade Égyptienne* посвящена небольшая статья Марселя с переводом первой суры⁵. Как отмечает Марсель, «сын Абдаллаха обязан своим потрясающим успехом не столько мечам его приверженцев, сколько 140 сурам, или главам, которые соответственно обстоятельствам успешно спускались с небес в течение 23 лет, для того чтобы направлять в нужное русло невежественные умы его соотечественников». Хотя он ошибается – священная книга мусульман содержит 114 сур, Марсель высоко ценит язык и поэтичность Корана, называя его «шедевром красноречия». Наверное, именно потому, что Марсель так хотел отразить эти качества священной книги в своем переводе, сам перевод получился литературно обработанным, но не слишком близким к тексту оригинала.

Итак, ислам во французской прессе изображался в духе просветительской философии XVIII в. как нетерпимая к иноверию религия, проповедующая предрассудки, которые мешают прогрессу. Пророк Мухаммад предстал на страницах периодики как яркий и предприимчивый политик, умело использовавший в своих целях эту религию.

Обычаи и нравы жителей Египта

Как было объявлено в № 25 *Courrier de l'Égypte* от 3 плювиоза VII года (22 января 1799 г.), редакторы газеты ставили себе целью собрать информацию об обычаях и воззрениях египтян, чтобы чита-

¹ *Décade Égyptienne*. Vol. 2. P. 186.

² *Ibid.* P. 112.

³ *Ibid.* Vol. 1. P. 116.

⁴ *Ibid.* P. 124.

⁵ *Ibid.*

тели в Европе имели об этом представление. Действительно, периодически в газете появлялись сюжеты, рассказывающие о традициях населения Египта, причем особенно их много публиковалось в газете ближе к концу французской оккупации, в последних номерах.

Сюжеты эти были посвящены разным обычаям жителей Египта: описывались как привычки, характерные для отдельных арабских и бедуинских племен, встреченных французами, так и обычаи, характерные для всего общества, основанные на религиозных предписаниях или идущие из древности (рождение и воспитание детей, уголовное и гражданское право, семейная жизнь). При этом в описании образа жизни местного населения постоянно присутствует ощущение превосходства французов над жителями Египта – часть сюжетов подобрана таким образом, чтобы показать «дикость» и невежественность местного населения.

Так, в № 25 приводится рассказ о прибывших в Египет с караваном нубийцах, портреты которых хотел нарисовать живописец Мишель Риго. Сначала ему пришлось долго торговаться с главой каравана, затем, когда тот все-таки пришел в мастерскую, то с ним было еще десять–двенадцать человек охраны, поскольку, по мнению французов, он явился к художнику «со всеми предосторожностями человека, который убежден, что его завлекают в ловушку». После того как нубиец увидел свой уже нарисованный портрет, он «резко отпрянул от него и издал вопль ужаса», а затем выбежал из мастерской, рассказывая всем в округе, что у него отняли «голову и половину его тела». Другие нубийцы, как следует из этого рассказа, также со страхом входили в мастерскую и не желали там оставаться. Далее описывается еще один подобный случай с написанием портрета молодой женщины, которая считала, что все изображенные части ее тела отсохнут.

Не только нубийцы, но и копты в этой статье также изображены как невежественные люди, полные предрассудков. Так, отмечается, что абсолютно все портреты копты считают изображениями святых, поэтому, входя в мастерскую Риго, они падают ниц и целуют изображение. Кроме того, упоминается о том, что в одной из коптских церквей находится изображение святого Михаила, борющегося с дьяволом, причем, по словам автора статьи, дьявол изображен в европейской одежде. Другим предрассудком явно считается вера в чудодейственность железных вериг, которые, по словам настоятеля греческой церкви святого Георгия, излечивают людей.

В № 81 от 3-го дополнительного дня VIII года (20 сентября 1800 г.) приводится рассказ о культе змеи в Саиде – городе в Верхнем Египте, записанный еще путешественником начала XVIII в. Полем Люка, о котором сказано, что хотя он и был легковерным человеком

и зачастую преувеличивал, тем не менее этот его рассказ можно считать правдивым. В нем повествуется о том, что в храме змеи Асмодеи дважды в год собирается множество паломников, жрецы проводят службу у алтаря, после чего женщины, не могущие зачать, остаются в храме на ночь и благодаря этому обретают исцеление. Рассказ содержит красочные, но малоправдоподобные детали самого обряда. Однако в № 83 инженер М. А. Лансре, участвовавший в научной экспедиции в Верхний Египет, опровергает этот рассказ, подчеркивая, что никаких подтверждений существования такого обряда не обнаружено, а сам Поль Люка был слишком доверчив, из-за чего его рассказы имеют мало общего с истиной.

Тем не менее суеверия и «дикость» жителей Египта в *Courrier de l'Égypte* подчеркиваются постоянно. В № 56 от 13 плювиоза VIII года (2 февраля 1800 г.) автор обращает внимание на то, что предрассудки всегда главенствовали в Египте, и что жители Египта отличаются невежественностью: «Похоже, что суеверие, чтобы не лишиться своего влияния на земле, приспособливается к непостоянству людей, меняя им иды и алтари: оно воздвигло в том самом месте, где раньше почитали Анубиса, небольшую мечеть, знаменитую могилой дервиша, звавшегося эмир Абдалла, чьи так называемые чудеса вызывают 8 числа месяца зуль-хиджа¹ большое стечение арабов и жителей Шаркии. Те, сочетая с глубокой набожностью алчность, являющуюся отличительной чертой их характера, никогда не уходят с руин Тами аль-Амдид без того, чтобы не поискать там золота, которое, как они верят, находится внутри самых больших глыб; и они дробят их на кусочки при каждом удобном случае».

Поскольку основная черта местного населения, согласно *Courrier de l'Égypte*, – это невежественность, то в газете постоянно проводится мысль о необходимости цивилизовать египтян и приобщить их к французским нравам. Так, в № 13 от 30 вандемьера VII года (21 октября 1798 г.) при описании квартала и сада Азбакийя, где французы жили и устраивали всевозможные увеселения, отмечается, что благодаря такому месту, «возможно, удастся привлечь в наше общество обитателей страны и их женщин и мало-помалу привить им привычки, вкусы и моду французов». В № 89 от 30 брюмера IX года (21 ноября 1800 г.) приводится «Элегия на смерть генерала Дезе» Шамбо, где есть строчка о том, что египтяне будут долго помнить Дезе, который их «цивилизировал».

В № 114 от 30 флореаля IX года (20 мая 1801 г.) отмечается, что в Египте главенствует обычное право: «Египтяне рассматривают в качестве законов множество древних обычаев, которые также долгое

¹ Последний месяц мусульманского календаря.

время практиковались во Франции под названием lois d'arrêts, которые являются ничем иным, как нормативными актами, отступающими от буквы закона, но превратившимися в обычай». Среди таких обычаев, имеющих силу закона, называются кровная месть (причем, описан случай, как француз, которого ранил турок, простил своего обидчика, несмотря на то, что судья разрешил французам нанести ему ответные удары), отрубание руки за воровство и убийство вора без суда, если он пойман на месте преступления, палочные удары за беспочвенные обвинения, безграничная власть отца в доме. Очевидно, что французы осознавали себя носителями более развитой культуры, в том числе в сфере законодательства, и эти примеры должны были лишней раз доказать отсталость восточного общества, где все еще действовало обычное право, от которого французы отказались в ходе Революции. Примечательно, что автор статьи отмечает: находясь среди жителей Египта, особенно интересно читать Библию, поскольку действующие у них правовые нормы берут свое начало с очень давних времен и во многом сходны с описанными в этой священной книге.

Интересны оценки французов поведения и прав восточных женщин. В № 34 от 12 термидора VII года (30 июля 1799 г.) сообщается, что «обычаи Востока по отношению к женщинам основаны на недоверии и подозрении». Отмечается, что жительницы Египта скромны. Так, в № 21 от 25 фримера VII года (15 декабря 1798 г.) говорится, что когда доктор Деженет вошел на женскую половину госпиталя, «две женщины, что там работали, покрыли себя платками тотчас, как он вошел, и, когда он проходил мимо них, целомудренно отвернулись к стене». В № 116 от 20 прериала IX года (9 июня 1801 г.) подробно описаны процессы брака и развода: отмечается, что женщины вынуждены постоянно противопоставлять мужской силе хитрость и изобретательность. Упоминается также, что девушек, которые забеременели вне брака, зачастую по требованию их отцов или братьев бросают в воду.

Как уже отмечалось, на страницах *Courrier de l'Égypte* встречается множество упоминаний различных племен и присущих им привычек и особенностей. В № 16 от 24 брюмера VII года (14 ноября 1798 г.) описываются «племена арабов, обитающие в горах Синая и эль-Тара [Джебель ат-Тур]». Они приехали в Каир по торговым делам и, настороженно относясь к французам, расположили свой караван в месте неудобном, далеком от воды и оживленных городских кварталов. Когда же Бонапарт предложил им более выгодное место размещения, они отказались, сказав, что «это не в их правилах». По мнению автора заметки, «этот единственный ответ может хорошо выразить недоверие, к которому беи их приучили, постоянно нарушая свое

слово». Французы же в этой заметке изображены благодетелями, обеспечивающими спокойствие Египта.

В той же статье говорится об удивлении арабов, увидевших диковинные для них вещи, которые были вполне обыденными для французов. Так, помимо часов, которые вызвали восхищение, большое впечатление на вождя племени произвела миниатюра на шкатулке, рассматривая которую он восклицал: «Йа аллах!» (О боже!). Авторы описывают и одежду этих племен, причем подчеркивают ее неудобство по сравнению с европейской, при всей ее живописности: «Их одежда убога. Она состоит из полос материи, небрежно сшитых между собой таким манером, что образуют некое подобие рубашки из грубой ткани, доходящей до колен и стянутой в талии поясом. Самые богатые добавляют к этому облачению еще кусок ткани, выполняющий функции плаща. Дважды обернутый вокруг плеча он ниспадает на другую руку. Облаченные подобным образом и заметные издали, они имеют достаточно живописную внешность. Не думаю, что художники, уже с давних пор желающие, чтобы нация имела такой костюм, в котором люди походили бы на манекенов, не отдали бы предпочтения этой одежде перед европейской. Но она так плотно окутывает человека, столь тяжела и в то же время так мало обеспечивает ему соприкосновение с воздухом, что совершенно несовместима с температурами Европы и с подвижностью, необходимой для работы, занятий искусством и военных упражнений». Сразу после этого пассажа авторы делают вывод о том, что «французская одежда скроена, чтобы дать свободу действий, а восточная позволяет совершать только медленные и размеренные движения», подчеркивая, что французская не только удобна, но и изящна и, несомненно, превосходит восточную.

Обычай арабов Синая описаны и в № 90 от 6 фримера IX года (27 ноября 1800 г.), где приводится письмо члена комиссии по наукам и искусствам минеролога М. Розьера, который путешествовал с их караваном. Розьера удивляет то, как размещаются эти арабы во время стоянки: «Все племена и даже отдельные части этих племен разбивали лагеря обособленно, каждый лагерь подразделялся на маленькие отряды из семи-восьми арабов, располагавшиеся вокруг огня, и занятые все вместе приготовлением того, что было им нужно, дабы идти до [следующей] остановки в понедельник». Несомненно, француза поразила эта общность. Отмечается, что приготовление хлеба является для них главным делом во время стоянки, поскольку они питаются только им и бобами во время путешествия. Розьер отмечает, что арабы этих племен «мало привязаны к обрядам религии мусульман, многие из них не знают Коран и даже имя Магомета; хотя, возможно, при более близком знакомстве мы бы могли обнару-

жить у них какие-либо тайные познания». Он подробно описывает их простую одежду («они почти все одинаково одеты и вооружены: главный предмет их облачения – длинное и очень широкое платье с вырезом впереди и без рукавов, лишь со сделанными у плеч отверстиями, через которые просовываются руки») и обувь («их обувь состоит из куска кожи буйвола, которой они грубо придают форму подошвы и которую привязывают к ноге двумя маленькими ремешками»), а также отмечает, что они очень доброжелательны по отношению к французам. Автор также всячески подчеркивает, что эти племена благодарны Бонапарту и французам за обеспечение безопасности их торговли.

Любопытно описание церемонии заключения мира у арабов. В № 21 от 25 февраля VII года (15 декабря 1798 г.) рассказывается о перемирии между одним из арабских племен и французами. Когда договоренность о мире была достигнута, и французы пригласили шейха племени на обед, он преподнес Бонапарту хлеб, от которого отломил кусочек и съел. По словам автора заметки, «этот акт рассматривается арабами как согласие на мир и гарантия искренности. Мы отметили торжественность, с которой он говорил и действовал на протяжении всего времени, пока выполнял свою дипломатическую миссию, и его быстрый переход к обычной манере общения, как только он получил гарантии мира. Немецкий советник, который имел честь представлять в Регенсбурге дюжину князей Священной Римской империи, не был большим формалистом [в соблюдении церемоний], чем этот бедуин».

По-видимому, случай с этим же шейхом описывается в № 116, где речь идет о перемирии Бонапарта и шейха племени арабов, закрепленном обрядом с хлебом. В этом пассаже отмечается, что шейх сел за стол с французами и пользовался ножом и вилкой, и, хотя он был мало приучен к такой манере есть, это ни разу не вызвало у него затруднений. Здесь же отмечается большое уважение египтян к хлебу и соли и сообщается, что «они клянутся друг другу в верной дружбе хлебом и солью».

В № 41 от 30 вандемьера VIII года (22 октября 1799 г.) описывается другое племя арабов, обитающее в Вади-Натрун. Это «пастушье доброжелательное племя», по мнению Андреосси, впечатления которого и приводятся в этом выпуске газеты, «наиболее полно сохранило обычаи древности: это просто пастухи, которые не хотят ничего выращивать. Их мягкие нравы несут на себе отпечаток жизни, которую они ведут: им не ведомы бури страстей, за исключением, однако, любви, которая во всех странах и особенно у восточных людей, столь тесно граничит с ревностью. Зачастую она их доводит до весьма жестоких крайностей». В качестве примера рассказывается история

уважаемого старика, у которого много лет назад сын был убит другим мужчиной из ревности.

В № 110 от 20 жерминаля IX года (10 апреля 1801 г.) помещен отрывок из заметки инженера Ж.-М. Дюбуа-Айме¹ об одной из долин около Кусейра², рассказывающий о кочевом племени Аббабдех. Сообщается, что члены племени носят длинные волосы, не надевают тюрбанов, их кожа очень темная, по религии они мусульмане, но обрядов не соблюдают, а их родной язык не арабский, а какой-то другой. Дюбуа-Айме отмечает, что это племя воинов, презирающих земледельцев, что они ездят исключительно на верблюдах и зачастую вступают в схватки с другим племенем. Он отмечает, что среди Аббабдех царит равенство, поскольку он видел, как простой член племени спорил с шейхом, и описывает их обычай хоронить умерших, покрывая их тела камнями. Дюбуа-Айме делает предположение, что это племя происходит от древних кочевников, которые владели этими землями в далекие времена и которых описывали еще древние авторы, поскольку у этих кочевников был тот же обычай захоронения. Вообще, как видно, во многих пассажах *Courrier de l'Égypte* подчеркивается, что обычаи современных жителей Египта берут свое начало еще в глубокой древности.

При описании нравов в *Décade Égyptienne* также обращается внимание на древность обычаев современных египтян и преемственность между ними и их предками. Так, в заметке про путешествие по западному берегу Нила от Каира до Асьюта, В. Р. М. Серезоль³ отмечает, что «догмы древних египтян, которые хотели, чтобы жизнь была ничем иным, как переходом в долгое будущее существование, сном, который вел к вечному пробуждению, кажется, сохранились и у их потомков»⁴. В письме генерала-адъютанта Л. Ж. В. Жюльена де Бидона⁵ члену Института Египта Э. Жоффруа Сент-Илеру, автор сообщает о том, как французские войска захватили одного из местных жителей, сочтя его шпионом мамлюков⁶. Чтобы доказать свою невиновность, египтянин поднял полы одежды и взял в руки свой пенис –

¹ Жан Мари Дюбуа-Айме (1779–1846) – инженер, участвовал в исследовании Верхнего Египта.

² Город на побережье Красного моря.

³ Венсан Робер Мари Сезероль (1773–1800) – медик армии Востока, умер от чумы в Александрии.

⁴ *Décade Égyptienne*. Vol. 1. P. 116.

⁵ Луи Жозеф Виктор Жюльен де Бидон (1764–1839) – генерал-адъютант, глава штаба дивизии генерала Ж.-Л. Ренье, затем комендант Рашида при Мену.

⁶ *Ibid.* P. 64.

что являлось символом клятвы в невинности. «Его физиономия, казалось бы, говорила мне – после этой страшной клятвы, которую я принес, чтобы доказать вам свою невинность, перестаньте же сомневаться! – комментирует Жюльен и проводит параллель с древними временами, – его жест напомнил мне, что во времена Авраама клялись в правдивости своих слов, возлагая руку на детородные органы»¹. Более того, Жюльен, по-видимому, считает, что египтяне не просто сохранили обычаи древности, но и остались на том же уровне развития, что в древности: «Чем больше мы изучаем нравы этих *полуудиких* (курсив мой. – Е. П.) людей, тем понятнее становится история Ветхого завета: те события, что рассматривались некоторыми европейцами как невероятные, поскольку были для них всего лишь нелепицей, получают простое объяснение, и герои Моисея обретают свою истинную значимость»².

Жюльен вообще подчеркивает, что нравы египтян зачастую не соответствуют европейским понятиям о приличиях и нормах поведения. Для него это явно служит свидетельством превосходства европейцев: «Они [египтяне] кажутся исключительно жестокими в нравах по отношению к своим женам и дочерям и без особых колебаний демонстрируют вещи, которые мы прячем с величайшим старанием; излишне непристойные песни, слишком возмутительные танцы – являются любимыми развлечениями, которые степенный мусульманин позволяет себе в стенах своего дома»³. То есть, в статье Жюльена образ жизни местного населения характеризуется не только как патриархальный, но и как непристойный и «полуудикий».

В статье другого участника экспедиции, медика Ренати, посвященной состоянию медицины в старом Каире, также содержатся замечания об обычаях египтян. Эта статья примечательна тем, что описывает именно столичных жителей, в отличие от многих пассажей в *Courrier de l'Égypte*, где отражен образ жизни и обычаи отдельных племен. Ренати уделяет внимание внешнему виду египтян, отмечая, что они носят черные или голубые тоги, длинные бороды, большие тюрбаны на голове и имеют «вид гордый и величественный»⁴, мощную комплекцию, высокий рост, черные и живые глаза, белые зубы и громкий голос. В контрасте со столь здоровым телом идет изображение личных качеств жителя Египта: «Кажется, будто он сообщает, что живет в стране здоровой, но несвободной: он раболепен, хитро-

¹ *Décade Égyptienne*. Vol. 1. P. 64–65.

² *Ibid.* P. 65.

³ *Ibid.*

⁴ *Ibid.* Vol. 2. P. 185.

умен, лжив и труслив»¹. Подобные качества и вялое поведение египтян («житель Египта трудолюбив, но не активен») Ренати связывает с особенностями общества, где правят узурпаторы, и религией, полной предрассудков. Что касается женщин Египта, то, по мнению Ренати, их черты лица мягки, но «лишены нежности и выразительности»², их тела гибки, манеры приятны, но «они далеко не имеют грации и шарма наших европейских женщин»³. Также он отмечает, что жители Египта «очень подозрительны и любопытны»⁴.

В *Décade Égyptienne* приведена более полная статья Андреосси об арабах и бедуинах, обитающих в долине Вади-Натрун. Он пишет об обычае кровной мести как о дикости, считая его пережитком прошлого: «Когда не существует норм уголовного права и нет судей, которые бы могли их исполнять, преступление осталось бы безнаказанным, если бы убийство не выполняло функцию акта общественной власти; и тогда, то, что мы рассматриваем как преступление или зло, становится законным возмездием – то, что родственники убитого преследуют [родственников убийцы] поколение за поколением»⁵. Кроме того, он отмечает некоторые особенности жизни племен, которые воспринимаются им как предрассудки или отсталость: слабое вооружение, способ лечения больных с помощью заклинаний, отсутствие письменной фиксации рождений.

Таким образом, население Египта во французской прессе представлено как стоящее на более низкой, чем европейцы, ступени развития, а его обычаи и нравы как архаичные и более «дикие».

Представления о Древнем Египте

Французские ученые много путешествовали по Египту, описывая памятники древности в разных уголках пашалыка. Для изучения монументов Древнего Египта были даже созданы специальные комиссии. В результате, в *Courrier de l'Égypte* появлялось множество заметок, отрывков из писем и отчетов о разных памятниках Древнего Египта.

Несомненно, французские ученые считали цивилизацию древних египтян очень развитой и с сожалением отзывались на страни-

¹ Ibid.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Ibid. P. 186.

⁵ Ibid. P. 115.

цах газеты о том, что язык ее утерян. При описании находки Розеттского камня высказывалась надежда, что он, возможно, станет ключом к пониманию иероглифов¹. Отмечались обширные познания египтян в астрономии², химии³, а в № 104 от 6 вантоза IX года (25 февраля 1801 г.) говорилось о древних жителях Египта как о «людях, которые заложили основы искусства и науки, передав их последующим поколениям». Но, как следует из газеты, многие знания были утрачены, и современный Египет, в его разрушенном состоянии, существенно уступает древнему. Как отмечается в письме Г. Ж. Шаброля де Вольвика⁴, приведенном в № 38 от 6-го дополнительного дня VII года (22 сентября 1799 г.), при осмотре руин архитектурных сооружений ему в голову пришла «идея о превосходстве древних над нами». Сами древние монументы вызывают живое восхищение у французов. В № 47 от 10 фримера VIII года (1 декабря 1799 г.) приводится письмо Пюнье: «Что в великих памятниках древнего Египта вызывает восхищение, так это основательность конструкции, большие размеры, величие форм, богатство деталей, которыми они покрыты и которые свидетельствуют о совершенстве, коего тогда достигли искусства». В № 74 от 27 мессидора VIII года (16 июля 1800 г.) были опубликованы стансы Шамбо, посвященные пирамидам, где воспевалось их величие. В то же время сообщалось, что современные египтяне зачастую относятся к памятникам древности неуважительно и осматривают их в надежде обнаружить золото⁵. Французы осознавали значимость изучения Древнего Египта, поэтому на страницах газеты часто говорится о том, что необходимо исследовать памятники Древнего Египта, дабы открыть Европе эту цивилизацию⁶, и провести инвентаризацию всех находок, создав государственный реестр⁷.

Что касается отражения темы Древнего Египта в *Décade Égyptienne*, то там присутствуют не только более подробные описания памятников, но и более пространные рассуждения о значении этой цивилизации. В статье Андреосси, посвященной Манзале,

¹ *Courier de l'Égypte*. 29 fructidor VII an (1799. 15 septembre). № 37.

² *Courier de l'Égypte*. 26 messidor VII an (1799. 14 juillet). № 32.

³ *Courier de l'Égypte*. 30 pluviôse VIII an (1800. 16 février). № 59.

⁴ Гилбер Жозеф Шаброль де Вольвик (1773–1842) – инженер в период Египетской экспедиции.

⁵ См.: *Courier de l'Égypte*. 27 brumaire VIII an (1799. 18 novembre). № 45 и цитату из № 56.

⁶ *Courier de l'Égypte*. 3 fructidor VII an (20 августа 1799.). № 36; 3 pluviôse VIII an (1800. 23 janvier). № 54.

⁷ *Courier de l'Égypte*. 24 ventôse IX an (1801. 15 mars). № 107.

Египет называется «колыбелью наук и искусств»¹, сообщается о роли египетских жрецов в собирании знаний и их письменной фиксации. Также Андреосси отмечает, что Геродот путешествовал по Египту уже во время его упадка, когда страна находилась в печальном состоянии под управлением «военного правительства, схожего с мамлюкским»², и Египет подвергался разграблению банд из соседних стран, «как это происходит и до сих пор» – то есть проводилась параллель с современным автору состоянием Египта.

В отчете Н.-А. Нуэ³ о географическом положении пирамид подчеркиваются большие достижения египтян в наблюдении за звездами, а Египет называется «колыбелью астрономии»⁴.

В докладе Л. Костаза⁵, прочитанном в Институте Египта и опубликованном в *Décade Égyptienne*, содержатся, в частности, рассуждения о религии древних египтян. Костаз доказывает, на основании виденных им на памятниках Египта рельефов, что древние египтяне совершали человеческие жертвоприношения. И хотя античные историки и даже многие современники Костаза считали иначе, тем не менее, по его словам, «непоследовательность и глупость тесно связаны с суевериями»⁶, а потому и приношение в жертву животных не обозначает отсутствия человеческих жертвоприношений.

* * *

Итак, образ Востока, представленный на страницах издававшейся в Египте французской прессы, – это образ общества, отставшего в своем развитии от европейцев, общества, где царят религиозные предрассудки, мешающие не только мирному существованию народов этой земли, но и их развитию, где многовековая тирания лишила людей активности и затормозила прогресс. Соответственно, на фоне этого невежества французы представляли в исключительно выгодном свете. Кроме того, оба издания армии Востока – *Courrier de l'Égypte* и *Décade Égyptienne* служили инструментами пропаганды. Столкнувшись с сильным сопротивлением местного населения и

¹ *Décade Égyptienne*. Vol. 1. P. 182.

² *Ibid.* P. 183.

³ Николя Антуан Нуэ (1740–1811) – французский астроном и географ, в период Египетской экспедиции – главный инженер армии Востока, член Института Египта.

⁴ *Ibid.* Vol. 3. P. 102.

⁵ Луи Костаз (1767–1842) – французский геометр, входил в Комиссию по наукам и искусству и являлся членом Института Египта во время экспедиции.

⁶ *Ibid.* P. 111.

огромной культурной разницей французская армия была сильно разочарована увиденным в Египте, что подробно будет рассмотрено в следующей главе. Образ же богатого края, благодарного местного населения и терпевших сплошные бедствия противников французов, значимость миссии французов и ее высокая оценка европейскими державами, которые подчеркивались на страницах изданий армии Востока, должны были подчеркнуть превосходство французов и убедить солдат в том, что их положение не так уж безнадежно. *Courrier de l'Égypte* был практически единственным источником новостей для участников экспедиции, а потому, получив эту газету, разбросанные по разным местностям Египта солдаты и ученые, могли видеть, что, возможно, положение французской армии не так безнадежно. Кроме того, *Courrier de l'Égypte* и *Décade Égyptienne* рисовали образ явно отсталого местного населения. Причем, это касалось не только мусульман, чья религия считалась полной предрассудков, но и египетских христиан – они также изображались невежественными и темными. Не случайно многие обычаи современных египтян, по мнению французов, шли из древности – это «консервировало» жителей долины Нила в прошлом¹. Соответственно, так и не вставших на путь эволюции египтян надо было «окультурить». Отсюда следовал вывод, что именно французы, пришедшие на берега Нила, где раньше процветала цивилизация Древнего Египта, должны возродить эту страну, а потому и на страницах прессы оккупанты представляли освободителями и цивилизаторами, которых так ждали на Востоке и которым так были рады египтяне.

¹ См. с. 81, где Н. Ле Коат выдвигает эту идею в отношении сочинения Вольнея.

Глава 5

ОБРАЗ ВОСТОКА В ИСТОЧНИКАХ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ УЧАСТНИКОВ ЭКСПЕДИЦИИ

Пропаганда и действительность

В предыдущей главе был рассмотрен тот образ Востока, который командование французской армии и оккупационная администрация пытались формировать через официальную прессу. Эти усилия преследовали чисто прагматическую цель – поднять боевой дух солдат, рассказывая о благах завоевания столь богатой страны и о доброжелательном отношении местного населения к французам. Как же этот образ соотносился с тем, что воочию видели участники экспедиции, в том числе те, кто имел непосредственное отношение к изданию *Courrier de l'Égypte* и *Décade Égyptienne*?

Сам генерал Бонапарт был убежден в богатстве Египта: «Страна прекрасна. Здесь есть все для удовлетворения наших желаний»¹; «Страна эта одна из самых богатых зерном, овощами, рисом и животными – даже более богата, чем мы можем себе вообразить»². Не сомневался он и в успехе завоевания. Так, 28 термидора VI года (15 августа 1798 г.), уже после взятия Каира, он пишет Клеберу: «Наше положение в этой стране еще не устоялось. Тем не менее каждый день происходит грандиозное улучшение, и я склонен думать, что через

¹ Бонапарт – генералу Дюгуа. 22 мессидра VI года (10 июля 1798 г.) // *Napoleon Bonaparte. Correspondence générale. Vol. 2. P. 185.*

² Бонапарт – адмиралу Брюйесу. 9 термидора VI года (27 июля 1798 г.) // *Copies of original letters from the army of general Bonaparte in Egypt, intercepted by the fleet under the command of admiral Lord Nelson. L., 1799–1801. V. 1. P. 57.*

несколько дней мы станем властителями страны»¹. В донесении Директории от 6 термидора VI года (24 июля 1798 г.) Бонапарт также отмечает исключительное плодородие страны, но в то же время – техническую отсталость населения: «В деревнях даже не знают, что такое ножницы». Однако о богатстве Египта он отзывается самым лестным образом: «Республика не может иметь колонию настолько досягаемую и настолько богатую почвой»². Климат Египта также кажется Бонапарту весьма благоприятным³. Утверждения о богатстве страны являются лейтмотивом и других его писем Директории. Однако Бонапарт нигде не упоминает о благодарности местного населения французам и о широкой поддержке тех со стороны египтян, о чем сообщалось в *Courrier de l'Égypte*. Наоборот, он описывает многочисленные сражения с арабами и мамлюками, а в оставленной перед отъездом во Францию инструкции Клеберу дает преемнику указания опираться на шейхов дивана, единственно способных сдерживать враждебность местного населения: «Влияя на настроения великих шейхов, мы повлияем на настроения всего Египта, ведь из всех вождей, которых этот народ имеет, нет для нас более безопасных, чем шейхи, ведь они трусливы, не умеют воевать, и, как и все священнослужители, возбуждают фанатизм, сами не будучи фанатиками»⁴.

Тем не менее Бонапарт хотел удержать Египет под властью Франции и перед отъездом не преминул напомнить Клеберу о ценности для нее этой колонии: «Никто лучше Вас не знает, генерал, насколько владение Египтом важно для Франции. Империя турок, во всех отношениях пребывающая в упадке, сейчас рассыпается. Эвакуация из Египта стала бы для Франции тем большей бедой, что мы вскоре увидели бы эту прекрасную провинцию в руках других европейцев»⁵.

Несмотря на то что генерал Клебер также понимал значимость Египта для Франции, о чем писал Директории 16 вандемьера VIII года (7 октября 1799 г.)⁶, он в том же послании сообщал об испытываемых армией тяготах, об усталости подчиненных, о болезнях, связанных с неблагоприятным климатом, и о неприятии завоевателей местным населением: «Люди взволнованы и, несмотря на все то, что мы могли бы сделать для страны, они в нас видят только врагов своей

¹ *Napoleon Bonaparte. Correspondence générale. Vol. 2. P. 279–280.*

² *Ibid.* P. 195.

³ *Ibid.*

⁴ *Copies of original letters... V. 3. P. 11.*

⁵ *Ibid.* P. 9–10.

⁶ *Ibid.* P. 28–37.

собственности». Также генерал заявлял, что Османская империя не смирится с потерей своих владений и будет сражаться за их возвращение.

Ж.-Б. Пуссельг, управляющий финансами Восточной армии, в письме Директории от 1 вандемьера VIII года (22 сентября 1799 г.) отмечает, что образ Египта как богатой страны был ранее создан путешественниками по Востоку и французскими шпионами в Египте, однако объявляет их сведения преувеличенными и недостоверными¹. В подробном расчете финансовых доходов от Египта Пуссельг выделяет множество факторов, которые затрудняют получение прибыли, в том числе – нежелание местного населения оплачивать дорогую военную кампанию французов: «Серебро христиан почти израсходовано; а у турок [мусульман] мы не можем его истребовать, поскольку это вызовет мятеж... Турки... скорее позволят взять себя под стражу или избить, а некоторые – даже отрубить себе голову, чем отдадут свои богатства»². Красочно описывается и то, как местные жители бегут от отрядов французов, пришедших за сбором денег. Иными словами, ни о каком доброжелательном отношении местного населения к завоевателям и тем более добровольной финансовой помощи им, как это описывалось в *Courrier de l'Égypte*, речи не шло. Отмечая усталость и истощение солдат, их болезни, вызванные климатом и тяготами пути, Пуссельг подчеркивает, что обстоятельства сложились для французов не лучшим образом, хотя в целом Египет – прекрасная страна³.

Многие участники экспедиции, как военные, так и ученые, на заре экспедиции также были полны энтузиазма и увлечены идеей тех преимуществ, что получит Франция от завоевания Египта. Хотя, находясь в Италии, солдаты не знали еще, куда направятся, тем не менее, по свидетельству генерала Ш. Морана, уже тогда в армии царило приподнятое настроение: «Цель нашей экспедиции еще была скрыта покровом тайны, но любовь к переменам и необычным предприятиям вызывала у всех шумное оживление»⁴. По его же словам, после известия о том, что солдаты отправляются на Восток, генерал Л. Дезе собрал в библиотеке «все книги и брошюры о Египте, Сирии и Персии»⁵. Сам Моран отмечает, что план экспедиции казался «не-

¹ Ibid. Vol. 3. P. 100–121.

² Ibid. P. 105–106.

³ Ibid. P. 115.

⁴ *Morand Ch. Lettres sur l'expédition d'Égypte: de l'Italie à la prise du Caire; suivies de son Carnet de route de chef de brigade: de Rome à Assouan. 1798–1799 / ed. par le comte Morand. P., 1998. P. 3.*

⁵ Ibid. P. 4.

сбыточным, тем, кто знал, что для того, чтобы прибыть в Индию по земле, нужно пересечь необъятные жаркие, бесплодные страны, населенные свирепыми людьми»¹. Однако, как следует из большинства писем и дневников, подобный образ Востока рисовали себе лишь немногие, основная же масса людей либо вообще не представляла, куда направляется, либо находилась под очарованием образа потенциальной богатой колонии и пропаганды Бонапарта. Так, во фразе интенданта Жобера, писавшего из Александрии своему брату, отчетливо слышен отголосок книг Савари и Вольнея: «Вот такова эта страна, столь богатая изнутри, и которая под управлением просвещенного правительства сможет увидеть возрожденными века Александра и Птолемеев»². Некто Ле Пер сообщает жене из Александрии, что после пересечения Нила и вступления в Дельту, французы найдут там край, «богатый сельскохозяйственными культурами и изобилующий всеми видами продовольствия»³. Некто Буае пишет своим родителям уже из Каира: «Несмотря на все ужасы и беды, которые мы здесь переносим, несчастья, которые терпит армия, я признаю, тем не менее, что это – наиболее подходящая страна, способная стать для Франции колонией, приносящей неисчислимые выгоды, для чего, однако, нужны время и люди. Я догадываюсь, что не солдаты основывают колонии – не наши уж точно»⁴. Тот же Жобер оптимистично ссылается на опыт Александра Македонского: «Завоевание увеличивает количество ресурсов, но большую часть таковых извлечь удастся некоторое время спустя. Александр все сделал за один год»⁵. Архитектор Норри видел в Египте огромный потенциал, отмечая, что страна богата колониальными товарами, станет «источником богатства для Франции и Италии» и сможет заменить Антильские острова⁶.

¹ *Morand Ch.* Lettres sur l'expédition d'Égypte: de l'Italie à la prise du Caire; suivies de son Carnet de route de chef de brigade: de Rome à Assouan. 1798–1799. P. 5.

² Жобер – Жоберу. 20 мессидора VI года (8 июля 1798) // *Copies of original letters...* Vol. 1. P. 15.

³ Ле Пер – жене. 13 термидора VI года (31 июля 1798) // *Ibid.* Vol. 2. P. 84.

⁴ Буае – родителям. 10 термидора VI года (28 июля 1798) // *Copies of original letters...* Vol. 1. P. 145.

⁵ Жобер – генералу Брюи. 21 мессидора VI года. (9 июля 1798) // *Ibid.* P. 26.

⁶ *Norry Ch.* Relation de l'expédition d'Égypte, suivie de la description de plusieurs des monumens de cette contrée, et ornée de figures. P., an VII (1798–1799). P. 17–18. Революция в сан-Доминго, начавшая в 1791 г., нанесла большой урон французской международной торговле колониальными товарами.

Однако во время похода по стране, испытывая тяготы пути в непривычном климате и трудности пребывания в чуждой культурной среде, участники экспедиции все более переполнялись чувствами разочарования в Египте. Письма и дневники солдат Восточной армии исполнены жалоб на тяжесть пребывания здесь и пожеланий скорее вернуться домой. Невзгоды экспедиции в большинстве случаев перевешивали осознание важности покорения Востока. Так, адъютант генерала Бертье Ле Тюрк пишет отцу: «Я не скрываю, что для меня, уже бывалого солдата, большая честь совершить путешествие столь важное и поучительное, но, зная теперь, что из себя представляет страна, и зная обо всех лишениях, что мы здесь терпим, я не уверен, что, если бы пришлось отправиться вновь в подобное путешествие, я бы принял в нем участие»¹.

Таким образом, позитивный изначально настрой части участников похода по мере продвижения по Египту сменялся пессимизмом. Шок от столкновения с египетской действительностью оказался весьма болезненным для завоевателей. В письме к дяде офицер Лакюе пишет: «Египет совсем не похож на то, о чем говорили наши писатели. Его почва плодородна, но ее не так много. Сама природа велит возделывать эту землю, которая, однако, пуста и практически не обработана»². Ученый Ж. Проспер прямо указывает на то, какое негодование вызывало «беспомощное состояние, в котором оказалась масса молодых людей, которых оторвали от родины, от родителей и друзей и которым пообещали чудеса в решетке»³. Зоолог Жоффруа Сент-Илер также сообщает о полном несоответствии образа Востока, представленного в книге Савари, и увиденной реальности: «Как же были разочарованы те, кто ожидал найти здесь радости столицы Франции! Они судили по сочинению Савари, изобраа-

Как пишет американская исследовательница М. Кросби-Арнольд, «очевидно, что путь французского реэкспорта сахара, кофе и индиго до 1790 г. – это путь французской армии с 1792 по 1812 г.», поэтому не удивительно, какое значение придавалась Египту как колонии, богатой различными товарами. Подробнее о французской реэкспортной торговле см.: *Кросби-Арнольд М. Б. Была ли война 1812 г. связана с экономикой? О причинах похода Наполеона на Россию // Французский ежегодник 2013: «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память. М., 2013. С. 33–60.*

¹ Ле Тюрк – отцу. 10 термидора VI года (28 июля 1798) // *Copies of original letters...* Vol. 1. P. 123.

² Лакюе – дяде. 27 термидора VI года (14 августа 1798) // *Copies of original letters...* Vol. 2. P. 125.

³ *Jollois J.-B.-P. Journal d'un ingénieur attaché à l'expédition d'Égypte, 1798–1802 // publ. par P. Lefèvre-Pontalis. Paris, 1904. P. 43.*

жившего Египет чарующим раем, а обнаружили, что во всем был прав Вольней»¹. Неизвестный, в одном из писем, перехваченном англичанами, отмечает: «Савари обманул нас. Здесь не та прекрасная страна, где дует ветерок, не та благоухающая роса, которую вдыхают по утрам. Это страна нищеты»². Те же мысли встречаются в письме участника экспедиции Гире³. Капитан Рози в письме своему другу Гриве высказывается максимально откровенно: «Мы находимся в стране, которая никому до смерти не нравится. Если бы армия знала это до отправления из Франции, никто бы из нас не сел на корабль, и предпочел бы миллион раз смерть, чем невзгоды, выпавшие на нашу долю. Всюду нас окружают враги: сзади, спереди и с флангов. Прямо как в Вандее!»⁴ Бригадный генерал Ф. Э. Дама также упоминает о Вандее, считая, однако, войну в Египте еще более разрушительной⁵.

Египет оказался для участников экспедиции миром, не похожим как на привычный им, так и на тот, который они рисовали в своем воображении. Эту разницу хорошо показал Моран в письме другу: «Египет – страна, о которой невозможно получить представление, не увидев ее и не пройдя насквозь, поскольку здесь нет ничего общего с Европой. Жители, население, обычаи и нравы, почва, воздух, раскаленный от жары и пронизанный светом, – все нам чуждо. Наконец, мы не находим в этой стране ни одного из привычных для нас чувств. Самый удачливый путешественник и самый лучший писатель не способны передать европейцу то, что они увидели и испытали здесь»⁶. Моран отмечает, что изумление солдат от увиденного было столь велико и столь диссонировало с сочинением Савари, что они буквально стали проклинать последнего. О радикальном отличии Египта от Европы говорит и некто Пистр в письме родственнику: «После поверхностного очерка о Египте, что я тебе написал, ты можешь себе представить, что армия крайне недовольна этой экспедицией в страну, где нравы, пища и жара не имеют ничего общего с нашим образом жизни в Европе»⁷. Художник Виван Денон также пи-

¹ Жоффруа Сент-Илер – А.-Л. де Жюсье // *Geoffroy Saint-Hilaire É. Lettres écrites d'Égypte à Cuvier, Jussieu, Lacépède, Monge, Desgenettes, Redouté jeune, Norry, etc., aux professeurs du Muséum et à sa famille* / publ. par le Dr. E.-T. Hamy. P., 1901. P. 66.

² Copies of original letters... V. 2. P. 32.

³ Гире – Рамси. 10 термидора VI года (28 июля 1798) // Ibid. P. 58.

⁴ Рози – Гриве. 23 фрюктидора VI года (9 сентября 1798) // Ibid. P. 213.

⁵ Дама – Клеберу. 9 термидора VI года (27 июля 1798) // Ibid. V. 1. P. 74.

⁶ *Morand Ch.* Op. cit. P. 49.

⁷ Copies of original letters... V. 2. P. 46.

шет про резкое, бросающееся в глаза различие Востока и Европы, вспоминая описание Вольнеем первых впечатлений от страны и разделяя их, и отмечает, что «в этом протяженном городе [Александрии], столь меланхоличном, о Европе и ее оживлении мне напоминали только воробьи»¹. Генерал Моран подчеркивает, что подобной кампании у французов еще не было: «Никогда, мой друг, я не смог бы вам описать более ужасной страны из всех тех, что мы завоевывали. Никогда я не мог бы вам передать, как мы страдали с первых же мгновений после высадки здесь»².

Климат и природа Египта, связанные с ними трудности переходов, красочно описываются почти во всех дневниках и письмах: «Наш путь был очень труден, под знойным небом, через пески и бесплодные пустыни, зачастую без воды и хлеба»³; «Облик страны, которую мы пересекаем, ужасен: это равнина с песками, без травы и кустарников...»⁴; «Чрезмерная жара вызывает обильное потоотделение и невыносимую жажду...»⁵; «Кампания, которую мы только что провели, без сомнения, самая мучительная из всех, которые когда-либо совершали французы – наши переходы через пустыни под огненным небом, через обжигающие пески, по пять дней без воды, по пятнадцать без хлеба, по три месяца без вина, без остановок на бивуак»⁶.

Ко всему прочему, солдаты зачастую питались одними лишь арбузами и вынуждены были пить воду из Нила, не могли купить себе еды, так как им подолгу не платили жалование. Как сообщает в одном из писем портной Бернуае, Бонапарт просил солдат перетерпеть трудности пути до Каира, потому как там они получают много хлеба. На это солдаты, по словам портного, вполне могли бы ему ответить: «Совсем не обязательно было отправлять нас в Африку искать того, чего и в Европе имеется в изобилии»⁷. Родные просторы Европы казались французам намного плодороднее. Неизвестный в послании своей возлюбленной пишет: «Эта страна, столь восхваляемая, не за-

¹ *Denon V. Voyages dans la basse et la haute Égypte, pendant les campagnes du général Bonaparte en 1798 et 1799. L., 1817. P. 27.*

² *Morand Ch. Op. cit. P. 46.*

³ Д. – генералу Бурновиллю. 8 термидора VI года (26 июля 1798) // *Copies of original letters... Vol. 1. P. 54.*

⁴ *Morand Ch. Op. cit. P. 85.*

⁵ *Ibid. P. 47.*

⁶ Лакюе – дяде. 27 термидора (14 августа) // *Copies of original letters... Vol. 2. P. 124.*

⁷ Бернуае – жене. 4 термидора VI года (22 июля 1798) // *Bernoyer F. Op. cit. P. 54.*

служивает своей репутации. Самое дикое и глухое место во Франции намного лучше»¹.

Кроме того, участники экспедиции страдали от блох, москитов и скорпионов². Неоднократно в их корреспонденции и дневниках встречаются описания такого необычного для французов явления, как мираж³. Постоянно в письмах и дневниках упоминаются вызванные климатом глазные болезни⁴. Конечно, солдаты описывают благодатную природу Дельты, особенно область Рашида (Розетты), но, в целом, климат Египта оказался для участников экспедиции крайне тяжелым. В дневниках и письмах встречается множество упоминаний о самоубийствах солдат, не выдержавших трудностей кампании⁵.

Разумеется, все эти тяготы и разочарования не могли не вызвать у участников похода ненависть к столь негостеприимной земле и острое желание вернуться домой. Египет в письмах и дневниках характеризуется как «проклятая» страна⁶, отмечается, что даже генералы мечтают уехать отсюда⁷. Недовольство испытывали не только солдаты, но и ученые. Так, зоолог Жоффруа Сент-Илер пишет другу: «Я никогда так страстно не желал вернуться к моим друзьям, как сейчас... До сих пор я старался бодриться даже через силу, хотя все

¹ Copies of original letters... Vol. 1. P. 105. О том же писал и Моран: *Morand Ch.* Op. cit. P. 47.

² *Jollois J.-B.-P.* Op. cit. P. 50; *De Villiers du Terrage É.* Journal et souvenirs sur l'expédition d'Égypte. 1798–1801 / publ. par M. de Villiers du Terrage. P., 1899. P. 48; *Journal du canonnier Bricard (1792–1802)* // publ. par A. & J. Bricard. P., 1891. P. 314.

³ *Vigo-Roussillon F.* Journal de campagne: 1793–1837. Paris, 1981. P. 63; Бернауэ – жене. 4 термидора VI года (22 июля 1798) // *Bernoier F.* Avec Bonaparte en Égypte et en Syrie: 1798–1800. 19 lettres inédites // pr. par Ch. Tortel. P., 1981. P. 51; *Morand Ch.* Op. cit. P. 47; *Denon V.* Op. cit. P. 122.

⁴ *De La Jonquière C.* L'Expédition d'Égypte (1798–1801) / nov. éd. par J. Garnier. P., 2003. Vol. 3. P. 344; *Vigo-Roussillon F.* Op. cit. P. 72; *Geoffroy Saint-Hilaire É.* Op. cit. P. 191; *Journal d'un dragon d'Égypte (14e Dragons).* Notes recueillies par C^t. M.*** P., 1899. P. 17; *Denon V.* Op. cit. P. 342.

⁵ Розе – Гриве. 23 фрюктидора VI года (9 сентября 1798) // Copies of original letters... Vol. 2. P. 215; *Journal du capitaine François (dit le Dromadaire d'Égypte), 1792–1830* / pr. par J. Jourquin. P., 2003. P. 210; Буае – родителям. 10 термидора VI года (28 июля 1798) // Copies of original letters... Vol. 1. P. 143–144.

⁶ А. Декорче – жене. 12 фрюктидора VI года (29 августа 1798) // *Ibid.* Vol. 2. P. 183.

⁷ Буае – главнокомандующему армии Англии. 10 термидора VI года (28 июля 1798) // *Ibid.* Vol. 1. P. 130.

вокруг предались отчаянию... Египет для меня невыносим»¹. Стремление вернуться на родину звучит лейтмотивом в большинстве писем и дневников на протяжении всей кампании. Как видно из сочинения Догеро, солдаты с нетерпением ждали этого и во время Сирийской кампании², и, особенно, после заключения эль-Аришского соглашения³, и в период командования Мену⁴. Даже в дневнике неизвестного драгуна 14-го полка, который был настроен очень патриотично, прослеживается разочарование как в Египте, так и в самой кампании по завоеванию страны. В начале похода он утверждал, что «Египет станет французским, несмотря на все усилия англичан помешать этому, и я без труда привыкаю к идее обитания в этой стране, столь далекой от нашей дорогой родины»⁵ и осуждал тех офицеров, кто, несмотря на прекрасное самочувствие, требовали отъезда во Францию: «Поведение этих военных презренно. Я не понимаю, как можно отважиться покинуть свой пост в подобных условиях»⁶. После отъезда Бонапарта из Египта драгун уже сообщает о плачевном состоянии и в том числе моральном разложении армии, покинутой главнокомандующим⁷, а в конце кампании в феврале 1801 г. вообще с горечью восклицает: «Кажется, будто Республика нас позабыла в этих далеких краях», «я не могу оставить надежду вернуться в свою страну»⁸.

На страницах писем и дневников зачастую встречаются обвинения в адрес правительства и военного командования в том, что солдаты втянули в эту авантюру. Портной Бернуае сообщает возлюбленной: «Боюсь, описывая тебе подробности событий этого проклятого путешествия, подвергнуть слишком большому испытанию твою чувствительность. Я увидел, правда, слишком поздно, что нас принесли в жертву ради исполнения ребяческих мечтаний нескольких взбалмошных персон, удовлетворяющих собственные непомерные амбиции»⁹.

¹ Сент Илер – Ж. Кювье // *Geoffroy Saint-Hilaire É.* Op. cit. P. 152.

² *Doguereau J.-P.* Journal de l'expédition d'Égypte / ed. par C. de La Jonquière. P., 1997. P. 137.

³ Ibid. P. 148.

⁴ Ibid. P. 194.

⁵ Journal d'un dragon d'Égypte... P. 27.

⁶ Ibid. P. 47.

⁷ Ibid. P. 122.

⁸ Ibid. P. 145.

⁹ Бернуае – жене. 4 термидора VI года (22 июля 1798) // *Bernoyer F.* Op. cit. P. 50.

Не только непривычный климат и природа создавали трудности французам – не меньшим испытанием для них стало отношение местного населения. Уже упомянутый выше Пистр пишет: «Я задаю вопрос самому себе, как правительство Франции пошло на подобное предприятие и подвергло опасности армию в сорок тысяч человек, отправив ее подчинять столь свирепых и столь темных людей»¹.

Несмотря на заверения наполеоновской пропаганды на страницах *Courrier de l'Égypte* в преданности и благодарности местного населения французам, источники личного происхождения показывают иную картину. С первых дней вторжения оккупанты столкнулись с противодействием египтян. Неизвестный пишет своей возлюбленной: «Мы встречаем везде сильное сопротивление и еще большее предательство. Для француза в одиночку невозможно пройти через населенный пункт расстояние даже в один мушкетный выстрел, не рискуя быть убитым или стать жертвой ужасающей страсти, которая распространена в этой стране, особенно среди мамлюков и арабов-бедуинов»². Контр-адмирал Перре также сообщает другу о подстерегающей везде французов опасности: «Я тебя уверяю, если б эти люди [крестьяне] умели стрелять, мы бы уже были убиты»³. Капитан Ге в письме родителям пишет об упорстве сопротивления местного населения: «Представьте себе, что нам пришлось сражаться с варварами, которые не знают правил войны и, как следствие, используют всю возможную жестокость против несчастных французов, оказавшихся в их руках: одним они отрезают уши, другим носы, третьим – головы и делают другие вещи, о многих из которых я помню и холодею при мысли о них»⁴.

Не только стычки с племенами бедуинов и с мамлюками досаждали французам, но и враждебное отношение жителей городов и деревень. Догеро в своем дневнике отмечает, что крестьяне не хотели давать французам ни воду, ни еду даже за деньги: «Мы не смогли испить воды из болотца, находившегося неподалеку от деревни и имевшего трупный запах. Местные жители не хотели даже за золото нас туда отвести. Они нам казались настолько подозрительными, что мы даже направили пушки на их жилища, чтобы их припугнуть»⁵; «Там, как и в других деревнях, которые мы проходили, мы могли достать пропитание только угрозой кары и за деньги. Но население

¹ Пистр – Пистру. 29 термидора VI года (16 августа 1789) // *Copies of original letters...* Vol. 2. P. 145.

² *Ibid.* Vol. 1. P. 105.

³ Адмирал Перре – другу Ле Жоиллю // *Ibid.* P. 116.

⁴ Ге – родителям. 9 термидора VI года (27 июля 1798) // *Ibid.* Vol. 2. P. 46.

⁵ *Doguereau, J.-P.* Op. cit. P. 15.

пренебрегало нашими деньгами... они были злобными и убивали французов, если те шли поодиночке»¹. Часто в дневниках упоминается о массовом бегстве крестьян, с семьями, скотом и продовольствием при приближении французских войск, о чем писал Пуссельг в отчете Директории².

Немусульманское население относилось к французам в целом более доброжелательно и сотрудничало с ними активнее. Впрочем, и мусульманам приходилось так или иначе взаимодействовать с завоевателями, потому как они прекрасно знали, что сопротивление чревато расправой: в своих прокламациях Бонапарт прямо предупреждал об этом. Первая же прокламация содержала следующие слова: «Да будут дважды благословлены те жители Египта, которые перейдут на нашу сторону, – их положение улучшится, и они повысятся в чинах. Да будут благословлены также те, кто останутся у себя дома и не присоединятся ни к одной из воюющих сторон. Когда они нас узнают лучше, они поспешат стать на нашу сторону от всего сердца. Но горе, горе тем, которые станут на сторону мамлюков и будут сражаться против нас. Не найдут они после этого пути к спасению и бесследно исчезнут»³.

Французы заключали мирные соглашения с отдельными племенами бедуинов, организовывали в населенных пунктах администрацию с участием местных жителей. В то же время французское командование предписывало солдатам уважать традиции страны. В дневниках нередко встречаются упоминания и о том, что жители того или иного населенного пункта хорошо отнеслись к французам, и это действительно могло иметь место⁴. Тем не менее основным стимулом для египтян, если не дружить с французами, то хотябы сохранять нейтралитет, была не благодарность «освободителям», как утверждала наполеоновская пропаганда, а страх. В воздухе постоянно витала враждебность. Восстания против оккупантов, когда ненависть ока-

¹ Ibid. P. 17.

² Бернуае – жене. 4 термидора VI года (22 июля 1798) // *Bernoier F.* Op. cit. P. 52; *Journal du canonier Bricard...* P. 333; *Vigo-Roussillon F.* Op. cit. P. 78; и др.

³ *Аль-Джабарти.* Указ. соч. С. 55–56.

⁴ См., например: *Journal du capitaine François...* P. 381; *De Villiers du Terrage É.* Op. cit. P. 51, 52; *Morand Ch.* Op. cit. P. 74; *De La Jonquière C.* Op. cit. Vol. 2. P. 109, 124–125, 131 и т. д. Некий драгун 14 полка вообще нередко подчеркивал благодарность и любовь местного населения к французам в духе официальной пропаганды, хотя и в его дневнике упоминается о сильном сопротивлении оккупантам – выступавших против французов жителей Египта он считал неблагоприятными фанатиками. См.: *Journal d'un dragon d'Égypte...*

зывалась сильнее страха, свидетельствовали об этом, поэтому и сами участники экспедиции не строили иллюзий по поводу подлинного отношения к себе египтян. Так, Догеро писал, что во время похода из Каира в Александрию жители местечка эль-Менаир «отнеслись с большим почтением к нам, что не является обычным обращением этих господ с заблудившимися путниками»¹. Портной Бернуае отмечает, как изменилось настроение населения после взятия французами Каира: «За последние несколько дней я заметил изменения в отношении туток (здесь – мусульман. – Е. П.) к нам. Та почтительность, которую они нам выказали после нашего прибытия, резко сменилась определенным тоном дерзости и презрения, что, мне кажется, ничего хорошего нам не предвещает»². Артиллерист Брикар отмечает, что местные жители в Александрии во время Сирийской кампании открыто передавали друг другу слух о том, что скоро в Египте не останется ни одного француза³. Капитан Франсуа пишет, что во время второго восстания в Каире ярость египтян против оккупантов достигла пика⁴. Догеро отмечает, что после подавления второго восстания и возвращения французов в Каир, горожане были безутешны из-за высокой контрибуции, однако «они никогда не были нам так покорны, и французы до этого времени еще не были властителями всего Египта»⁵. Таким образом, солдаты прекрасно осознавали враждебность большей части местного населения к ним и не строили иллюзий относительно методов, коими удавалось добиться его лояльности.

Свидетельства того, что именно страх удерживал местное население от стычек с французами, встречается и у ученых. Так, инженер Жоллуа отмечает, что, когда кавалькада французов отправилась к пирамидам, египтяне вышли из домов, однако не тревожили французов и были покорны, потому что боялись их⁶.

Примечательно, что если в описании устраиваемых французами праздников в *Courrier de l'Égypte* всячески подчеркивалось участие в них местного населения и их поддержка французской армии⁷, то в источниках личного происхождения участники экспедиции выражали и другое мнение. Так, Бернуае пишет: «Абсурдно думать, что

¹ Doguereau J.-P. Op. cit. P. 48.

² Бернуае – жене. Без даты // Bernoyer F. Op. cit. P. 52; Journal du canonnier Bricard... P. 87.

³ Journal du capitaine François... P. 360.

⁴ Ibid. P. 374.

⁵ Doguereau J.-P. Op. cit. P. 151.

⁶ Jollois J.-B.-P. Op. cit. P. 79.

⁷ См. глава 2.

египтяне, приглашенные на наш праздник, полностью разделяют нашу безудержную радость! Несмотря на все их попытки скрыть свой настрой, мы без труда замечали печальные последствия того ужасного наказания, которому их подверг Бонапарт за восстание. Тем не менее они пытались выказать хорошее настроение и старались выглядеть такими, какими они не были – радостными и улыбочивыми»¹. Что же касается праздников не французских, а мусульманских, которые устраивало высшее командование, то цель этих торжеств – добиться подчинения местного населения – также не ускользала от участников похода. Если газеты писали о единении французов и жителей Египта во время торжеств, то Брикар отмечает, что пока французы из политических соображений отмечали мусульманские праздники, «войска оставались под ружьем, а артиллеристы стояли на своих местах, чтобы предупредить любое восстание»².

Подводя итог, можно сказать, что Восток, который увидели участники экспедиции, отличался от того образа, который создавала пресса Восточной армии, а также от того, с которым они могли познакомиться по книге Савари. Сочинение Вольнея им казалось более реалистичным, однако мнение обоих авторов о потенциальном богатстве Египта изнуренные походом солдаты не всегда могли разделить. Жаркий климат, дефицит продовольствия и враждебность местного населения противоречили описаниям в *Courrier de l'Égypte* и *Décade Égyptienne* благодатной страны и благодарного населения.

Этнический состав населения

В корреспонденции и дневниках участников египетской экспедиции не представлено общей этноконфессиональной картины Египта, как то было в сочинениях Савари и Вольнея. Всех жителей Египта, говоря о мирном населении, в основном городском (для обозначения крестьян зачастую используют термин «феллах»), французы называют, как правило, «турками» (реже – «египтянами»), что в ту эпоху было синонимом слова «мусульманин». Османов, пришедших под руководством великого визиря отвоевывать Египет, участники экспедиции именуют также «турками» (turks), либо «османами» (osmanlis). Французы описывают различные арабские племена, с которыми они либо воевали, либо заключали союзы. Очевидно, что участники экспедиции представляли себе примерную историю мам-

¹ Бернуае – жене. Без даты // *Bernoyer F.* Op. cit. P. 52; *Journal du canonnier Bricard...* P. 80.

² *Journal du capitaine François...* P. 355.

люков и знали о том, что те этнически чужды жителям Египта¹. Также в дневниках и письмах упоминается о коптах, греках, иудеях и магрибинцах.

Те группы населения, с которыми французы чаще всего взаимодействовали, они описывали более подробно, выделяя присущие им черты или приписывая им таковые.

Бедуины изображаются в источниках личного происхождения обычно как свирепые и беспощадные люди. Брикар пишет о них: «Многие из тех, кто был захвачен в плен этими злодеями, имели счастье сбежать и вернулись в Александрию в ужасающем состоянии, до этого в течение многих дней удовлетворяя жестокую страсть этих монстров»². Моран также называет их «свирепыми бедуинами» и описывает их жестокость по отношению к французским пленникам³. Участники экспедиции отмечают вероломство и алчность, присущие племенам: Догеро возмущается, что они исподтишка нападают на солдат⁴ и что их единственной целью является грабеж⁵, Брикар отмечает, что их жертвами становятся даже безоружные солдаты⁶. Капитан Рози пишет: они – «звери, которые грабят свой народ так же, как иностранцев»⁷. Пистр называет их «разбойниками на лошадях, привыкшими жить грабежом и перерезать глотки тем, кто, истощенный жаждой и усталостью, не может следовать за колонной»⁸.

Помимо вероломства бедуинов, оккупантов также поражало, что те не соблюдали «правил войны» и их действия отличались от привычных для французов. Так, Рози, называя арабов, мамлюков и бедуинов наиболее варварскими народами, пишет о первых: «В первые дни они не брали пленных. Когда генерал Бонапарт увидел это, он отправил им манифест на их языке, чтобы сообщить, что, если они будут убивать пленников, то это навлечет на них наше мщение. Несмотря на это, они продолжали поступать в том же духе»⁹.

¹ Подробная информация о мамлюках приводится, например, в дневнике Франсуа: *Journal du capitaine François...* P. 224–225, а также у Буае: Буае – родителям. 10 термидора VI года (28 июля 1798) // *Copies of original letters...* Vol. 1. P. 138–139.

² *Journal du canonnier Bricard...* P. 315.

³ *Morand Ch.* Op. cit. P. 42–43.

⁴ *Doguereau J.-P.* Op. cit. P. 16–17.

⁵ *Ibid.* P. 51.

⁶ *Journal du capitaine François...* P. 329.

⁷ Рози – Гриве. 23 фрюктидора VI года (9 сентября 1798) // *Copies of original letters...* Vol. 2. P. 214.

⁸ Пистр – Пистру. 29 термидора VI года (16 августа 1798) // *Ibid.* P. 145.

⁹ Рози – брату. 4 вандемьера VII года (25 сентября 1798) // *Ibid.* P. 223.

Капитан Рози отмечает, что племена бедуинов ведут кочевой образ жизни, живя в палатках, и постоянно перемещаются с места на место со всем своим скарбом¹. Капитан-адъютант Шеши пишет, что «арабы напоминают древних скифов... эти бедуины разделены на племена, которые зачастую воюют друг с другом. Они очень грозны, никогда не смешиваются с иными народами, и не хотят отказываться от своих привычек и образа жизни – и в этом основная причина их силы»². Он же довольно подробно описывает их внешность, образ жизни и обычаи. Необычный и устрашающий внешний вид бедуинов, их суровое поведение настолько поразили французов, что большинство участников экспедиции связывало такое поведение с варварством, считая кочевников дикарями. Наиболее эмоционально эта мысль выражена у Брикара: «Эти дикие существа [бедуины] вызывают ужас. Их варварский наряд и облик, вкупе с преступлениями, которые они совершают каждый день, заставляют саму природу содрогнуться от ужаса. Они более устрашающи, чем [оседлые] арабы; их черные блуждающие фигуры напоминают чудовищ»³. По мнению французов, племена бедуинов настолько дики, что сама возможность их приобщения к культуре вызывает сомнение. Так, Лакюе пишет дяде, что арабов «будет труднее цивилизовать, чем нас вернуть в дикое состояние»⁴. Генерал Бельяр в своем дневнике отмечает, что «Бонапарт окажет большую услугу Египту, если ему удастся или цивилизовать их, или истребить»⁵. В то же время Рози высказывает надежду, что французам удастся усмирить племена арабов: «Султан (le Grand Turc), их заклятый враг, так и не смог их побороть. Это должны сделать французы. Они [бедуины] совершенно не страшатся нашей кавалерии... они боятся только пушек... у них нет пушек, но, если бы были, никто бы не смог их победить»⁶. Виван Денон также пишет о том, что французам нечего предложить воинственным бедуинам, привыкшим к независимости и охоте за добычей с ранних лет. Тем не менее он не считает их жестокими варварами: по словам художника, попавшие в плен к бедуинам французы страдали не от суровости или плохого обращения бедуинов, а от трудностей и непри-

¹ Рози – Гриве. 23 фрюктидора VI года (9 сентября 1798) // Ibid. P. 214.

² Шеши – М. Дульсе. 19 мессидора (7 июля) // Ibid. P. 13.

³ Journal du canonnier Bricard... P. 325.

⁴ Лакюе – дяде. 27 термидора (14 августа) // Copies of original letters... Vol. 2. P. 125.

⁵ De La Jonquière C. Op. cit. Vol. 2. P. 59–60.

⁶ Рози – Гриве. 23 фрюктидора VI года (9 сентября 1798) // Copies of original letters... Vol. 2. P. 214.

вычности их кочевого аскетичного образа жизни¹. Более того, Виван Денон называет бедуинов толерантными, поскольку те свободны от «предрассудков религии»² и даже описывает их традицию гостеприимства – по его словам, вождь бедуинского племени, в плену которого находился один французский офицер, разделил с тем в трудный момент свой единственный кусок хлеба. Впечатленный этим рассказом художник, восклицает: «Как можно ненавидеть этот народ, каким бы диким он ни был? Их сдержанность имеет преимущество перед нами, создавшими самим себе разные потребности»³.

Что касается мамлюков, то, в отличие от *Courier de l'Égypte*, где они изображались исключительно в уничижительном виде, в своих письмах и дневниках французы отмечают их красоту⁴, мужество и храбрость⁵ и даже называют «лучшей кавалерией мира»⁶. Однако обладавшие более совершенной военной организацией французы осознавали свое превосходство в бою, объясняя в письмах и дневниках, почему мамлюки все время им проигрывали. Так, Лакюе считает, что «у мамлюков есть только отвага, мы же компетентны и дисциплинированы»⁷; врач Деженет полагает, что мамлюки «ничего не могут противопоставить [французской] армии, кроме слепой отваги»⁸. Буае констатирует, что мамлюки не имеют представлений о тактике⁹, а Догеро – что мамлюки удивились тому, что французы сражались в строю¹⁰. Если мамлюкам, приученным вести бой один на один с противником, было непривычно видеть французов, совершающих четкие и слаженные маневры в строю¹¹, то французам было

¹ Denon V. Op. cit. P. 48–49.

² Ibid. P. 50.

³ Ibid.

⁴ De La Jonquière C. Op. cit. Vol. 2. P. 372–375; Morand Ch. Op. cit. P. 58.

⁵ Лакюе – дяде. 27 термидора (14 августа) // Copies of original letters... Vol. 2. P. 124; А. Декорче – жене. 12 фрюктидора VI года (20 августа 1798) // Ibid. P. 186; Journal du capitaine François... P. 319.

⁶ Бернуае – жене. Без даты // Bernoyer F. Op. cit. P. 60; Vigo-Roussillon F. Op. cit. P. 65.

⁷ Лакюе – дяде. 27 термидора (14 августа) // Copies of original letters... Vol. 2. P. 124.

⁸ Деженетт – жене. 9 термидора VI года (27 июля 1798) // Ibid. Vol. 1. P. 99.

⁹ Буае – главнокомандующему армии Англии. 10 термидора VI года (28 июля 1798 г.) // Copies of original letters... Vol. 1. P. 128.

¹⁰ Doguereau J.-P. Op. cit. P. 19.

¹¹ Капитан Франсуа отмечал, что Клебер после второго взятия Каира показывал союзным беям, какими маневрами владеют французы, и объяснял

удивительно получить от мамлюков вызов на поединок. Полковник Виго-Руссильон описывает случай, когда мамлюк по-итальянски крикнул французам: «Если среди французов есть смелый, то я его жду»¹. Однако для французов ответить на такой вызов было столь же странно, как для мамлюка – не принять его.

Французы отмечают богатство одежд мамлюков², их склонность ко всему красивому – оружию, женщинам и лошадям³. По свидетельству Виван Денона, солдаты рассказывали о белом верблюде Мурадбея, груженном золотом и бриллиантами⁴. Однако, как пишет в донесении Директории Бонапарт, вся роскошь мамлюков заключается только в лошадях и оружии, дома же их бедны, как и весь Египет⁵. Тем не менее стереотип о восточном богатстве был распространен среди французов, которые ждали воочию увидеть роскошь мамлюкских беев.

Отсутствие тактики при ведении боевых действий отмечают французы и у других своих противников – османов. Франсуа подчеркивает, что они сражаются, «согласно их обычаю», беспорядочно, издавая в бою ужасные крики⁶, и отмечает их самонадеянность и уверенность в своей силе перед битвой у Гелиополиса⁷, которые, тем не менее, не помогли им победить. Вообще же, османы в источниках личного происхождения изображаются как люди свирепые и вероломные. Тот же Франсуа утверждает, что у них существует «варварский обычай отрубать головы своим противникам, поскольку им платят определенную цену за каждую из них»⁸. Брикар пишет, что в одном из сражений «турки» повели себя вероломно – пустили впереди себя женщин в надежде на то, что французы забудут о своем долге ради обладания этими женщинами⁹. Он же сообщает, что жители Каира с ужасом смотрели на этих «монстров», овладевших городом

им, что даже при маленьком количестве войск можно победить, используя тактику и эти маневры. *Journal du capitaine François...* P. 379–380.

¹ *Vigo-Roussillon F.* Op. cit. P. 65.

² Бернуае – жене. 4 термидора VI года (22 июля 1798) // *Bernoyer F.* Op. cit. P. 54.

³ *Vigo-Roussillon F.* Op. cit. P. 68.

⁴ *Denon V.* Op. cit. P. 60.

⁵ Бонапарт – Директории. 6 термидора VI года (24 июля 1798) // *Napoleon Bonaparte.* Correspondence générale. Vol. 2. P. 194.

⁶ *Journal du capitaine François...* P. 365.

⁷ *Ibid.* P. 370.

⁸ *Ibid.* P. 330.

⁹ *Journal du canonnier Bricard...* P. 371.

после заключения перемирия между французами и Портой¹. Вместе с тем французы подчеркивали и храбрость османов в бою², а Франсуа, описывая заключение эль-Аришского мирного соглашения, упомянул о том, что великий визирь приказал своим войскам хорошо относиться к французам, и что «полчище варваров», которые составляли его армию, «из невольников всех наций и всех цветов кожи», накормило и напоило французов³. Примечательно, что среди османских боевых подразделений Франсуа называет янычаров «наиболее цивилизованными», поскольку они пытались общаться с французами, однако незнание европейских языков не позволило им понять друг друга.

Таким образом, оценки мамлюков и османов не были однозначно отрицательными. В то же время французы ощущали свое превосходство в цивилизационном плане над всеми этими этническими группами, признавая их варварами, жестокими, хоть и отважными.

Что же до остальных жителей Египта, то их французы считают отставшими в развитии из-за духа рабства и деспотизма, пронизывающего страну. Как пишет Бонапарт в отчете Директории, население Египта «привыкло быть либо страдальцами, либо победителями, либо тиранами, либо их жертвами»⁴. Рабское положение одной части населения и деспотизм другой часто отмечаются участниками экспедиции. Франсуа так пишет о вступлении французских войск в Каир: «Все, что мы видели и слышали, указывало на страну рабства»⁵; Бернуае выражает удивление тем, что египтяне так быстро покорились оккупантам: «Мы были удивлены, что нация столь великая и многочисленная, казавшаяся столь гордой, смогла так быстро подчиниться без сопротивления иностранному господству. Я думаю, это проистекает из образа правления, основанного на деспотизме. Представители такого правления являются обычно угнетателями, которые не знают других законов, кроме как свои многочисленные капризы»⁶. Соответственно, дух рабства, по мнению французских солдат, делает жителей невежественными, тормозя их развитие. Лакюе пишет в письме дяде: «Жители, униженные рабством, опустили до состо-

¹ Journal du canonnier Bricard... P. 396.

² Journal du capitaine François... P. 334; *Doguerneau J.-P.* Op. cit. P. 127.

³ Journal du capitaine François... P. 352.

⁴ Бонапарт – Директории. 16 вандемьера VII года (7 октября 1798) // *Napoleon Bonaparte. Correspondence générale.* Vol. 2. P. 513.

⁵ Journal du capitaine François... P. 223.

⁶ Бернуае – жене. 12 термидора VI года (30 июля 1798) // *Bernoyer F.* Op. cit. P. 64.

яния дикарей и сохранили от [прежней] цивилизации только суеверия и религиозную нетерпимость. Я обнаружил их совершенное сходство с народами южных морей, описанными Куком и Фостером»¹; Бернуае отмечает: «Конечно, люди образованные и просвещенные не стали бы страдать от такой тирании и скорее восстали бы против угнетателей, чем терпели бы их иго!.. Но эти невежественные люди того не осознают и выносят все со смирением и покорностью, не становясь от того более несчастными»². Таким образом, для французов жители Египта явно стоят на более низкой ступени развития, являясь варварами, как они их не раз называют. Так, Пистр сообщает родственнику о Каире: «Я думал, что прибыв в этот город, столь знаменитый своей торговлей с Индией, мы обнаружим изобилие и людей более цивилизованных, но мои ожидания не оправдались, и, за исключением европейцев, обосновавшихся там, народ здесь такой же варварский и такой же невежественный, как в Александрии»³. Бонапарт также отмечает, что варварство в Египте «достигло своего пика»⁴.

Именно поэтому в источниках личного происхождения, особенно высшего командования, не раз повторяется мысль о том, что французы должны цивилизовать местное население, приобщив его к европейскому образу жизни. Об этом пишет Бонапарт Клеберу в июле 1798 г., давая инструкции по обращению с местным населением: «Необходимо постепенно приучать население к нашим манерам и нашему взгляду на вещи»⁵. В августе того же года в своем отчете Бонапарту Мену пишет о смягчении нравов египтян по отношению к французам, которые взывают к голосу их разума⁶. По мнению Мену, укрепление позиций французов в Египте зависит только от «нравственных качеств» завоевателей. Виван Денон при описании местных женщин отмечает, не имеет возможности их рисовать, пока «наше влияние на восточные нравы не снимет с них покрывало, которым они себя покрывают»⁷. Генерал Бельяр в своем дневнике описывает произошедшую во время экспедиции в Верхний Египет

¹ Лакюе – дяде. 27 термидора VI года (14 августа 1798) // *Copies of original letters...* Vol. 2. P. 125.

² Бернуае – жене. Без даты // *Bernoyer F.* Op. cit. P. 86.

³ Пистр – Пистру. 29 термидора VI года (16 августа 1789) // *Copies of original letters...* Vol. 2. P. 146.

⁴ Бонапарт – Ж. Бонапарту. 7 термидора VI года (15 июля 1798) // *Napoleon Bonaparte. Correspondence générale.* Vol. 2. P. 199.

⁵ *De La Jonquière C.* Op. cit. Vol. 2. P. 101.

⁶ *Ibid.* Vol. 2. P. 517.

⁷ *Denon V.* Op. cit. P. 77.

встречу с дерзким мальчуганом из местных, который пытался украсть ружье у спящего драгуна. Пойманный на месте, он держался очень отважно и хладнокровно и во время разговора с французами, и во время устроенной ему порки розгами. Бельяра настолько поразила выдержка мальчика, что он отмечает: «Если б он мог получить образование, то стал бы незаурядным субъектом»¹. Тому же Бельяру принадлежит идея о том, что арабские племена надо либо «уничтожить силой – но это варварский способ, либо же цивилизовать, заставить их забыть пастушескую жизнь и независимость, превратить, насколько это возможно, в земледельцев»². То есть, считая себя представителем более просвещенного и цивилизованного народа, Бельяр предпочитал не опускаться до уровня тех, кого считал варварами, но считал, что лучше «подтянуть» арабов до уровня французов.

Даже простой офицер – некий драгун 14-го полка был проникнут идеей высокой цивилизаторской миссии: как он писал в своем дневнике, «чем больше потери, чем тяжелее трудности, тем офицеры, поистине достойные называться французами, должны объединиться вокруг своего генерала и приложить все старания, чтобы помочь ему в великом деле, которое он предпринял, – завоевать и цивилизовать Египет»³.

Поскольку жители Египта для французов были варварами, погрязшими в невежестве и живущими в атмосфере деспотизма и тирании, то, соответственно, этот образ жизни не мог не отразиться на их нравах и обычаях в глазах завоевателей.

Образ жизни и обычаи жителей Египта

В дневниках и корреспонденции участники французской экспедиции описывают нравы и обычаи египтян, отмечают характерные черты их образа жизни, постоянно подчеркивая огромную разницу между укладом жизни в Европе и на Востоке. По свидетельству Клебера, Бонапарт объяснял солдатам, что они находятся в Египте «среди людей, у которых нравы, культ, привычки и повадки, даже наиболее незначительные, полностью отличаются» от французских⁴, а потому необходимо уважать и не нарушать местный образ жизни.

¹ Denon V. Op. cit. Vol. 3. P. 507.

² Ibid. Vol. 5. P. 262.

³ Journal d'un dragon d'Égypte... P. 47.

⁴ Kleber J.-B. Carnets d'Égypte // L'état-major de Kleber en Égypte. 1798–1800. D'après leurs carnets, journaux, rapports et notes / ed. par S. Le Couëdic. P., 1997. P. 21.

Однако слишком большая культурная разница создавала определенные препятствия. Жоффруа Сент-Илер эмоционально восклицает, что все нравы и обычаи здесь полностью противоречат французским¹, а Брикар признает, что образ жизни местного населения поверг армию в ужас².

По мнению французов, на местных жителей, которых они называют «ленивые каналы»³ и «жестокие дикари»⁴, оказало влияние общее рабское положение страны, сделав их невежественными и пассивными. Поэтому чаще всего египтяне описываются как праздные люди, единственным времяпрепровождением которых является курение наргиле. Так, в письме родителям Буае создает следующий образ турка: «Представьте себе человека бесстрастного, принимающего события как есть и ничему не удивляющегося, который, с трубкой во рту, занят лишь тем, что просиживает задницу возле своих дверей на скамейке или перед домом какого-либо вельможи и так проводит весь день, не слишком беспокоясь о своей семье и детях»⁵. Инженер Вийер дю Терраж отмечает, что «торговцы располагаются перед своими магазинами и, сидя на циновках, пьют кофе и курят длинные трубки весь день»⁶. Морана удивляет, что в деревнях Египта жители не проявляли никакого интереса к французам: «Пока войска дефилировали перед их хижинами, они продолжали спокойно сидеть со скрещенными ногами, куря трубки и не выражая ни страха, ни заинтересованности»⁷. Офицер Малюс пишет, что после взятия Каира французами и воцарения там спокойствия, оккупанты «видели важных мусульман в желтых домашних туфлях и с длинной трубкой во рту, проезжавших по улице на ослах»⁸. Подчеркивая пассивность жителей Каира, Бернуае отмечает, что, если животное умирает на улице, его не спешат убирать, и оно лежит там, пока не иссохнет⁹. Состояние всеобщей лениости передалось даже оккупантам. По сви-

¹ Сент-Илер – Ж. Кювье // *Geoffroy Saint-Hilaire É.* Op. cit. P. 80.

² *Journal du canonnier Bricard...* P. 314.

³ Дама – Клеберу. 9 термидора VI года (27 июля 1798) // *Copies of original letters...* Vol. 1. P. 73.

⁴ Деженетт – жене. 9 термидора VI года (27 июля 1798) // *Ibid.* Vol. 1. P. 99.

⁵ Буае – родителям. 10 термидора VI года (28 июля 1798) // *Ibid.* Vol. 1. P. 143.

⁶ *De Villiers du Terrage É.* Op. cit. P. 71.

⁷ *Morand Ch.* Op. cit. P. 46.

⁸ *L'agenda de Malus; souvenirs de l'expédition d'Égypte, 1798–1801 / publ. par le général Thoumas.* Paris, 1892. P. 71.

⁹ Бернуае – жене. Без даты // *Bernoyer F.* Op. cit. P. 68.

детельству Малюса, французы, почувствовавшие при въезде в Каир необходимость «отказаться от европейских привычек и перенять обычаи страны»¹, первым делом заимствовали как раз эту негативную сторону местных нравов – предались праздности².

Участники экспедиции постоянно подчеркивают и другую черту местных жителей – крайнюю невежественность. Брикар отмечает, что жители деревень даже не знают, сколько им лет, что, с точки зрения европейца, выглядело крайне странно: «В целом они живут как дикие животные»³. Впрочем, и о горожанах он не высокого мнения: «Городские люди чуть больше приобщены к культуре, они всегда довольно ловки в обмане, ничего не сделают, если вы не держите в руке монеты; одновременно нахальные, крикливые, злобные и довольно робкие, они всегда преданы своей трубке»⁴. Отмечая невежественность египтян, Бонапарт в отчете Директории пишет, что они «предпочитают пуговицу нашего солдата эю в шесть франков»⁵. Об этом же сообщает и Бернуае с более подробными объяснениями: в одной из деревень солдаты были поражены тем, что местные жители, продавая им продукты, брали плату не деньгами, а пуговицами. По мнению портного, разгадка проста: «В этой стране женщины вставляют монеты в качестве украшения в прически, а наши пуговицы с дырками легко спутать с деньгами. Как видишь, это проистекает из довольно недалеких взглядов и обнаруживает состояние невежества, в которое погружены эти люди»⁶.

Тот же Бернуае скептически описывает и другое проявление непросвещенности – суеверие. По его словам, в Каире есть дерево, которое очень почитают местные женщины, веря, что оно возвращает им девственность даже после рождения детей, а девственность, по словам портного, очень ценится у мусульман⁷. «Поэтому, моя дорогая подруга, ты не очень удивишься тому, что Святая Мария, рожденная в этой стране, сохранила девственность и после родов»⁸, – саркастически заключает Бернуае.

¹ L'agenda de Malus... Op. cit. P. 68–69.

² Ibid.

³ Journal du canonnier Bricard... P. 326.

⁴ Ibid.

⁵ Бонапарт – Директории. 6 термидора VI года (24 июля 1798) // *Napoleon Bonaparte. Correspondence générale*. Vol. 2. P. 194.

⁶ Бернуае – жене. 12 термидора VI года (30 июля 1798) // *Bernoyer F.* Op. cit. P. 58.

⁷ Бернуае – жене. Без даты // Ibid. P. 75.

⁸ Ibid.

Соответственно, на фоне невежественных египтян французы исполнялись убеждения в собственном культурном превосходстве, и потому в дневниках и письмах не раз приводили сцены, подчеркивавшие это. Вот как Франсуа описывает вступление армии в Каир: «Отличие нашей одежды от той, что принята на Востоке, пышность облачения наших генералов (кроме Бонапарта) и простота нашего оружия, естественная жизнерадостность наших характеров, из-за которой казалось, что мы все время смеемся, чему воображение турок подсказывало совсем иное объяснение; – все подобные особенности только усиливали величайшее изумление этих людей, не знавших культуры»¹. Очевидно, что для Франсуа культура – это, прежде всего, образ жизни, принятый в его стране. Некий драгун 14-го полка также противопоставляет «восточную серьезность» французской «веселости»².

В письмах Бернуае приводится несколько подобных сцен, сопровождаемых восхвалением определенных черт характера французов, оттеняемых окружающей атмосферой рабства и невежества. Например, портной описывает случай, когда двое гренадеров после битвы у пирамид схватили мамлюка и решили снять с него богатую красивую одежду, а потом убить, но Бернуае подбежал к ним со словами увещевания, настаивая на том, что французы должны руководствоваться гуманностью в действиях: «Я знаю, что мы – французы, и что, сражаясь за славу, независимость и свободу нашей нации, мы должны отличаться [от остальных]. Мы не должны подражать рабам, которые стали жестокими варварами только потому, что повинуются своим хозяевам и тиранам»³. По словам портного, на этот шаг его побудила исключительно гуманность, в результате чего мамлюка не только не убили, но и отправили к врачу. Удивление «восточного человека» было столь велико, что он начал предлагать гренадерам деньги за свое спасение, однако те отказались. В другой раз Бернуае описывает, как спас от наказания палками бедного торговца, поскольку, по его словам, «французские законы стоят выше турецких (имеется в виду мусульманских. – Е. П.)»⁴, а потому надо пресекать столь суровые кары за мелкие прегрешения.

Художник Виван Денон, описывая, как простые солдаты всячески помогали ему при зарисовке объектов египетских Фив, отмечает,

¹ Journal du capitaine François... P. 222.

² Journal d'un dragon d'Égypte. P. 125.

³ Бернуае – жене. 12 термидора VI года (30 июля 1798) // *Bernoyer F. Op. cit.* P. 60.

⁴ Бернуае – жене. Без даты // *Ibid.* P. 81.

что их «деликатная чувствительность» по отношению к великим памятникам древности заставила его гордиться, что он француз¹.

Таким образом, именно на фоне местных жителей и их законов, французы видели себя в более выигрышном свете и осознавали себя как нацию, которая после Революции познала высшую справедливость и должна нести ее другим народам. Не зря в начале своего повествования некий драгун 14-го полка писал, что Восточная армия отплыла от берегов Мальты к Египту с целью «освободить жителей страны от тирании мамлюков»², и эта идея высокой миссии французов, а также приобщения невежественных египтян к культуре посредством влияния европейских нравов на восточные, проходит красной нитью через сочинения как простых участников экспедиции, солдат и ученых, так и высшего командования армии.

Впрочем, в источниках личного происхождения отмечается не только варварство, но и положительные стороны жителей Египта. Так, Буае пишет о трудолюбии феллахов³, Виго-Руссильон – о гостеприимстве⁴, а Бернуае – о чувствительности и мягкости египтян⁵. Более того, были примеры, когда в результате личных контактов с кем-либо из местных жителей предвзятое негативное мнение французов относительно них менялось на положительное. Тот же Бернуае описывает случай, когда торговец-мусульманин в лавке с лекарственными травами, видя, что портной изнурен болезнью, напоил его лечебным сиропом, хотя тот попросил всего лишь стакан воды. Бернуае, по его словам, насторожился и подумал, что, возможно, ему дали отравленный напиток, и только придя домой и расспросив своего переводчика, он осознал благие намерения мусульманина и был глубоко тронут ими⁶. Франсуа пишет об одном мамлюке, который всячески помогал французам. Это так поразило капитана, что он даже констатировал: «Признаю, после такого поступка я заметил, что

¹ *Denon V.* Op. cit. P. 186.

² *Journal d'un dragon d'Égypte.* P. 12.

³ Буае – родителям. 10 термидора VI года (28 июля 1798) // *Copies of original letters...* Vol. 1. P. 145.

⁴ *Vigo-Roussillon F.* Op. cit. P. 69–70. Примечательно, что Виго-Руссильон описывает именно персональное гостеприимство, а не благожелательное отношение египтян. По его словам, шейх деревни, к которому он обратился за фуражом для армии, сообщил через переводчика, что гренадеру повезло быть гостем шейха, и что если он голоден, то тот его накормит, однако предоставить пищу для всего отряда он не будет.

⁵ Бернуае – жене. Без даты // *Ibid.* P. 81.

⁶ Бернуае – жене. Без даты // *Ibid.* P. 68–69.

этот народ совершенно не заслуживает той репутации варваров, какую ему приписывают»¹. Впрочем, отмечает Франсуа, подобное поведение столь «противоположное... привычным представлениям о восточном характере» было данью уважения «великому характеру» французов и стало «наиболее прекрасным свидетельством славы, которую мы обрели в Египте»².

Что касается условий жизни египтян, то облик восточного города явно порастил французов несхожестью с европейскими городами. Как пишет Моран, «пропитанный дымом воздух, заполненные экипажами, лошадьми и путешественниками широкие улицы и дороги в обрамлении прекрасных домов – все это обычные признаки того, что вы приехали в хоть сколько-нибудь значительный европейский город»³. Но в Египте, продолжает Моран, «ничего не напоминает того, к чему мы привыкли»⁴. Особенно поражала французов бедность городов и невзрачные жилища египтян. Некий Авриёри в письме подруге с ужасом восклицает: «Все, кто бывал в стране, говорят, что Александрия – красивый город. Что же тогда должно быть в остальных местах? Вообразите себе скопище плохо построенных и беспорядочно расположенных одноэтажных домов; красивые [дома] имеют балконы, маленькие деревянные дверцы, замки; окон нет, а только деревянные решетки, настолько частые, что никого невозможно увидеть сквозь них; узкие улицы, за исключением квартала франков и того района, где живут богатые»⁵. Брикар пишет об Александрии: «Только их богачи имеют какие-то удобства; мелкие лавочки и поденщики спят на соломенных циновках; бедняки спят в грязи, как в Европе животные. Из-за того, что они никогда не раздеваются, на них полно паразитов; на окнах у них решетки, как в женских монастырях»⁶. Более того, некоторые участники экспедиции отмечают, что люди в Египте зачастую живут в одном помещении со скотиной⁷. Что же касается такого не знакомого французам архитектурного элемента, как машрабии – узорчатые решетки⁸, то Моран, описы-

¹ Journal du capitaine François... P. 425.

² Ibid.

³ *Morand Ch.* Op. cit. P. 71.

⁴ Ibid.

⁵ А. Декорче – жене. 12 фрюктидора VI года (29 августа 1798) // *Copies of original letters...* Vol. 2. P. 178.

⁶ Journal du canonnier Bricard... P. 314.

⁷ *Jollois J.-B.-P.* Op. cit. P. 197; *Morand Ch.* Op. cit. P. 44; Journal du canonnier Bricard... P. 326.

⁸ Машрабия – элемент арабской архитектуры домов и дворцов, особенно характерный для региона Ближнего Востока. Представляет узорчатую деревянную решетку на окнах, балконах и т. д.

вая Каир, так же, как и Брикар, утверждает, что они навевают ему «мысли о тюрьме и насилии»¹. А вот Вийер дю Терраж, напротив, считает, что подобная конструкция оригинальна и красива².

Впрочем, не только города удивили французов бедностью и примитивностью застройки, но и деревенские поселения. Минеролог Кордые пишет: «Мы были невероятно поражены, увидев, что обитатели такой прекрасной страны живут намного хуже, чем наши крестьяне, обитающие в местности более бедной и неблагоприятной. Несколько кирпичных домов, окруженных хижинами из ила и тростника, составляют деревню»³.

Даже столица, Каир, не оправдала чаяний французов увидеть богатый город. Так, Франсуа рассказывает: «Войдя в Каир, мы были поражены общим видом нищеты. Этот город населен бедняками, и толпа, заполнявшая улицы, являла нашим глазам лишь ужасающие отрепья и возмутительную наготу»⁴. О том же говорит и генерал Догеро: «Он [Каир] представляет взору европейцев только отвратительное зрелище скопления 40 тысяч человек, в высшей степени безобразных и грязных. Дома, плохо построенные и лепящиеся один к другому, разделены только узкими улицами, где витает копоть и запах грязных турецких кухонь»⁵. Узость улиц, невзрачность домов и немощные дороги – эти особенности Каира чаще всего отмечаются в дневниках и письмах⁶. Виго-Руссильон, обобщая, утверждает, что узкие улочки вообще характерны для «всего Востока»⁷. Более того, как свидетельствуют участники экспедиции, повсюду в городе присутствуют признаки заброшенности. По словам Жоллуа, даже Цитадель выглядит разрушающейся, а вокруг нее полно развалин. Вийер дю Терраж подчеркивает, что, несмотря на оригинальный фасад, большинство домов находится в упадке. Брикар считает, что кварталы Каира, хоть и большие, но тем не менее «плохо отстроены, плохо спланированы и плохо расположены», и только «квартал франков и Мечети»⁸ показался мне оживленным и приятным»⁹.

¹ *Morand Ch.* Op. cit. P. 71.

² *De Villiers du Terrage É.* Op. cit. P. 71.

³ Archives de l'Académie des sciences. Paris. 1 J 7. Dossier biographique P.-L. Cordier, 12 juin 1798. P. 20.

⁴ *Journal du capitaine François...* P. 223.

⁵ *Doguereau J.-P.* Op. cit. P. 24.

⁶ См. дневники Вийер дю Терража, Виго-Руссильона, Брикара и Морана.

⁷ *Vigo-Roussillon F.* Op. cit. P. 68.

⁸ Имеется в виду соборная мечеть аль-Азхар.

⁹ *Journal du canonnier Bricard...* P. 344.

Отмечают французы и то, что Каир – огромен¹, а бригадный генерал Рампон в письме брату даже называет этот город самым большим в мире².

Привлекают внимание участников экспедиции и такие экзотические для европейцев архитектурные сооружения, как мечети. Виго-Руссильон описывает их следующим образом: «В Каире расположены огромные мечети, окруженные множеством оригинальных шпилей (*flèches*), которые называются минаретами. Большое их количество придает городу очень красивый вид. Так странно слышать религиозных глашатаев, называемых муэдзинами, которые с высоты этих шпилей провозглашают время и призывают правоверных мусульман на молитву. Это необходимо, потому как в Египте не существует башенных часов»³. Догеро отмечает, что мечети почитаются мусульманами, но в Европе они «не привлекли бы к себе большого внимания»⁴. Моран очень подробно рассказывает об устройстве мечети, описывая интерьер и внутренний двор, отмечая, что в мечетях нет ни картин, ни скульптур, потому как Коран это запрещает. Описывает он и минбар (не приводя этого названия), как то место, откуда имам читает молитву, и упоминает про отдельный зал для женщин. По его словам, мечети – «здания весьма примечательные; некоторые из них отличаются очень красивой архитектурой в мавританском стиле»⁵. Чаще всего в дневниках говорится о мечети аль-Азхар, которую инженер Детрое называет «восхитительной мечетью, знаменитой по всему Востоку»⁶. Иногда также упоминаются мечети Хасана, Ибн Тулуна⁷ и Амра ибн аль-Аса. Встречаются сведения и о других достопримечательностях города – о Цитадели⁸, которую Жоллуа считает величественной и красивой, но показывающей «вкус довольно варварский в деталях»⁹, о кладбище мамлюков¹⁰.

¹ *Vigo-Roussillon F. Op. Cit. P. 68; Journal du canonnier Bricard... P. 343; Сент-Илер – Ж. Пере // Geoffroy Saint-Hilaire É. Op. cit. P. 62.*

² Рампон – брату. 9 термидора VI года (августа 1789) // *Copies of original letters... Vol. 1. P. 89.*

³ *Vigo-Roussillon F. Op. cit. P. 68–69.*

⁴ *Doguereau J.-P. Op. cit. P. 24.*

⁵ *Morand Ch. Op. cit. P. 73.*

⁶ *De La Jonquière C. Op. cit. Vol. 3. P. 280.*

⁷ Более или менее подробное описание встречается у Жоллуа: *Jollois J.-B.-P. Op. cit. P. 73–74.*

⁸ *De Villiers du Terrage É. Op. cit. P. 73; Jollois J.-B.-P. Op. cit. P. 59, 73; Бернуае – жене. Без даты // Bernoyer F. Op. cit. P. 82.*

⁹ *Jollois J.-B.-P. Op. cit. P. 72.*

¹⁰ Имеется в виду «город мертвых» (араб. «аль-карафа») – Каирский некрополь, где находится множество мавзолеев мамлюков. Бернуае – жене. Без даты // *Bernoyer F. Op. cit. P. 82; Denon V. Op. cit. P. 103.*

Художник Виван Денон, воспитанный на образцах классического зодчества, также воспринимает необычную для европейцев арабомусульманскую архитектуру как варварскую: «Эти здания носят те же признаки, что и остальные, построенные мусульманами в регионе, а именно они представляют собой смесь великолепия, бедности и невежества»¹. В дневнике Клебера перечислены многие исторические места, которые он посетил в Каире: мечети, гробницы мамлюков, ворота. Все они произвели на него позитивное впечатление, поскольку он отмечает красоту их архитектуры².

Заяв Каир, французы разместились в домах мамлюков, бежавших из города. Эти строения, как отмечает Моран, хоть и называются «дворцами» (*palais*), что может навести на мысль о роскоши, на самом деле представляют собой просто «большие дома, где только внутренние стены сложены из кирпича, а остальные же – из смеси глины и соломы; туда заходят через двор, окруженный жилыми помещениями, узкими и часто неопрятными, составляющими галерею, которая служит и столовой для дневной трапезы, и передней»³. Моран подробно описывает устройство таких домов, отмечая, что они бывают обильно украшены изразцами и мозаикой. Хотя эти «дворцы», по-видимому, и не могли сравниться с пышностью европейских, однако так выделялись на фоне окружающих их бедных домов, что Малюс заключает: поселившись в доме Мурад-бея, французы впервые смогли оценить «восточный вкус и восточную роскошь»⁴.

Таким образом, можно утверждать, что Каир не оправдал надежд французов увидеть изобилующий богатством город. Несмотря на восхищение оккупантов отдельными архитектурными сооружениями, он не произвел на них большого впечатления и уж тем более не соответствовал их представлениям о том, какой должна быть столица, а необычный европейцу облик города воспринимался французами с отторжением, считавшими, что даже архитектура несет на себе следы общества, где царит невежественность. Мысль о разочаровании Каиром точнее всего формулирует Моран: «Этот город, который турки считают вторым [по значимости] в своей огромной империи, жители Африки признают столицей мира, центром богатства, роскоши и величия, а арабы Йемена и Хиджаза, великих пустынь и остальные мусульмане глубоко почитают, называя “Святым”, “Победоносным”, “Любимым городом Пророка”, “Садом наслажде-

¹ *Denon V.* Op. cit. P. 102.

² *Kleber J.-B.* Carnets d'Égypte // L'état-major de Kleber en Égypte. P. 4–5.

³ *Morand Ch.* Op. cit. P. 73.

⁴ L'agenda de Malus... P. 62.

ний”, выгладит для европейца всего лишь огромной, бедной и грязной деревней»¹.

Что же до жителей Египта, то, как правило, их внешность описывается в негативном ключе. Так, Догеро характеризует местных жителей чаще всего как «безобразных»: «Жители, мужчины и женщины из простого люда, крайне некрасивы; дети уродливы; их глаза, всегда покрытые мухами, почти невозможно разглядеть»². О костюме египтян Догеро пишет следующее: «Одежда мужчин представляет собой вид летней голубой или белой рубашки; зимняя – из овечьей или козьей шерсти; некоторые носят кальсоны. Те, кто не ходит босиком, носят красные или желтые сандалии. Их головы покрываются красным колпаком (*calotte*), вокруг которого наматывается тюрбан. Одевание женщин примерно такое же: их рубахи очень длинные, на головах покрывало, а фигуры покрыты полотном, которое постоянно грязно и называется “барко” (*бурка*); те, кто не ходит босиком, носят красные или желтые туфли»³. Однако богатые люди, как отмечает тот же Догеро, «имеют красивую внешность и очень хорошо одеты»⁴. Жобер пишет родственнику, что длинный наряд местных женщин скрывает все их тело, оставляя открытыми только глаза, что «немного напоминает одеяния кающихся грешников наших южных провинций»⁵. Моран подмечает нехарактерные для французского мужского костюма черты: «Они одеты в рваные рубахи, чаще всего голубые, и чалмы, наматанные из тряпок, ходят босиком. Только некоторых мы видели в штанах и в тюрбанах, решив, что они – вожди племени»⁶. Виван Денон считает, что сам костюм мусульман, равно как их привычки, располагают к праздности⁷. Только портной Бернуае, сравнивая французские и восточные костюмы, приходит к выводу, что именно вторые обладают большими преимуществами, так как более удобны: «Простой тюрбан придает больше привлекательности, уважения и величия, чем наши безвкусные украшения, более или менее удачно сделанные. Мода служит только для того, чтобы нас истязать, стесняя все части нашего тела. Я надеюсь, что однажды любовь к независимости нам откроет глаза на то, что наши члены хотят большей свободы»⁸. Примечательно, что когда Бонапарт

¹ *Morand Ch.* Op. cit. P. 75.

² *Doguereau J.-P.* Op. cit. P. 125.

³ *Ibid.* P. 25.

⁴ *Ibid.*

⁵ *Copies of original letters...* Vol. 1. P. 14.

⁶ *Morand Ch.* Op. cit. P. 85.

⁷ *Denon V.* Op. cit. P. 101.

⁸ Бернуае – жене. Без даты // *Bernoier F.* Op. cit. P. 80.

надел восточный наряд, это вызвало недоумение среди армии. Как отмечает Детрое, говорили, что Бонапарт так оделся для встречи с членами дивана, дабы показать, что если французский генерал может перенять местные обычаи, то и члены дивана, возможно, наденут «цвета нашей нации»¹. Однако, по словам Детрое, Тальен отговорил главнокомандующего постоянно носить восточную одежду. Очевидно, это было связано с тем, что Бонапарт выглядел в ней комично, о чем свидетельствует Бурьен в своих мемуарах².

Тем не менее оккупанты были вынуждены если не носить восточную одежду, то хотя бы выглядеть в соответствии с местными обычаями. По словам Жоффруа Сент-Илера, французам пришлось отпустить усы, поскольку «голое лицо считается признаком раба, и, хотя мы – хозяева страны, сила предубеждения внушает туркам, что французы без усов являются рабами других»³.

Французы вообще довольно часто упоминают об обычаях и традициях жителей Египта⁴. Один из обычаев египтян, который они не раз отмечают, это мытье в бане. В дневнике адъютанта Клебера приводится рассказ о том, что Клеберу было предложено переделать бани в госпитали для французов, однако генерал отказался от этой идеи, поскольку, по его словам, «омовения и очищения всех видов являются неотъемлемой частью культа египтян»⁵. Как пишет Догеро, «закон Магомета предписывает туркам мыться»⁶, поэтому в Каире множество бань, в которых, однако, считает он, царит нечистоплотность, поскольку одни и те же полотенца используются разными людьми. Тем не менее одну из процедур, предлагаемых в бане – массаж, Догеро называет «божественным наслаждением, о котором говорил Савари, автор “Мемуаров о Египте”»⁷.

Еще один обычай Востока, о котором упоминают французы, это правило не воевать после заката. Как пишет Бернуае, «Коран запре-

¹ *De La Jonquière C.* Op. cit. Vol. 3. P. 16.

² *Ibid.* Note 3.

³ Сент-Илер – Ж. Кювье // *Geoffroy Saint-Hilaire É.* Op. cit. P. 73–74.

⁴ В источниках личного происхождения также содержатся небольшие этнографические очерки об отдельных арабских племенах или жителях какой-либо местности, с описанием их внешности и присущих им нравов. См., например: *Jollois J.-B.-P.* Op. cit. P. 104; Шешы – М. Дульсе. 19 мессидора VI года (7 июля 1798) // *Copies of original letters... Vol. 2.* P. 4–5; *Doguereau J.-P.* Op. cit. P. 140–141; *Journal du capitaine François... P.* 406.

⁵ *De La Jonquière C.* Op. cit. Vol. 2. P. 437.

⁶ *Doguereau J.-P.* Op. cit. P. 24.

⁷ *Ibid.* P. 24.

щает мусульманам предпринимать что-либо после захода солнца»¹, поэтому даже во время восстания жители Каира на ночь расходились по домам и прекращали огонь. То же отмечает и Франсуа, считая, что эта традиция характерна для «всех восточных людей»². Он же называет еще одной особенностью, распространенной на всем Востоке обычай, надевать в бой самые лучшие одежды и оружие и брать с собой богатства³.

Что касается кулинарных традиций, то французы отмечают скудность питания египтян⁴, хотя, пишет Брикар, несмотря на это, они все равно практически не болеют и долго живут. Кордые, описывая обед у старосты одного из поселений в Дельте, отмечает, что все искусство местной кулинарии сводится к приготовлению блюда из «смеси мяса, овощей и коринфского винограда, поверх которой живописно разложены ломти баранины. Это их любимое блюдо. Самая большая похвала, которую можно ему сделать, это сказать, что оно неплохое»⁵. Детрое называет обычай приема пищи в Египте «грязным», поскольку люди не знают вилок и едят руками⁶. Виван Денон также сообщает, что на египетском столе нет привычных европейцам приборов и салфеток, но, хотя «у этой трапезы отсутствует привычность и элегантность, которая возбуждает аппетит, мы можем восхищаться ее изобилием, гостеприимством и умеренностью приглашенных за стол»⁷.

Участники экспедиции подмечают, что мусульмане не пьют вина. Буае пишет родителям: «Мы живем здесь под законом Магомета, который запрещает вино, но позволяет воду в изобилии»⁸. Деженет в письме жене отмечает, что египтяне «почти ничего не пьют, кроме воды»⁹. Бернуае уточняет, что все алкогольные напитки под запре-

¹ Бернуае – жене. 12 термидора VI года (30 июля 1798) // *Bernoyer F.* Op. cit. P. 89.

² *Journal du capitaine François...* P. 241.

³ *Ibid.* P. 220. О том же пишет Вийер дю Тераж: *De Villiers du Terrage É.* Op. cit. P. 43.

⁴ *Journal du capitaine François...* P. 326; De La Jonquière C. Op. cit. Vol. 2. P. 173.

⁵ Archives de l'Académie des sciences. Paris. 1 J 7. Dossier biographique P.-L. Cordier, 12 juin 1798. P. 37.

⁶ *De La Jonquière C.* Op. cit. Vol. 5. P. 14. О еде руками также см. у Сент-Илера: *Geoffroy Saint-Hilaire É.* Op. cit. P. 75.

⁷ *Denon V.* Op. cit. P. 54.

⁸ Буае – родителям. 10 термидора VI года (28 июля 1798) // *Copies of original letters...* Vol. 1. P. 144.

⁹ Деженетт – жене. 9 термидора VI года (27 июля 1798) // *Ibid.* P. 100.

том, но египтяне употребляют много кофе и сиропа из фиников¹. Моран сообщает, что шейхи Даманхура, встречавшие генерала Дезе, предложили ему молоко и фрукты, ибо вино у них не принято². Дама же рассказывает, что когда Клебер позвал к себе на ужин членов дивана, то «чтобы не нарушать их обычаев и предоставить им полную свободу, для них сервировали отдельный стол, за который допускались только турки [мусульмане]», что вызвало одобрение одного из шейхов, «религиозного блюстителя закона Пророка», не желавшего сидеть за столом, на котором есть вино³. Для французов отсутствие алкоголя было не только непривычно, но и труднопереносимо. Так, А. Савари, адъютант генерала Дезе, писал из Каира своим товарищам в Александрию: «Вся армия мучается диареей из-за того, что пьет [местную] воду. Ради Бога, привезите вино, водку и ром»⁴, причем повторяет эту просьбу в письме несколько раз.

Необычна была для французов и музыкальная культура местных жителей. Вийер дю Терраж описывает «странные» песни и танцы египтян на празднике в честь дня рождения пророка Мухаммада⁵; Брикар пишет, что рождения, похороны и свадьбы сопровождаются танцами, которые представляют из себя «кривляния» и «непристойные движения»⁶; Детрое называет звуки, издаваемые арабскими музыкальными инструментами (тамбурином, цимбалами) «неприятными», равно как и танцы под эту музыку⁷; Виван Денон также считает, что местная музыка представляет собой какофонию, а танцы, у которых отсутствует (в отличие от европейских) веселье и радость, описывает как отталкивающе сладострастные⁸.

Отдельной темой в источниках личного происхождения является тема женщин и семьи. Жоффруа Сент-Илер описывает, как французы были удивлены тем почтением, которое младшие оказывают старшим. По его словам, когда на обеде у одного из шейхов французы

¹ Journal du canonnier Bricard... P. 328.

² Morand Ch. Op. cit. P. 45.

³ Journal des opérations du général Kleber // L'état-major de Kleber en Égypte... P. 44.

⁴ Савари – Дузелю. 9 термидора VI года (27 июля 1798) // Copies of original letters... Vol. 1. P. 82.

⁵ De Villiers du Terrage É. Op. cit. P. 71.

⁶ Journal du canonnier Bricard... P. 327–328.

⁷ De La Jonquière C. Op. cit. Vol. 2. P. 173.

⁸ Denon V. Op. cit. P. 71–72. О восприятии арабской музыки французами см.: Rault L. Villoteau et la musique égyptienne, ou l'éveil à la musique de l'Autre // L'expédition d'Égypte, une entreprise des Lumières. 1798–1801. Actes de colloque 8–10 juin 1998 / réuni par P. Bret. P., 1999. P. 217–228.

пригласили внука хозяина сесть за стол, тот «покраснел так, словно мы ему предложили совершить преступление», а его отец объяснил, что внук «никогда не решится сесть в присутствии сидящего деда, и тем более есть перед ним, поскольку глубокое почтение к деду для него закон»¹. Более того, как удивленно отмечает Сент-Илер, и сам отец мальчика, уважаемый и богатый земледelec, отказался сесть в присутствии шейха по тем же соображениям и проявляя такое же благоговение по отношению к своему отцу. Бернуае также отмечает, что египетская семья очень патриархальна: «Я должен уточнить... что в этой стране отцы имеют абсолютную власть над своими детьми, так, что они сочетают их браком, не заботясь об их вкусах или привязанностях. Таким образом, большая часть супругов не знакомы до свадебного торжества»². Французы хорошо знали, что мусульмане могут иметь несколько жен, но с числом и статусом таковых путались. Деженет пишет, что у мужчины может быть четыре законные жены, помимо наложниц³. Брикар утверждает, что законная жена может быть только одна, но наряду с ней могут быть и другие, как он называет их, «любовницы в доме», в таком количестве, какое позволяют средства мужа – вплоть до двадцати. Бернуае пишет просто о «множестве жен», которых может взять себе мусульманин при условии, что сумеет их содержать⁴, а также, что мусульманки, как правило, не выходят замуж за людей другой религии, поскольку в таком случае, «согласно принципам Магомета и законам этой страны, она будет проклята в том мире и лишится головы в этом»⁵. Франсуа тоже упоминает об этом: «Закон Магомета таков, что всех мусульманок, уличенных в сожительстве с неверными, помещают в мешок, сшитый из двух кусков кожи, и бросают в Нил»⁶.

Многие участники экспедиции подчеркивают строгость нравов мусульман по отношению к женщинам. Брикар утверждает: «Их нравы крайне жестоки: женщина, уличенная в измене спутнику жизни, приговаривается к смерти»⁷. Моран приводит как в своих письмах,

¹ Сент-Илер – Кювье // *Geoffroy Saint-Hilaire* É. Op. cit. P. 76.

² Бернуае – кузену. 12 брюмера VII года (30 июля 1798) // *Bernoier F.* Op. cit. P. 112.

³ Деженетт – жене. 9 термидора VI года (27 июля 1798) // *Copies of original letters...* Vol. 1. P. 100.

⁴ Бернуае – кузену. 12 брюмера VII года (30 июля 1798) // *Bernoier F.* Op. cit. P. 94.

⁵ Ibid.

⁶ *Journal du capitaine François...* P. 419.

⁷ *Journal du canonnier Bricard...* P. 327.

так и в дневнике историю о «чудовищном наказании», которому подвергли женщину за адюльтер: ее вместе с ребенком, рожденным от этой связи, изгнали из деревни без средств к существованию. Французы, по словам генерала, встретив ее, изможденную и еле передвигавшую ноги, наоборот, проявили жалость, напоив и накормив несчастную¹. По свидетельству Клебера, европейским женщинам, прибывшим с армией, тоже несколько раз приходилось сталкиваться с нетерпимостью местных жителей, бросавших им вслед камни или оскорбления. Однако, по словам генерала, со временем местные жители стали вести себя по отношению к европейским женщинам более уважительно². Впрочем, как уже отмечалось, поведение европейских женщин в Египте и их внешний вид вызывали отторжение у местного населения и считались неприличными³.

Тем не менее строгие запреты не мешали многочисленным любовным интригам французов с местными женщинами, как христианками, так и мусульманками. Об этом упоминается у Догеро⁴, у Клебера⁵ и особенно часто у Бернуае⁶, который также подробно пишет и про местных проституток. Что же до критериев красоты, то капитан Франсуа отмечал, что «у восточных людей» красивыми считаются белые полные женщины. По его словам, у «турок» даже есть поговорка: «Белые женщины – для глаз, египтянки – для удовольствий»⁷.

Французы отмечают не только суровость египтян по отношению к женщинам, но и жестокость других местных обычаев. Как подчеркивает Догеро, после второго восстания в Каире горожане, принявшие участие в нем, очень боялись мести со стороны французов, «которая, согласно нравам Востока, должна была быть ужасной»⁸. Франсуа пишет о традиции кровной мести, которую называет «священной» для мусульман, поскольку «их Пророк ее предписывает в Коране»⁹. По его словам, этот обычай состоит в том, что родители

¹ *Morand Ch.* Op. cit. P. 43–44, 85. Ту же историю приводит Виван Денон: *Denon V.* Op. cit. P. 37–38.

² *Journal des opérations du général Kleber // L'état-major de Kleber en Égypte...* P. 31.

³ См.: Глава 2. С. 44.

⁴ *Doguereau J.-P.* Op. cit. P. 82.

⁵ *Kleber J.-B. Carnets d'Égypte // L'état-major de Kleber en Égypte.* P. 13.

⁶ Бернуае – кузену. 12 брюмера VII года (30 июля 1798) // *Bernoier F.* Op. cit. P. 93–115.

⁷ *Journal du capitaine François...* P. 224.

⁸ *Doguereau J.-P.* Op. cit. P. 170.

⁹ *Journal du capitaine François...* P. 402.

убийцы платят родителям убитого определенную сумму денег, после чего последние прекращают всякое преследование убийцы. По словам Франсуа, Мену, став главнокомандующим, решил упразднить эту практику как противоречившую «законам божественным и человеческим», однако эта мера имела обратный эффект: египтяне, которые отныне не могли договориться о выкупе убийцы, стали мстить и убивать в ответ. Примечательно, что Франсуа выступает против упразднения этого, казалось бы, с европейской точки зрения варварского обычая, хотя и считает его предрассудком: «Опасно слишком резко искоренять предубеждения народа, над которым мы собираемся властвовать»¹.

Таким образом, хотя в сочинениях участников экспедиции и прослеживался мотив необходимости «цивилизовать» население Египта, тем не менее зачастую сами оккупанты действовали отнюдь не цивилизованными методами, согласуя свои действия с местными обычаями. Одним из ярчайших примеров является жестокая казнь убийцы генерала Клебера Сулеймана, которого военный трибунал приговорил к сожжению руки и сажанию на кол. Очевидно, так командование армии хотело, образно выражаясь, говорить с «людьми Востока» на их языке. Уже в первые месяцы пребывания в Египте Бонапарт писал из Каира генералу Зайончеку в провинцию Менуф: «Необходимо, чтобы Вы обращались с турками как можно более жестоко. Каждый день здесь отрубают по три головы и проносят их по Каиру: это единственный способ подчинить себе этих людей»². То же он пишет и генералу Мену, отмечая, что каждый день в Каире отрубают по 6–7 голов: «Если до сих пор мы должны были осторожно обращаться с ними [местными жителями], чтобы опровергнуть те пугающие слухи о нас, что предшествовали нашему приходу, то теперь, наоборот, надо взять тот тон, который понятен этим покорным людям; а условие их покорности – страх»³.

Не все участники экспедиции, считавшие себя более цивилизованными и просвещенными по сравнению с дикими и невежественными египтянами, одобряли подобную политику командования армии. Так, Бернуае отмечает, что французский отряд очень жестоко действовал при сборе налогов с жителей деревни недалеко от Каира, подвергая должников наказанию палками. Это возмутило его и ко-

¹ Ibid.

² Бонапарт – генералу Зайончеку. 12 термидора VI года (30 июля 1798) // *Napoleon Bonaparte. Correspondence générale. Vol. 2. P. 222.*

³ Бонапарт – генералу Мену. 13 термидора VI года (31 июля 1798) // *Napoleon Bonaparte. Correspondence générale. Vol. 2. P. 224–225.*

миссара Дюваля, и они порицали Бонапарта за то, что он допускал подобные методы. Бернуае весьма эмоционально рассуждает о том, что республиканские законы должны «делать людей счастливыми и рассматривать их как братьев», а на деле получается, что французы в Египте руководствуются не этими законами, а «подражают примеру самых жестоких тиранов, чтобы взыскать налоги с селян»¹. Портной жалеет несчастных жителей, подвергающихся такой несправедливости, и пишет: «Нас самих оскорбляет больше всего то, что Бонапарт использует те же методы, что и мамлюки»². Также Бернуае называет несчастными жертвами тех зачинщиков восстания в Каире, которых предали смерти, и явно не одобряет то, что их казнили без суда³.

Однако взгляд Бернуае разделяли не все. Некий драгун 14-го полка отмечает, что по итогам восстания Бонапарт издал прокламацию, в которой сообщалось, что главнокомандующий прощает восставших (кто еще не был убит или наказан) «из великодушия французов, справедливо рассерженных на неблагодарных жителей»⁴. Повидимому, сам драгун, считавший восстание делом рук англичан и местных «фанатиков»⁵, разделял эту точку зрения. Он же еще раз пишет о «великодушии» Бонапарта, предложившего защитникам сирийского города Яффы сдаться, и затем без какого-либо возмущения, а скорее с пониманием, сообщает, что после преодоления тяжелого сопротивления местных жителей и взятия города Бонапарт отдал «этих фанатиков» разъяренным солдатам⁶. Художник Виван Денон также считает, что Бонапарт поступил с повстанцами после Каирского восстания достаточно мягко – по его словам, «несколько предателей были арестованы и наказаны, но мечети, ставшие рассадниками преступлений, были оставлены в покое, и гордость виновных лишь укрепилась из-за этого снисхождения, ведь их фанатизм не был побежден террором. И на какие бы опасности не указывали Бонапарту, ничто не могло поколебать доброту, которую он проявил в этой ситуации»⁷. Таким образом, хотя оба вышеупомянутых участника экспедиции не раз выражали гордость за свою страну и говорили о важности цивилизовать и приобщить к культуре невежественных восточных людей, а также порицали жестокость местных нравов, в этих случаях они явно не придерживались принципов уважения

¹ Бернуае – жене. Без даты // *Bernoyer F.* Op. cit. P. 85.

² *Ibid.* P. 86.

³ *Ibid.* P. 91.

⁴ *Journal d'un dragon d'Égypte.* P. 41.

⁵ *Ibid.* P. 42.

⁶ *Ibid.* P. 76.

⁷ *Denon V.* Op. cit. P. 107.

воли и свободы местных жителей. То есть, не только высшее командование, но и рядовые участники экспедиции, хотя и считали себя стоящими на более высокой ступени цивилизации, чем египтяне, и почитали себя носителями идей Французской революции, совершали дела, абсолютно несовместимые с идеями о всеобщем равенстве и братстве. Например, тот же драгун 14-го полка описывает, как французы отняли у одного из племен почти весь скот, несмотря на мольбы и проклятия арабов, и вернулись в Каир с «богатой добычей»¹. Он воспринимает ту ситуацию не как разбой, а как нечто естественное со стороны французов – ведь, по его словам, это племя уже давно не платило налог.

Также участники экспедиции не только без возмущения упоминали о существовавшей на Востоке работорговле, но и сами охотно приобретали невольников. Ревнитель всеобщего «братства» Бернуае подробно рассказывает, как выбирал себе рабынь на рынке². Франсуа также пишет о своих черных рабынях, одну из которых он купил за 55 пиастров, другую за 70, и на одной из которых даже собирался жениться во Франции. Догеро, описывая невольничий рынок, утверждает: «Черные рабы в Египте находятся в счастливом положении; женщин покупают, чтобы они составили компанию другим женщинам или занимались работой по дому, мужчин – чтобы помогали в лавке, и зачастую они становятся приемными детьми своих хозяев. Их покупают только богатые люди, и судьба у рабов намного более счастливая, чем у египетских бедняков»³. Жоффруа Сент-Илер также подчеркивает, что рабство в Египте не похоже на рабство в Америке: по его словам, в Египте оно представляет собою скорее усыновление, и два его невольника называли его «отцом»⁴. Хотя законы Французской республики санкционировали отмену рабства, и оно подвергалось беспощадной критике в многочисленных сочинениях французских авторов⁵, тем не менее французы в Египте не воспринимали его как что-то противоестественное.

Участники экспедиции не только сами в какой-то мере старались следовать местному образу жизни, но и отмечали, что несоблюдение обычаев может привести к непредсказуемым последствиям. Бернуае

¹ Journal d'un dragon d'Égypte. P. 49.

² Бернуае – кузену. 12 брюмера VII года (30 июля 1798) // Ibid. P. 98–100.

³ Doguereau J.-P. Op. cit. P. 26.

⁴ Сент-Илер – Профессорам музея // Geoffroy Saint-Hilaire É. Op. cit. P. 122.

⁵ Подробнее см.: *Derbyshire Seiber E.* Anti-slavery opinion in France during the second half of the eighteenth century. N. Y., 1937.

рассказывает, как пришел по финансовым делам к одному «паше» домой, где слуги попросили его дождаться хозяина в передней. Однако Бернуае сам открыл дверь в комнату, где находился хозяин. Когда портной закончил дела и покинул дом, сопровождавший его переводчик объяснил, что своим нетерпением француз навлек на слуг наказание хозяина. Бернуае возмутился этой чрезмерной жестокости и вернулся в дом, заявив паше: «Это я сам, не зная обычаев страны, ворвался в дверь, а слуги ни при чем»¹.

Франсуа повествует о более серьезных последствиях несоблюдения местных традиций. По его словам, генерал Мену, став главнокомандующим, начал вводить изменения не только в армии и административных делах, но и попытался реформировать местные обычаи, из-за чего стал непопулярен, тогда как его предшественники местных устоев не нарушали. Среди обычаев, упраздненных Мену, капитан называет традицию даровать одежду почета – кафтан – вновь назначаемым должностным лицам, а это, по его словам, «священная и обязательная церемония в традициях Востока»².

Итак, на примере жителей Египта оккупанты формировали суждение о «восточных людях» вообще и делали обобщения относительно их нравов и обычаев, полагая, что они присущи всему Востоку. Именно эти «жители Востока» (*les Orientaux*) и были для французов теми «Другими», в сравнении с которыми оккупанты ощущали свое культурное превосходство и выделяли такие черты своего характера, как великодушие, гуманность, просвещенность. Потому в источниках личного происхождения и появлялись примеры того, как облагораживается местное население в процессе общения с французами. Наконец, сложившийся у французов образ восточных людей – рабелепных и пассивных – определял поведение и действия оккупантов по отношению к местным жителям, причем некоторые методы обращения с египтянами возмущали даже отдельных участников экспедиции.

Ислам в источниках личного происхождения

С самого начала пребывания в Египте высшее командование Восточной армии призывало солдат уважать местные обычаи, в том числе религиозные. Бонапарт в обращении к армии кратко разъяснил основы религии местных жителей и то, как вести себя по отно-

¹ Бернуае – жене. Без даты // *Bernoyer F.* Op. cit. P. 83.

² *Journal du capitaine François...* P. 401.

шению к ним: «Люди, с которыми мы собираемся жить, – магометане. Первый догмат их веры гласит: “Нет Бога, кроме Бога, и Магомет – его пророк”. Не противоречьте им; поступайте с ними так, как мы поступали с евреями и с итальянцами; оказывайте почтение их муфтиям и имамам, как вы оказывали его раввинам и епископам; проявляйте по отношению к церемониям, которые предписывает Коран, к мечетям, ту же терпимость, которую вы проявляли к монастырям и синагогам, к религиям Моисея и Иисуса Христа»¹.

Каким оказалось впечатление от непосредственного соприкосновения с исламом у участников экспедиции, имевших уже некоторое представление об этой религии? Основной характеристикой ислама («магометанства» или «ислализма», как они его называли) французы считали фанатизм. Брикар пишет, что жители «соблюдают их [религиозные] законы с большой строгостью», а потому, во избежание бунта, надо не мешать им отправлять свой культ². Догеро отмечает, что во время Каирского восстания «повстанцы демонстрировали такую энергию, на которую в этой стране вдохновляет только религия»³. Бернуае считает, что султан смог побудить к восстанию жителей Египта, поскольку «османский двор прекрасно знает о фанатизме египтян, считающемся одним из самых сильных на Востоке»⁴. Он же подчеркивает, что именно мусульманские священнослужители разжигали фанатизм толпы «коварными и бунтарскими проповедями, в которых взывали к авторитету Бога и его Пророка, чтобы еще больше возбудить это сборище бешеных; это – великое средство, которое служители культа используют, чтобы всколыхнуть и привести в действие правоверных»⁵; Франсуа описывает фанатизм Сулеймана, убийцы Клебера, который отправился на «священную войну» против французов, ожидая, что за эти действия его ждет райская жизнь⁶, и который во время мучительной казни держался очень стойко⁷.

Эту преданность местного населения религии французы пытались использовать в своей политике по отношению к нему. С самого

¹ *Bourrienne L.-A. Mémoires de Bourrienne sur Napoléon, le Directoire, le Consulat, l'Empire et la Restauration. Vol. 3. Paris, 1829. P. 77–78; Бернуае – жене. 4 термидора VI года (22 июля 1798) // Bernoyer F. Op. cit. P. 83.*

² *Journal du canonnier Bricard... P. 317.*

³ *Doguereau J.-P. Op. cit. P. 169.*

⁴ Бернуае – жене. 30 нивоза VII года (9 января 1799) // *Bernoyer F. Op. cit. P. 128.*

⁵ Бернуае – жене. Без даты // *Ibid. P. 88.*

⁶ *Journal du capitaine François... P. 390.*

⁷ *Ibid. P. 396–397.*

начала пребывания французов в Египте ими распространялись прокламации на арабском языке, в которых Бонапарт заверял египтян в своих самых лучших намерениях: «Я больше, чем мамлюки, поклоняюсь богу всевышнему и почитаю Пророка и его великий Коран»¹. Жобер пишет по этому поводу другу: «Вы, парижане, возможно, будете смеяться над этой магометанской прокламацией главнокомандующего. Это – настоящий цирк, но она произвела большой эффект»². По-видимому, солдаты действительно считали, что местное население способно поверить сказанному в этих прокламациях, и сами использовали подобную демагогию в общении с местными жителями. Так, Буае в письме родителям приводит историю о том, как шейх одной из деревень, куда пришли французы, вышел им навстречу вместе со всем населением и спросил: «Какое право имеют христиане захватывать страну, которая принадлежит Великому Султану (*Grand Seigneur*)?»³. На что предприимчивый француз ответил: «Это по воле Бога и его пророка Магомета, которые нас сюда привели»³. После этого шейх, по словам Буае, спросил, поставил ли король Франции султана в известность о подобном действии и вообще как поживает король. Буае заверил его в том, что король договорился с султаном и прекрасно себя чувствует, после чего шейх поклялся Буае в своей дружбе. То есть, французы играли на религиозных чувствах египтян, используя также и их неосведомленность в мировой политике.

Хотя в источниках личного происхождения нет ни одного подробного описания ислама, тем не менее, участники экспедиции не раз упоминали о его отдельных сторонах или о своих представлениях о нем. Так, Бернуае отмечает, что слова «Нет Бога, кроме Бога, и Магомет – его пророк» настолько священны для мусульманина, что, произнесенные противником-иноверцем во время боя на арабском языке, они могут спасти ему жизнь⁴. Деженет пишет, что его восхищает вера в предопределенность у мусульман, в коей он находит философский смысл⁵. Догеро и Брикар рассказывают о правилах поста

¹ *Аль-Джабарти*. Указ. соч. С. 54. См. текст прокламации в главе 1.

² Жобер – Жоберу. 20 мессидора VI года (8 июля 1798) // *Copies of original letters...* Vol. 1. P. 26.

³ Буае – родителям. 10 термидора VI года (28 июля 1798) // *Ibid*. P. 139–140.

⁴ Бернуае – жене. Без даты // *Bernoyer F.* Op. cit. P. 79. Бернуае приводит слова шахады (араб. «свидетельство»), искреннее произнесение которой является условием принятия ислама.

⁵ Деженетт – жене. 9 термидора VI года (27 июля 1798) // *Copies of original letters...* Vol. 1. P. 99.

в месяц рамадан¹. Бернуае пишет, что Коран предписывает совершать паломничество в Мекку хотя бы раз в жизни для «поклонения гробнице их Пророка»². Описывая лагерь паломников в Каире, Бернуае удивляется тяжелым условиям существования в нем и опять возвращается к теме фанатизма: «Я был действительно поражен невероятными бедствиями и страданиями, которые терпят эти темные фанатики. Они верят, что ублажают Бога силой своих страданий и хотят заслужить его благоволение усердным соблюдением бессмысленных и смехотворных религиозных обрядов. Рассматривая этих несчастных паломников, одетых в рубища, я пытался понять мотивы, которые их приводят к подобному фанатизму. Как они могут закрывать глаза, не замечая просвещения, и уши от голоса разума?»³ Бернуае возлагает вину за это на мусульманских «священнослужителей» – «настоящих лжецов», которые «ловко обманывают, опираясь на невежество и легковерие этих людей»⁴ и которые, по его мнению, манипулируют правоверными. Догеро также упоминает про паломников, и пишет о важности поста амир-аль-хаджа (предводителя каравана паломников), получение которого считалось среди беев наиболее легким путем к обогащению, ведь именно он становился наследником любого умершего во время паломничества, а потому, пишет Догеро, «случаи убийств и отравлений во время паломничества часто имели место»⁵.

Как уже было показано выше, французы подчеркивали, что многие стороны жизни мусульман регламентируются нормами их религии – «законом Магомета»: запрет на вино, традиции брака, кровная месть, предписания соблюдать чистоту и т. д. Вийер дю Терраж также отмечает, что местные жители были поражены, когда увидели французов в зеленой одежде, ведь «этот цвет предназначен у них для потомков Магомета»⁶.

В период оккупации Египта французы столкнулись с «восстанием махди», которое охватило запад Дельты, в частности район Даманхура, в 1789–1799 гг. и было подавлено в июне 1799 г. Поскольку в суннитском исламе махди представляет собой своеобразного мессию, предвестника Судного дня, то в народе была ши-

¹ *Doguereau J.-P.* Op. cit. P. 54; *Journal du capitaine François...* P. 354–355.

² Бернуае – жене. 30 нивоза VII года (9 января 1799) // *Bernoyer F.* Op. cit. P. 126. Бернуае ошибается – могила пророка Мухаммада находится в Медине.

³ *Ibid.*

⁴ *Ibid.*

⁵ *Doguereau J.-P.* Op. cit. P. 54.

⁶ *De Villiers du Terrage É.* Op. cit. P. 72.

роко распространена вера в спасителя, который принесет избавление от жизненных тягот. Именно поэтому восстание, возглавляемое неким магрибинцем, было поддержано египтянами. Французы в источниках личного происхождения также упоминали о махди. Так, Догеро пишет, что махди – это «ангел, предвещавшийся Пророком в Коране», «который должен спуститься с небес»¹, и рассказывает про «самозванца», объявившего себя махди. Тем не менее не осведомленный в религиозных вопросах Догеро излагает неверную информацию. Махди не упоминается в Коране (только в хадисах) и не является ангелом. Примечательно, что и сам Бонапарт пытался использовать образ махди в своих целях. Как пишет Жоллуа, в декабре 1798 г. на заседании Института Египта Бонапарт рассказал о «прокламации жителям Египта, в которой сообщал, что ведает все секреты их сердца. Стиль этой прокламации был совсем пророческим»², причем, как уже упоминалось выше, она вызывала негодование у шейха аль-Джабарти³.

В дневниках и корреспонденции существует довольно много описаний дервишей, или суфиев, хотя французы не были знакомы с таким сложным и многогранным понятием, как суфизм, представляющим собой сумму религиозно-философских учений в исламе, в основе которого лежит идея мистического познания Бога⁴ и потому не понимали, кто же такие дервиши и для чего они совершают свои обряды, видя в них проявление фанатизма и дикости. Так, Детрое пишет, что на празднике в честь дня рождения Пророка присутствовали дервиши и что «люди очень почитают этих фанатиков, у которых длинные волосы и неопрятная одежда»⁵. Детрое поразил обряд зикра – духовной практики поминания Бога, обычно сопровождавшейся определенными ритмичными движениями, песнопениями и даже экстатическими танцами⁶. По словам Детрое, дервиши, встав в круг, все вместе раскачивались до полного изнеможения от своих «неистовых движений» и некоторые из них, как он слышал, даже умирали от этого⁷. Малюс также описывает «безумцев», которые доводят себя

¹ Doguereau J.-P. Op. cit. P. 122.

² Jollois J.-B.-P. Op. cit. P. 76.

³ См. об этой прокламации главу 2.

⁴ Подробнее см.: Кириллина С. А. Исламские институты Османского Египта в XVIII – первой трети XIX века. Lewiston; Queenston; Lampeter, 2000. С. 315–316.

⁵ De La Jonquière C. Op. cit. Vol. 2. P. 481–482.

⁶ Подробнее см.: Кныш А. Д. Мусульманский мистицизм. М.; СПб., 2004. С. 368–374.

⁷ Там же.

до изнеможения повторяющимися движениями и падают с пеной у рта, «изнуренные усталостью или яростью». По словам Малюса, это и есть дервиши, которым «позволено все; многие из них бегают по улицам в различное время года голыми, как обезьяны. Они живут только подающим»¹. Бернуае с огромным удивлением пишет, что видел на улицах Каира пожилую голую женщину, к которой местные жители относились с глубоким почтением и старались дотронуться до нее². Тот же Бернуае, наблюдая за различными, как он называет, «религиозными церемониями», происходившими на улицах Каира (например, заклинание змей), делает вывод, что «все религии восприимчивы к шарлатанству»³. Вийер дю Терраж также описывает поведение дервишей на празднике дня рождения Пророка, отмечая, что им все дозволено, а их отличительными чертами являются длинные волосы и нагота⁴. Увидев, как один из дервишей упал замертво, Вийер дю Терраж замечает: «Эти суеверные люди вызвали у меня жалость и презрение»⁵. Подобные картины вызвали недоумение французов и подтверждали их уверенность в невежестве египтян.

Как уже отмечалось, участники экспедиции вполне осознавали принципы религиозной политики Бонапарта по отношению к мусульманам и поддерживали ее. Так, Франсуа отмечает, что шейхи дивана искренне верили Бонапарту, который уверял их, что «отрекся от веры в Троицу, чтобы исповедовать только веру в Единство [единобожие], которая является основной в религии, проповедуемой Магометом»⁶. Кроме того, по его словам, обращение генерала Мену в ислам, обещание Бонапарта построить в Египте мечеть, способную соперничать со Айя-Софией в Стамбуле, и его религиозная политика в целом «обеспечили дружеское расположение турок, которые его [Бонапарта] называли “мечом Бога”»⁷. Брикар также считает религиозную политику Бонапарта политически обоснованной⁸.

Однако сам Бонапарт прекрасно осознавал зыбкость положения французов и ненадежность поддержки мусульман. Он не забывал о значимости опоры на христиан и старался играть на их противоречиях с мусульманским большинством. Перед отъездом из Египта Бонапарт пишет в инструкции Клеберу: «Христиане всегда останут-

¹ L'agenda de Malus... Op. cit. P. 90.

² Бернуае – жене. Без даты // *Bernoyer F.* Op. cit. P. 75–76.

³ Ibid. P. 72.

⁴ *De Villiers du Terrage É.* Op. cit. P. 71–72.

⁵ Ibid. P. 72.

⁶ *Journal du capitaine François...* P. 338–339.

⁷ Ibid. P. 339.

⁸ *Journal du canonnier Bricard...* P. 355.

ся нашими друзьями. Однако не нужно позволять им становиться слишком дерзкими, чтобы турки не относились к нам с тем же фанатизмом, какой испытывают по отношению к христианам, ибо это разрушит все возможности примирения»¹. Франсуа, описывая недостатки политики Мену, в частности вменяет ему в вину то, что он удалил коптов из дивана и заменил их мусульманами, которые не были столь же преданы главнокомандующему². В целом же в источниках личного происхождения содержится довольно мало информации о христианах Египта и об их взаимоотношениях с мусульманами. Дама в письме матери отмечает, что из миллиона жителей Каира около 60 тысяч – христиане, которые «очень спокойны и достаточно любят французов»³. Бернуае сообщает о своем разговоре с одним из египетских христиан, который признался, что выросшие среди мусульманского большинства христиане переняли не только многие их обычаи, но и религиозные принципы⁴. Более того, отмечается, что существуют места, священные для тех и других: Франсуа подчеркивает, что «Иерусалим уважается мусульманами. Он – один из святых городов, почитаемых в исламе»⁵, хотя, несомненно, Иерусалим был известен французам прежде всего как священный город христиан.

Таким образом, в дневниках и письмах приводятся лишь отрывочные сведения об исламе и межконфессиональных взаимоотношениях в Египте. Ислам предстает в этих сочинениях как религия фанатиков, с помощью которой священнослужители и султан могли манипулировать легко возбудимой толпой, а сами описываемые ритуалы и традиции трактуются как суеверия. Тем не менее в отличие от прессы Восточной армии, в дневниках и письмах не уделялось столь пристального внимания межконфессиональным конфликтам местных христиан и мусульман.

Наследие Древнего Египта

Участники экспедиции, безусловно, понимали, что прибыли в страну с богатым прошлым. Руины античных городов и памятники

¹ Бонапарт – Клеберу. 5 фрюктидора VII года (22 августа 1799) // *Copies of original letters...* Vol. 3. P. 11.

² *Journal du capitaine François...* P. 401–402.

³ Дюма – матери. 29 термидора (16 августа) // *Copies of original letters...* Vol. 2. P. 153.

⁴ Бернуае – кузену. 12 брюмера VII года (30 июля 1798) // *Bernoyer F. Op. cit.* P. 101.

⁵ *Journal du capitaine François...* P. 390.

Древнего Египта окружали их повсеместно, поэтому в большинстве писем и дневников солдат и ученых они упоминаются. Разумеется, в источниках личного происхождения исследователей, входивших в состав Комиссии по наукам и искусствам, образованной еще перед началом экспедиции, эта информация более полная. Так, инженеры П. Жоллуа и Э. Вийер дю Терраж, художник Д. Виван Денон подробно описывают памятники, виденные ими в разных городах Египта. Тщательно фиксирует все детали памятников в своих путевых заметках минеролог П. Кордье. Однако представители военных и вспомогательных служб тоже проявляли интерес к предметам старины: шеф бригады артиллерии Ж. Гробер, руководитель мастерской по изготовлению обмундирования для армии Востока Ф. Бернуае также уделяют внимание описанию древностей Египта.

Повествуя о наследии древнеегипетской цивилизации, участники экспедиции отмечали поразивший их контраст между древним Египтом, овеянным славой, описанным античными авторами, и современным, изумившим их запустением и бедностью. Как пишет Бернуае, хотя современные египтяне и выросли на той же почве, что и их предки, тем не менее они не то, что не могут что-либо создать сами, но даже разрушают полезные изобретения предков¹. А все это происходит, по его мнению, из-за рабского положения населения и деспотизма правительства.

Особенно ярко почувствовали французы это различие между древним и современным в Александрии городе, который они первым увидели в Египте и который был известен им как знаменитая столица древности. Некто Пистр в письме родственнику сообщает: «Я не знаю, как выразить, мой дорогой друг, то изумление, которое мы испытали при входе в этот город, столь прославленный, в котором не осталось ни малейшего великолепия и в котором находятся только следы некоторых древних памятников»². В письме родителям Буае, повествуя о невзрачности Александрии и невежестве ее жителей, восклицает: «И рядом с этой нищетой и мерзостью находятся остатки наиболее знаменитого города античности, наиболее драгоценные памятники искусства»³. По его словам, от древней Александрии в городе осталось лишь ее имя. Это мнение разделяет и артиллерийский генерал Ж.-П. Догеро, отмечая, что только груда руин сохранилась от древней Александрии, современный же город представлял собой,

¹ *Bernoyer F.* Op. cit. P. 47.

² Copies of original letters from the army of general Bonaparte in Egypt, intercepted by the fleet under the command of admiral Lord Nelson. Vol. 2. L., 1799. P. 144.

³ *Ibid.* P. 143.

по его словам, жалкое зрелище¹. Кордые пишет об «ужасной картине разрушения», представшей взору французов в Александрии, печальном состоянии страны, «когда-то такой красивой и процветающей, которая не сохранила никаких достоинств, кроме своей репутации, благодаря которой всегда привлекала путешественников, жадных до знаний»². Он же пишет, что французы «не могли не испытать грусти, когда думали, что эта несчастная страна когда-то была обителью наслаждений, где искусства и науки процветали среди многочисленного населения»³. Подобный контраст отмечался французами по всему Египту.

Участники экспедиции с разной степенью подробности изображали достопримечательности Александрии: колонну Помпея⁴, обелиск («Игла Клеопатры»), бани Клеопатры и т. д. Однако в их описаниях чувствуется сожаление, что увидеть знаменитый город, не раз воспетый античными историками, им не удалось. Как пишет архитектор Ш.-Д. Норри, «мы искали Александрию Александра, построенную архитектором Дейнократом; искали тот город, где были рождены и выросли столь великие люди, ту библиотеку, где Птолеми собрали сокровищницу человеческих знаний... мы не нашли ничего, кроме руин, варварства, унижения и бедности»⁵. Архитектор отмечает, что многие руины древнеегипетских памятников служат в современной Александрии материалом для других сооружений. Увидев в одной из мечетей прекрасный саркофаг, покрытый иероглифами, Норри подчеркивает, что, без сомнения, этот артефакт французы, возьмут с собой для музея в Париже⁶. Такие же мысли высказывал и Виван Денон, в том числе и об «Игле Клеопатры»⁷, ведь, как отмечали многие участники экспедиции, запустение древних памятников было допущено «турками».

¹ *Doguereau J.-P.* Journal de l'expédition d'Égypte / ed. par C. de La Jonquière. P., 1997. P. 12.

² Archives de l'Académie des sciences. Paris. 1 J 7. Dossier biographique P.-L. Cordier, 12 juin 1798. P. 3–4.

³ Ibid. P. 8–9.

⁴ Колонна Помпея, одна из достопримечательностей Александрии была возведена в конце III в. римским императором Диоклетианом. Ошибочно названа «колонной Помпея» крестоносцами. Гире указывает на эту ошибку в названии, хотя также ошибается, считая, что колонна возведена императором Марком Аврелием. Copies of original letters... Vol. 2. P. 54. О том же пишет Вийер дю Терраж: *De Villiers Du Terrage É.* Op. cit. P. 44.

⁵ *Norry Ch.* Op. cit. P. 33.

⁶ Ibid. P. 35.

⁷ *Denon V.* Op. cit. P. 33.

В действительности подобное восприятие французами древностей Александрии и отношение к ним вполне объясняются тем пониманием истории, которое сформировалось в эпоху Просвещения. Как отмечает французский историк Анри Лоранс, именно тогда в Европе сложилась следующая схема интерпретации арабской истории: на Востоке всегда господствовал деспотизм, что предопределено самой сутью ислама; если завоеватели-арабы, придя в Восточное Средиземноморье, смогли освоить научное наследие древних греков, обогатить его и поделиться им с Западом, то правление турок-османов деспотично и негативно во всех отношениях; европейцы должны принести свой рационализм на Восток и таким образом вернуть науку на ее родину¹. Эта концепция, по мнению историка, служила орудием борьбы против османов и ислама, обосновывая необходимость европейской экспансии на Восток. В те же годы, полагает исследователь, возник и исторический миф века Разума о том, что европейцы являются наследниками знаний древних египтян как наиболее развитой цивилизации древности, и этот миф не только послужил идеологическим обоснованием вторжения Бонапарта в Египет, но и продолжает влиять на восприятие Востока европейцами и в наши дни². В свете подобной интерпретации восточной истории европейцами того времени неудивительны выводы участников экспедиции Бонапарта относительно необходимости перемещения памятников Древнего Египта в Европу и обвинение мусульман в пренебрежении древностью.

В решающем сражении у пирамид перед боем Бонапарт обратился к армии, вновь подняв тему древности: «Только подумайте, с высоты этих монументов сорок веков смотрят на нас»³. Одержав решающую победу и заняв Каир, французы занялись обустройством своей жизни, в том числе научной. Однако до самих пирамид Гизы участники экспедиции добрались только осенью 1798 г. Первая группа, отправившаяся на плато 24 сентября 1798 г., состояла из нескольких ученых и была возглавлена самим Бонапартом⁴, причем эта экскурсия держалась в секрете, чтобы не вызвать слишком большого ажиотажа⁵. Посещение пирамид было небезопасным предприятием из-за возможных стычек с местным населением, поэтому туда от-

¹ *Laurens H. Les origines intellectuelles de l'expédition d'Égypte: l'orientalisme islamisant en France, 1698–1798. Istanbul; Paris, 1987. P. 191.*

² *Laurens H. Orientales I. Autour de l'expédition d'Égypte. P., 2004. P. 37.*

³ *Denon V. Op. cit. P. 41.*

⁴ *Laissus Y. L'Égypte, une aventure savante: avec Bonaparte, Kléber, Menou, 1798–1801. P., 1998. P. 204.*

⁵ *Jollois J.-B.-P. Op. cit. P. 76.*

правлялись с военным эскортом¹. Однако в течение всего периода французской оккупации Египта посещение пирамид пользовалось неизменной популярностью. Минеролог Кордье с сожалением замечает, что походы к пирамидам всегда сопровождались таким вниманием, что трудно было насладиться размышлениями, на которые наводят эти памятники. По его словам, подобное удовольствие доступно лишь немногим, и толпа не может этого понять². Как видно из дневников капитана Ш. Франсуа и полковника Ф. Виго-Руссильона, простые солдаты старались оставить автографы на пирамидах как снаружи, так и внутри³.

Многие участники экспедиции упоминают о пирамидах в своих записях. Так, Виван Денон, одним из первых посетивший знаменитые сооружения древности, пишет, что он был счастлив видеть «памятники, эпоха и цель сооружения которых теряются во мгле веков; моя душа была взволнована великим видом этих великих сооружений; я с сожалением наблюдал, как ночь опускает свой покров на картину, столь внушительную для глаз и для воображения»⁴. Художник восторгается грандиозными постройками Гизы, отмечая, что люди, их соорудившие, пытались «соперничать с природой в безграничности и вечности, и им это удалось, ведь горы, которые соседствуют с этими памятниками в своем дерзновении, ниже и не так хорошо сохранились»⁵. Однако, несмотря на восхищение пирамидами, Денон отмечает, что они построены деспотами-правителями и их послушными подданными⁶. Та же идея встречается во многих других описаниях пирамид. Так, по словам Бернуае, эти огромные глыбы, не скрепленные цементом, стоят многие века на своем месте, вызывая изумление и восхищение. Однако «при их виде воображение приходит в состояние растерянности: оно с трудом воспринимает существование людей достаточно глупых, тщеславных и могучих, чтобы создать сооружения столь огромные и дорогостоящие, которые, однако, не имеют никакой общественной пользы. В возведении этих громадных конструкций разум не может увидеть ничего, кроме сумасбродства горделивых тиранов»⁷.

¹ Ibid.; *Denon V. Op. cit.* P. 93.

² Archives de l'Académie des sciences. Paris. 1 J 7. Dossier biographique P.-L. Cordier, 12 juin 1798. P. 67–68.

³ *Vigo-Roussillon F. Journal de campagne: 1793–1837.* P., 1981. P. 89–90; *Journal du capitaine François (dit le Dromadaire d'Égypte), 1792–1830 // pr. par J. Jourquin.* P., 2003. P. 245.

⁴ *Denon V. Op. cit.* P. 91–92.

⁵ Ibid. P. 97.

⁶ Ibid. P. 96.

⁷ *Bernoyer F. Op. cit.* P. 84.

Таким образом, французы переносили свои представления о современном обществе Египта на его древнюю историю. Например, Ж. Гробер, оставивший подробное исследование пирамид Гизы, называет их «диковинными памятниками невежества и гордости»¹, отказывает пирамидам в красоте и величии, находя в них только необъятность, слезы строителей, «покорность и усталость поработанной нации»², считает, что египтяне прокляли царей, соорудивших великие пирамиды Гизы³, и идеализирует строителя наименьшей пирамиды плато Микерина, полагая, что тот «старался справедливостью и умеренностью предать забвению тиранию своих отца и дяди»⁴. Гробер в рассуждениях об истории Древнего Египта и в оценке построивших пирамиды царей опирается на рассказы античных историков (прежде всего Геродота и Диодора), которые изображали Хеопса и Хефрена в негативном свете, но в то же время мнение об этих памятниках древности как о символах тирании вполне отражают взгляды его времени на восточное общество, где, как считалось, царят деспотизм и рабство.

Минеролога Кордье, который много внимания уделяет описанию пирамид, очевидно, задевало такое отношение к древним монументам: «Большинство видевших пирамиды французов не обнаружили в них ничего, кроме безвкусовых глыб, состоящих из нагроможденных друг на друга камней; другие, признавая мастерство, которое было необходимо для их строительства, называли их памятниками тирании и страданий. Не знают ли они, что не существует в мире ни одного великого памятника, которые невозможно не связать с одним из трех великих бедствий человечества: честолюбием, суеверием и тиранией? И если где-то и когда-то существовало исключение, так это в Египте, где царь, как и простые люди, подчинялся закону, который даровал благо погребения или отказывал в таковом, без чего, считали они, нельзя обрести счастья после смерти; сей благотворный институт – следствие еще более благотворного убеждения»⁵. Как предполагал ученый, только цари, принцы и большие вельможи могли возводить пирамиды, чтобы «наблюдать... после смерти за людьми, которыми они правили при жизни»⁶. Более того, по мнению Кордье, если бы древние египтяне не испытывали такого почтения перед мертвыми и

¹ *Grobert J.-F.-L.* Op. cit. P. 5.

² *Ibid.* P. 46.

³ *Ibid.* P. 36.

⁴ *Ibid.* P. 97.

⁵ Archives de l'Académie des sciences. Paris. 1 J 7. Dossier biographique P.-L. Cordier, 12 juin 1798. P. 68–69.

⁶ *Ibid.* P. 85.

не возводили бы такие огромные постройки, древний Мемфис никогда бы не удалось найти потомкам¹. Как видно, ученый испытывает большое уважение перед культурой древних египтян, осознавая ее уникальность. Тем не менее в духе философии того времени Кордье полагает, что деспотизм и рабское сознание характерны для общества древнего Египта так же, как и для современного ему. Описывая население Дельты, он восклицает: «Кажется, это все те же [люди], что жили здесь 4 тысячи лет назад. Те же люди, кто работал над возведением пирамид, кто питался хлебом, луком и сыром, невежественные, как и тогда, смиренные, подчиненные привычному рабству, почитающие домашних животных, без которых не могут выжить, и знающие из религии Магомета только ежедневные ритуалы, как ранее знали только ритуалы культа Исиды»².

Участники экспедиции писали не только о пирамидах Гизы, но и о других пирамидах (Саккары, Мейдума и т. д.), описывали Сфинкса, отмечая, что его тело засыпано песком³, а нос отбит⁴.

Однако ученые не находились все время в Каире, они исследовали Дельту, помогали военным, участвовали в Сирийской кампании и изучали Верхний Египет. Первым из них, посетившим долину Нила, стал Виван Денон. Его путешествие было прелюдией к методическому и тщательному изучению Верхнего Египта, которое началось весной 1799 г. и продолжалось до ноября того же года⁵. Группа ученых – членов Комиссии по наукам и искусствам и Института Египта работала в верховьях Нила, изучая все стороны жизни этого региона и, конечно же, древние сооружения⁶.

У Вивана Денона, Жоллуа⁷ и Вийера дю Терража встречаются разные по степени подробности описания достопримечательностей Верхнего Египта. Величественные памятники той местности произвели большое впечатление на участников экспедиции. Жоллуа под-

¹ Archives de l'Académie des sciences. Paris. 1 J 7. Dossier biographique P.-L. Cordier, 12 juin 1798. P. 56.

² Ibid. P. 32.

³ *Jollois J.-B.-P.* Op. cit. P. 62; *Norry Ch.* Op. cit. P. 43–44.

⁴ *Jollois J.-B.-P.* Op. cit. P. 62.

⁵ *Laissus Y.* Op. cit. P. 277.

⁶ Об экспедиции в Верхний Египет и открытии памятников Древнего Египта см. главу Ж. К. Голвина в: *Laurens H., Gillispie Ch. C., Gokvin J.-C.* L'expédition d'Egypte, 1798–1801. P., 1989. P. 333–350.

⁷ В указанном выше издании дневника П. Жоллуа также опубликованы заметки и выдержки из дневников и других участников экспедиции в Верхний Египет с описанием увиденных памятников (Ж. Б. Фурье, Э.-Ф. Жомара, Ш.-Л. Бальзака и др.).

черкивает, что египтяне обладали глубокими знаниями: «При виде многочисленных колоссов, расположенных по обеим сторонам реки [Нила], нельзя не испытать чувство восхищения. Даже одного такого монумента, если бы его возвел какой-либо из современных народов, оказалось бы достаточно, чтобы прославить в потомстве то царствование, в которое это произошло бы. Потребовалось бы существенно усовершенствовать имеющиеся сегодня механизмы, ибо трудно себе представить, как при современном уровне наших знаний можно выполнить такие грандиозные работы, даже если и будет на то желание»¹. Он отмечает, что архитектуре древних египтян были присущи грандиозность и величественность. Особенно большое впечатление на инженера произвел храм в Дендере², поскольку, по его словам, посетив все достопримечательности Верхнего Египта и вернувшись в Дендери, он снова поразился «совершенству» этого храма. Вийер дю Терраж также отмечает впечатляющую архитектуру Дендерских построек, которая не похожа ни на греческую, ни на европейскую, и подчеркивает, что даже простые солдаты сворачивали с пути, чтобы подробнее рассмотреть восхитившие их здания³. Архитектор Ш.-Л. Бальзак называет храм Дендры самым красивым из увиденных, отмечая, что построившие его люди обладали «гением, дерзостью, талантом и терпением»⁴. Виван Денон с таким же восхищением описывает храм Дендры, высоко оценивая и постройку, и людей, ее воздвигнувших: «Я чувствовал, что на самом деле нахожусь в святилище искусства и наук! Как много эпох представились моему воображению при виде этого храма! Сколько веков понадобилось, чтобы нация-созидатель смогла достигнуть таких результатов, такого совершенства и возвышенности в искусствах!.. Какой постоянной мощью, богатством, изобилием и избытком средств должно было обладать правительство, чтобы воздвигнуть такое строение и найти в государстве людей, способных задумать и исполнить его постройку, украсить и дополнить всем тем, что дает пищу для глаз и ума! Никогда еще труд человека не представлялся мне столь древним и великим: на руинах Дендры египтяне показались мне гигантами»⁵. По словам художника, один из офицеров армии – Лятурнери – подошел к нему и сказал, что после увиденного в

¹ *Jollois J.-B.-P.* Op. cit. P. 116.

² Дендера – город в Верхнем Египте, в древности был центром почитания культа богини Хатхор. Храм Хатхор с великолепно сохранившимся зодиаком относится к Птолемеивской эпохе.

³ *De Villiers Du Terrage É.* Op. cit. P. 131.

⁴ *Jollois J.-B.-P.* Op. cit. P. 228.

⁵ *Denon V.* Op. cit. P. 179–180.

Дендере вся его усталость исчезла и что он навсегда запомнит Египет¹.

Памятники Луксора и Карнака – древних Фив античных авторов – также произвели большое впечатление на участников экспедиции, особенно своей масштабностью. Французы считали, что там перед ними предстали и храмы, и дворцы египтян – настолько непривычна им была идея огромных храмовых комплексов². Виван Денон отмечает, что при виде древних Фив армия остановилась и захлопала в ладоши³. Вийер дю Терраж пишет, что по прибытии в Луксор участники похода были поражены и восхищены грандиозностью и величественностью построек, но руины Карнака оказались еще более впечатляющими⁴. Тем не менее французы, чей художественный вкус был воспитан на примерах античного и европейского искусства, легче воспринимали и потому считали более соответствующими канонам красоты храм Дендеры. Так, Денон прямо полагает, что постройки Карнака и Луксора относятся, по-видимому, к начальному этапу зарождения искусства в Египте (временам Геродотовского царя Сесостриса, который, по мнению «отца истории», правил раньше Хеопса), когда масштабность и грандиозность превалировали в постройках над совершенством исполнения. По мнению же художника, красота независима от величины, а потому храмы Дендеры, Эсны и Эдфу ценились им выше⁵. Более того, в карнакских постройках Денон обнаружил несовершенную технику, «варварские барельефы» и «безвкусные иероглифы», полагая, что изящные и искусно выполненные обелиски были построены в Карнаке позднее⁶.

Памятники Верхнего Египта, несмотря на признание того, что их строители обладали глубокими познаниями в науках и точностью в расчетах, тем не менее также наводили участников экспедиции на мысли о деспотизме в древнеегипетском обществе. Вийер дю Терраж пишет о беспечности подданных и деспотизме правительства, воздвигнувшего карнакские постройки⁷. Виван Денон преувеличивает роль жречества в истории Древнего Египта – по его мнению, прави-

¹ *Denon V. Op. cit. P. 184.*

² Храмовые комплексы Карнака и Луксора включают в себя постройки различных эпох в истории Египта (в основном, от Нового царства до греко-римского периода) и культовые сооружения, посвященные различным древнеегипетским божествам, в частности Амону.

³ *Ibid. P. 186.*

⁴ *De Villiers Du Terrage É. Op. cit. P. 203–204.*

⁵ *Denon V. Op. cit. P. 257.*

⁶ *Ibid. P. 258.*

⁷ *De Villiers Du Terrage É. Op. cit. P. 205.*

тели Египта были заложниками могущественных жрецов, которые, в свою очередь, представлялись ему настоящими тиранами, единолично владевшими познаниями в науках и искусствах, а население Египта – покорными рабами¹.

Таким образом, восприятие древнеегипетской цивилизации у участников экспедиции было двояким: с одной стороны, ими отмечалась ее уникальность и величественность, обширные знания египтян, с другой – общество древнего Египта представлялось французам поделенным на тиранов и рабов. Следы цивилизации древних египтян произвели сильное впечатление на завоевателей, однако и в древнем обществе они находили те же черты деспотизма и рабского сознания, что и в современном им Египте. Вообще на страницах писем и дневников участников экспедиции не раз проводятся параллели между образом жизни древних и современных египтян. Тем не менее древние жители долины Нила представлялись французам более изобретательными и умелыми, чем их бездеятельные наследники, позволившие достижениям предков прийти в запустение².

Вийер дю Терраж повествует о том, как во время путешествия по окрестностям Асьюта местный проводник в разговоре с французами продемонстрировал кое-какие знания по истории Древнего Египта. Инженер полагал, что эти знания едва ли могли быть переданы ему с традицией, скорее «они ему были сообщены европейскими путешественниками»³. То есть, по его мнению, никакой преемственности в знаниях между древними и современными египтянами быть не могло, а эта фраза инженера лишь подтверждает то, что именно себя европейцы считали наследниками древних египтян.

* * *

Образ Востока в источниках личного происхождения не соответствовал официальному, насаждаемому через прессу французской армии. Египет был для участников экспедиции страной тяжелого климата, невежественного народа и поразительной нищеты, а потому главным желанием солдат и ученых было скорее вернуться домой.

¹ Denon V. Op. cit. P. 232–233.

² Эта мысль встречается очень часто в сочинениях участников экспедиции. Тем не менее Виван Денон при описании храма Эдфу, который местные жители застроили домами, восклицал: «Имеем ли мы право находить смешным то, что невежественные люди сооружают свои жалкие постройки и не боятся заслонить красоты, на которых они никогда не останавливают свой взгляд, когда у нас самих амфитеатр Нима загражден лачугами?» (Denon V. Op. cit. P. 197).

³ De Villiers Du Terrage É. Op. cit. P. 108.

Именно в сравнении с местными жителями, с их привычками, обычаями, религией и образом жизни французы осознавали свое превосходство в культурном плане. Соответственно в сочинениях участников экспедиции звучит мотив о необходимости «подтянуть» жителей Востока до уровня французов, высказывается убеждение в необходимости распространения ценностей Французской революции. Однако французы не всегда спешили применять эти идеи на практике, предпочитая на невежественном и жестоком, по их мнению, Востоке, действовать «принятыми здесь способами». То есть, сложившийся образ Востока определял и политику французов по отношению к нему. Дальнейшему развитию этого образа способствовали и обобщения относительно «восточных людей», которым приписывались специфические черты и обычаи – эти обобщения не раз встречаются на страницах источников личного происхождения. Более того, даже в обществе Древнего Египта французы находили те же черты восточного общества, что и в современном им Египте: деспотизм правителей, привычка к рабству, молчание и покорность остального населения. К тому же французы подчеркивали, что современные египтяне утратили знания предков, соответственно именно французы должны были вернуть им их.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Восточный поход Бонапарта стал поворотным пунктом в истории не только арабских стран и, в частности, Египта, где французское вторжение подорвало основы существовавшей многие столетия системы управления и откуда французы ушли в 1801 г., чтобы вернуться спустя десятилетие в качестве приглашенных египетским пашой Мухаммадом Али специалистов, но и в истории Европы. Эта экспедиция открыла миру древнеегипетскую цивилизацию, вызвала в Европе египтоманию и так близко столкнула французов с восточным «Другим».

Отличительной чертой этой экспедиции стало ее богатое научное содержание: по прибытии во Францию на протяжении нескольких десятилетий издавался главный труд ученых Египетского похода – многотомное «Описание Египта». В нем нашел отражение образ и нового Египта, и древнего. Очевидно, что этот осмысленный учеными образ мог отличаться от коллективных представлений остальных участников экспедиции. Если в массе своей французы экстраполировали характеристики деспотизма и рабства с современного Египта на древний, то в «Описании» Древний Египет, как показал французский египтолог К. Тронекер, идеализировался и изображался как своего рода утопия¹. Несомненно, определенный образ Востока формировался как в позднейших мемуарах участников экспедиции, так и в колониальных дискурсах той эпохи, однако проследить дальнейшую эволюцию этого образа – задача отдельного исследования.

В настоящей же работе было рассмотрено, как образ Востока, созданный сочинениями путешественников, менялся у отправившихся в Египетский поход французов при столкновении с реальностью; как он соотносился с образом Востока, формировавшимся на страницах

¹ См. главу Клода Тронекера в: *Laurens H., Gillispie Ch. C., Golvin J.-C. L'expédition d'Égypte, 1798–1801. P., 1989. P. 351–370.*

официальной прессы французской армии и с коллективными представлениями участников экспедиции; и как все эти образы влияли на политические практики французов в Египте, а также был рассмотрен арабский взгляд на французов.

Сочинения французских путешественников Савари и Вольнея, появившиеся относительно незадолго до вторжения Франции в Египет, описывали его как богатую, плодородную страну, сулящую немалые выгоды завоевателям и открытия исследователям, – страну, которую легко сумеет покорить современная европейская армия. Причем взгляд Савари был полон романтизма и идеализации, в то время как Вольней более трезво смотрел на вещи, подчеркивая суровость и непривычность для европейца окружающей среды в Египте. Тем не менее оба автора считали, что при мудром управлении Египтом экономика страны расцветет. Таким образом, лейтмотивом этих сочинений является мысль о цивилизаторской миссии европейцев, подкрепленная идеей Века Просвещения о том, что утраченные египтянами знания им помогут вернуть европейцы.

Этот же мотив воспроизводился и в официальной трактовке образа Востока на страницах газеты *Courrier de l'Égypte* и журнала *Décade Égyptienne*, в письмах и журналах участников экспедиции. Французы изначально считали себя выше египтян в политическом, военном, культурном и иных аспектах, в результате чего на страницах прессы встречались саркастические характеристики местного населения, а солдаты насмехались над некоторыми верованиями или привычками жителей Египта.

Но если Савари и Вольней намекали на то, что «освободителей» египтян от «тирании мамлюков и османов» может поддержать какая-то часть населения, то в действительности французы столкнулись с упорным сопротивлением подавляющего большинства местного населения, хотя некоторая его часть и пошла на сотрудничество с оккупантами. Потому для поддержания боевого духа солдат Восточной армии ее командование пыталось на страницах *Courrier de l'Égypte* и *Décade Égyptienne* изобразить местных жителей настоящими друзьями французов, которые им бесконечно благодарны, рады их прибытию и готовы перенимать их обычаи. Также пресса Восточной армии формировала образ Египта как богатой и плодородной страны.

Коллективные представления о Египте, отразившиеся в корреспонденции и дневниках участников экспедиции, перекликается как с впечатлениями Савари и Вольнея, так и с пропагандистской трактовкой образа Востока: население порабощено и невежественно, процветает деспотизм. В большинстве своем французы ожидали увидеть богатый край, но они столкнулись с нищетой и крайне негативным отношением местного населения. Безусловно, более всего участни-

ков экспедиции разочаровали идеализированные описания Савари. Солдаты и ученые в массе своей не замечали потенциальных богатств Египта, о которых писали и Савари, и Вольней, и пресса Восточной армии, и мечтали лишь об одном – вернуться домой. Официальный образ местного населения как благодарных французам друзей не соответствовал тому, что писали о египтянах участники экспедиции в своих дневниках и письмах.

Тем не менее ряд общих суждений был высказан и путешественниками на Восток в период, предшествующий экспедиции, и ее участниками – о невежестве местного населения и об исламе как религии фанатизма, которой мусульмане слепо преданы. Контактируя с местным населением и Бонапарт, и простые солдаты, пытались в своих целях использовать религиозность египтян. По их мнению, именно фанатизм, а не политика и действия оккупантов лежал в основе восстаний против последних.

Убедив себя в дикости и жестокости восточных людей, французы и сами поступали по отношению к ним так, как едва ли позволили бы себе поступить по отношению к европейцам. В повседневной практике оккупанты постоянно нарушали те самые лозунги и принципы, которые начертала на своих знаменах Французская революция и которые они, объявив себя «освободителями» Египта от османского и мамлюкского «деспотизма», якобы принесли с собой в эту страну. Если во Франции революция запретила работорговлю, ввела равное для всех сословий правосудие и налогообложение, то на Востоке ее солдаты и офицеры владели и торговали рабами, казнили без суда и всеми способами вымогали деньги у населения. Считая, что египтянам, «привыкшим жить в рабстве», понятен только язык насилия и страха, французы вели себя по отношению к ним соответствующим образом. Существовавший в сознании французов образ Востока определял их повседневную практику в Египте: идеи революции трансформировались здесь в идеи цивилизационного превосходства, положив начало эпохе колониализма на этой территории.

Надо отметить, что в изученных источниках, особенно личного происхождения, нередко встречается понятие «восточные люди» (*les Orientaux*), которым приписываются определенные черты (праздность, инертность, мрачность и т. д.) или неприемлемые для французов обычаи. Подобные обобщения способствовали формированию стереотипов о «восточных людях», живущих в необычном и неудобном для европейцев восточном городе, носящих непохожую на европейскую восточную одежду, слушающих «дикую» для западного человека восточную музыку и наслаждающихся неприличными, с точки зрения европейца, восточными танцами. Очевидно, что слово «восточный» в этом перечне можно заменить словом «другой» – ведь

именно на фоне другой культуры французы осознавали себя нацией, отличной от «восточных людей» и превосходящей их. К тому же, после Французской революции и успешных революционных кампаний был сформирован концепт *Grand Nation* как определения новой французской общности¹. Как видно из дневников и корреспонденции, участники экспедиции считали, что выполняют великую миссию распространения достижений революции, что вызывало у них чувство превосходства по отношению к местным жителям, не вкусившим ее благ, хотя сами завоеватели и не следовали провозглашенным ею принципам. Правда, случалось, что частные контакты с местными жителями порой меняли отношение к ним у некоторых из участников похода, однако это было скорее исключением, чем правилом.

Восприятие Востока участниками экспедиции вполне соответствовало устоявшимся в Новое время стереотипам: Египет представлял как страна рабства и деспотизма, ислам как религия, способствующая сохранению такого состояния. И все-таки экспедиция внесла и новое в эту картину восточного мира: представления о богатствах Египта, отраженные на страницах сочинений путешественников XVIII в., не нашли подтверждения в глазах большинства участников похода, а загадочная древняя цивилизация Египта обрела реальные черты и стала объектом не только романтического восхищения, но и научного исследования. Египет же того времени, если и потерял свой манящий флер загадочной восточной страны, то лишь для побывавших там французов, среди остальной части европейского общества эта экспедиция вызвала настоящий всплеск интереса к Востоку, который нашел отражение в живописи и литературе XIX в., проникнутых романтическими, пленительными и чувственными образами восточных стран. Египетский поход породил «моду на Восток» в Европе, хотя получившие там распространение художественные образы «восточной» жизни были слабо связаны с тем, что в действительности увидели участники похода.

Идея о необходимости цивилизовать население «отсталых» с европейской точки зрения стран, высказывавшаяся еще путешественниками предшествующей эпохи, стала едва ли не доминирующей в прессе Восточной армии и в источниках личного происхождения. Причем если в эпоху Просвещения негативные стороны восточного общества зачастую изображались французами в качестве имплицит-

¹ О развитии этого концепта Бонапартом см. статью Анри Лоранса: *Laurens H. Bonaparte, l'Orient et la Grande Nation // Annales Historiques de la Révolution Française. Juillet–septembre 1988. № 273. P. 289–301.* (Она же в: *Laurens H. Orientales I. Autour de l'expédition d'Égypte. P., 2004. P. 89–104.*)

ной критики собственной монархии, то в постреволюционную эпоху участники Восточной экспедиции уже не сомневались в превосходстве общественного и политического устройства своей страны и на фоне «отсталых» египтян преисполнялись гордостью за свою цивилизаторскую миссию. Со временем этот мотив только усиливался и породил колониальный дискурс, определявший политику европейских держав на Востоке и превратившийся к концу XIX в. в идеологию «бремени белого человека».

Что же касается арабского взгляда на французов, то, в отличие от западноевропейской цивилизации, создавшей собственно концепты «Запада» и «Востока», представители арабо-мусульманской цивилизации воспринимали французов в рамках традиционной для того времени картины мира, где определяющим являлся религиозный фактор. Она оставалась характерной для ближневосточного общества на протяжении долгого времени – со времен Арабского халифата и борьбы с крестоносцами вплоть до второй половины XIX – начала XX в., когда в арабо-османском мире произошли серьезные изменения в интеллектуальной сфере и появились концепции объединения народов одной империи или страны (османизм, ватанизм), вне зависимости от их религиозной принадлежности. Вторгнувшиеся в Египет на рубеже XVIII–XIX вв. французы воспринимались в первую очередь как чужаки и иноверцы или, что еще хуже по меркам традиционного общества, неверующие, посягнувшие на земли ислама и султана. Причем столкновение двух культур, имевших разные ценности в своей основе, обернулось потрясением для обеих сторон: если манеры и образ жизни египтян поражали французов своим «варварством», то большинство жителей Египта были о французах также невысокого мнения, считая их дикарями, ведущими предосудительный образ жизни, и святотатцами. Не зря представитель интеллектуальной элиты аль-Джабарти сравнивал нравы французов с нравами египетских «низов» – настолько возмутительно было поведение европейцев в глазах египетского богослова.

Мы располагаем гораздо большим количеством французских источников по теме исследования, чем арабских, что и предопределило содержание трех глав этой книги, посвященных французскому взгляду на Восток. Но, тем не менее, арабские хроники позволяют увидеть, что образованная верхушка общества понимала достижения французов в области науки и военного дела, и познания иноземцев вызывали восхищение у образованных египтян. Однако философские и политические идеи французов, в частности республиканские, не были услышаны в Египте того времени не только потому, что жители страны не были готовы к их восприятию, но и потому, что сами

оккупанты отнюдь не стремились в Египте следовать на практике идеям свободы, равенства и братства.

Новый правитель Египта Мухаммад Али, пришедший к власти в 1805 г. в результате того, что французы сломали бывшее могущество мамлюков, осознавал, что только благодаря модернизации системы управления и армии можно добиться укрепления страны и собственной власти в ней¹. Только в эпоху его правления, с развитием образования, французская философская мысль доходит до египетского читателя. Однако революции в Египте эти идеи не произвели². Наоборот, как показывает сочинение Рифаа ат-Тахтави (1801–1873) – одного из первых египетских просветителей, принадлежавшего к новой интеллектуальной элите Египта и новому поколению улама аль-Азхара, – о шестилетнем пребывании в Париже³, его восприятие французов во многом совпадало с восприятием аль-Джабарти: Франция для него оставалась «страной неверия и упрямства». Тем не менее, в отличие от аль-Джабарти, который был поражен знаниями французов, но считал, что их научные эксперименты нельзя понять и объяснить, ат-Тахтави, также высоко ценивший умения французов, вникал в их суть с целью дальнейшего применения на родине (концепция египетского отечества – «ватан» – как первый росток египетского самосознания также впервые появляется в сочинениях ат-Тахтави). Но он не просто слепо восхищался увиденным, а довольно критично подходил к оценке французов и особенно их философских идей, оставаясь на позициях египетского алима и стараясь перенять только те знания, что соотносятся с исламом и помогут развитию его страны.

Таким образом, египетская экспедиция, как и дальнейшее колониальное взаимодействие этих двух миров – европейского и арабомусульманского – показала фундаментальную разницу в основах двух цивилизаций, определявшую их взаимное восприятие и отношение друг к другу в XVIII–XIX вв.

¹ О Мухаммаде Али см.: *Marsot Afaf Lutfi Al-Sayyid*. Egypt in the Reign of Muhammad Ali. Cambridge, 1984.

² О трансляции и восприятии французской идеологии в Египте см.: *Laurens H., Gillispie Ch. C., Golvin J.-C.* Ibid. P. 329–331.

³ Перевод на русский язык: *ат-Тахтави, Рифаа Рафи*. Извлечение чистого золота из краткого описания Парижа, или Драгоценный диван сведений о Париже / перевод с араб. В. Н. Кирпиченко. М., 2009. Об ат-Тахтави и его сочинении см.: *Кирпиченко В. Н.* Рифаа ат-Тахтави и его книга «Извлечение чистого золота из краткого описания Парижа» // Там же. С. 197–233.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники

Неопубликованные

1. Archives de l'Académie des sciences. Paris. 1 J 7. Dossier biographique P.-L. Cordier, 12 juin 1798.
2. Archives du Ministère des affaires étrangères. Mémoire et documents. Turquie. 50 MD 15.
3. Archives du Ministère des affaires étrangères. Correspondance politique. Turquie. 133 CP 198.

Опубликованные

Арабские хроники

1. *Аль-Джабарти, Абд Ар-Рахман*. Египет в период экспедиции Бонапарта (1798–1801) / пер., предисл. и примеч. И. М. Фильштинского. М.: Изд-во восточной литературы, 1962.
2. *Al-Jabarti, Abd al-Rahman*. Al-Jabarti's Chronicle of the First seven Months of the French Occupation of Egypt. Muharram – Rajab 1213, 15 June–December 1798. Tarikh Muddat al-Faransis bi-Misr / ed. and transl. by S. Moreh. Leiden: Brill, 1975.
3. *El-Turk N*. Histoire de l'expédition française en Égypte / publ. et traduite par M. Desgranges. P.: Impr. royale, 1839 (Зикр тамаллюк джумхур аль-фарансавийя аль-актар аль-мысрийя ва-ль-биляд аш-шамийя – «Воспоминания о господстве французов в Египте и странах Шама»).
4. *Turc N*. Chronique d'Égypte 1798–1804 / ed. et tr. par G. Wiet. Le Caire: Imprimerie de l'Institut Français d'Archéologie Orientale, 1950. (Музакират Никула Турк – «Записки Никулы Турка»).

Пресса

1. Courrier de l'Égypte (1798–1801).
2. La Décade Égyptienne (1798–1801).

Корреспонденция

1. *Bernoyer F*. Avec Bonaparte en Égypte et en Syrie : 1798–1800. 19 lettres inédites / pr. par Ch. Tortel. P.: Éditions Curandora, 1981.
2. *Bonaparte N*. Correspondence générale. V. 2. La campagne d'Égypte et l'avènement, 1798–1799. P.: Fayard, 2005.

3. *Geoffroy Saint-Hilaire É.* Lettres écrites d'Égypte à Cuvier, Jussieu, Lacépède, Monge, Desgenettes, Redouté jeune, Norry, etc., aux professeurs du Muséum et à sa famille / publ. par le Dr. E.-T. Hamy. P.: Hachette, 1901.

4. *Morand Ch.* Lettres sur l'expédition d'Égypte: de l'Italie à la prise du Caire; suivies de son Carnet de route de chef de brigade: de Rome à Assouan. 1798–1799 / ed. par le comte Morand. P.: La Vouivre, 1998.

5. Copies of original letters from the army of general Bonaparte in Egypt, intercepted by the fleet under the command of admiral Lord Nelson. Vol. 1–3. L., 1799–1801.

Записки и дневники

1. *De Villiers du Terrage É.* Journal et souvenirs sur l'expédition d'Égypte. 1798–1801 / publ. par M. de Villiers du Terrage. P.: E. Plon, Nourrit, 1899.

2. *Denon V.* Voyages dans la basse et la haute Égypte, pendant les campagnes du général Bonaparte en 1798 et 1799. L., 1817.

3. *Doguerneau J.-P.* Journal de l'expédition d'Égypte / ed. par C. de La Jonquière. P.: La Vouivre, 1997.

4. *Grobert J.-F.-L.* Description des pyramides de Ghizé, de la ville du Kaire et de ses environs. P.: Logerot-Petiet, 1800.

5. *Jollois J.-B.-P.* Journal d'un ingénieur attaché à l'expédition d'Égypte, 1798–1802 / publ. par P. Leffèvre-Pontalis. P.: E. Leroux, 1904.

6. Journal du canonnier Bricard (1792–1802) / publ. par A. & J. Bricard. P.: Librairie Ch. Delagrave, 1891.

7. Journal du capitaine François (dit le Dromadaire d'Égypte), 1792–1830 / pr. par J. Jourquin. Nouv. éd. en 1 vol. P.: Tallandier, 2003.

8. Journal d'un dragon d'Égypte (14-e Dragons). Notes recueillies par C. M. P.: Imprimerie et Librairie Militaires Edmond Dubois, 1899.

9. L'agenda de Malus; souvenirs de l'expédition d'Égypte, 1798–1801 / publ. par le général Thoumas. P.: H. Champion, 1892.

10. L'état-major de Kleber en Égypte. 1798–1800. D'après leurs carnets, journaux, rapports et notes / ed. par S. Le Couëdic. P.: La Vouivre, 1997.

11. *Norry Ch.* Relation de l'expédition d'Égypte, suivie de la description de plusieurs des monumens de cette contrée, et ornée de figures. P.: Charles Pougens et magimel, an VII (1798–1799).

12. *Savary C.-E.* Lettres sur l'Égypte, où l'on offre le parallèle des moeurs anciennes et modernes de ses habitans, où l'on décrit l'état, le commerce, l'agriculture, le gouvernement et la religion du pays, la descente de S. Louis à Damiette, tirée de Joinville et des auteurs arabes, et avec des cartes géographiques. 3 vol. P., 1785–86.

13. *Vigo-Roussillon F.* Journal de campagne: 1793–1837. P.: Éditions France-Empire, 1981. Впервые опубликован в: L'expédition d'Égypte. Fragments des Mémoires militaires du colonel Vigo-Roussillon (1793–1837), première partie // Revue des deux mondes. Vol. 5. P. 576–609, 721–750.

14. *Volney C.-F.* Voyage en Syrie et en Égypte pendant les années 1783, 1784 et 1785. 2 vols. P., 1787.

Сборники документов

1. *De La Jonquière C.* L'Expédition d'Égypte (1798–1801) / nov. éd. (de la reprod. en fac-sim) par J. Garnier / sous la dir. de Jacques Garnier Publication : Paris : Teissèdre, 2003. Vol. 1–5.

Література

1. *Abu-Lughod, Ibrahim*. Arab Rediscovery of Europe: A Study in Cultural Encounters. Princeton: Princeton University Press, 1963.
2. *Ayalon D.* The Historian al-Jabarti and his Background // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. 1960. Vol. XXIII. Pt. 2. P. 217–249.
3. *Bainville J.* Bonaparte en Égypte. P.: Éd. de la Seine, 1998.
4. *Beaucour F., Laissus Y., Orgogozo C.* La Découverte de l'Égypte. P.: Flammarion, 1989.
5. *Beaucour F.-E.* L'expédition de Bonaparte en Égypte (1798–1801), aspects politique et militaire. P.: Centre d'études napoléoniennes, 1988.
6. *Benoist-Méchin J.* Bonaparte en Égypte ou Le rêve inassouvi: 1797–1801. P.: France loisirs, 1979.
7. *Boustani, Salah el-Din.* The press during the French expedition in Egypt, 1798–1801. Cairo: al-Arab Bookshop, 1954.
8. *Brégeon J.-J.* L'Égypte de Bonaparte. P.: Le Grand livre du mois, 1998.
9. *Brégeon J.-J.* L'Égypte française au jour le jour: 1798–1801. P.: Perrin, 1991.
10. *Bret P.* L'Égypte au temps de l'expédition de Bonaparte: 1798–1801. P.: Hachette, 1998.
11. *Carré J.-M.* Voyageurs et écrivains français en Égypte. Reproduction en fac-similé. Genève: Slatkine reprints, 2006.
12. *Charles-Roux F.* L'Angleterre et l'expédition française en Égypte. 2 vol. Le Caire: Impr. de l'Institut français d'Archéologie orientale, 1925.
13. *Charles-Roux F.* Les Origines de l'expédition d'Égypte. P.: Plon-Nourrit et Cie, 1910.
14. *De Meulenaere Ph.* Bibliographie raisonnée des témoignages oculaires imprimés de l'expédition d'Égypte: 1798–1801 / avant-propos de J. Tulard, préf. de J. Yoyotte. P.: F. et R. Chamonal, 1993.
15. *Derbyshire Seeber E.* Anti-slavery opinion in France during the second half of the eighteenth century. N. Y.: Lonox Hill Pub. & Dist. Co, 1937.
16. *Desmet-Grégoire H.* Le divan magique: l'Orient turc en France au XVIII-e siècle. P.: Sycomore, 1994.
17. *Forrest A.* Napoleon's men: the soldiers of the revolution and empire. N. Y.; L.: Continuum, 2006.
18. *Gaulmier J.* Un grand témoin de la révolution et de l'Empire. Volney. P.: Hachette, 1959.
19. *Gaulmier J.* L'idéologie Volney. 1757–1820. Beyrouth: Imprimerie catholique, 1951.
20. *Gibb, H. A.R., Bowen H.* Islamic society and the West: a study of the impact of Western civilization on Moslem culture in the Near East. Vol. 1. Islamic society in the eighteenth century. London, New-York, Toronto: Oxford University press. Pt 1., 1950; Pt 2., 1957.
21. *Goby J.-E.* Ingénieurs, témoins utiles de l'expédition d'Égypte: 1798–1801. P.: Bibliothèque nationale, 1978.
22. *Godlewska A.* The Napoleonic survey of Egypt: a masterpiece of cartographic compilation and early nineteenth-century fieldwork. North York, Canada: B. V. Gutsell, Winters college, York university, 1988.

23. *Haddad G. M.* The Historical Work of Niqula El-Turk (1763–1828) // Journal of the American Oriental Society. 1961. Vol. 81. № 3 (Aug.–Sep.). P. 247–251.
24. *Hanley W.* The Genesis of Napoleonic Propaganda, 1796–1799. N. Y.: Columbia University Press, 2002. URL: <http://www.gutenberg-e.org/haw01/index.html> (дата обращения: 09.09.2015).
25. *Harrigan M.* Veiled encounters: representing the Orient in 17th-century French travel literature. A.: Editions Rodopi B. V., 2008.
26. *Hathaway J., Barbir K.* The Arab Lands under Ottoman Rule, 1516–1800. Edinburgh: Pearson Education Limited, 2008.
27. *Irwin R.* For Lust of Knowing: The Orientalists and Their Enemies. L.: Allen Lane, 2006.
28. L'expédition d'Égypte, une entreprise des Lumières. 1798–1801. Actes de colloque 8–10 juin 1998 / réuni par P. Bret. P.: Editions in Forma, 1999.
29. L'expédition d'Égypte. 1798–1801. Mythes et réalités. Actes de colloque 16 et 17 juin 1998 (Direction éditorial et réalisation). P.: Noirot, D. Feintrenie, Editions in Forma, 1998.
30. *Laissus Y.* L'Égypte, une aventure savante: avec Bonaparte, Kléber, Menou, 1798–1801. P.: Le Grand livre du mois, 1998.
31. *Laurens H.* Les Origines intellectuelles de l'expédition d'Égypte: l'orientalisme islamisant en France, 1698–1798. Istanbul; Paris: Editions Isis, 1987.
32. *Laurens H.* L'expédition d'Égypte: 1798–1801. P.: Armad Colin, 1997.
33. *Laurens H.* Orientales I. Autour de l'expédition d'Égypte. P.: CNRS, 2004.
34. *Laurens H., Gillispie Ch. C., Golvin J.-C.* L'expédition d'Égypte, 1798–1801. P.: Armand Colin, 1989.
35. *Le Coat N.* Allegories Literary, Scientific, and Imperial: Representation of the Other in Writings on Egypt by Volney and Savary // The Eighteenth Century: Theory and Interpretation. 1997. Vol. 38. № 1. P. 3–22.
36. L'expédition d'Égypte, postérités et prospectives: séance solennelle des cinq académies : Institut de France, mercredi 10 juin 1998 / publ. par M. Georges Le Rider. P.: Palais d'Institut, 1998.
37. *Marsot, Afaf Lutfi Al-Sayyid.* A Comparative Study of Abd al-Rahman al-Jabarti and Niqula al-Turk // Eighteenth Century Egypt: The Arabic Manuscript Sources / ed. by D. Creelius. Los Angeles: Regina books, 1990. P. 115–126.
38. *Martin P.* Histoire de l'expédition française en Égypte. P.: J.-M. Eberhart, 1815.
39. *Martin W. L., Wigen K.* The Myth of Continents: A Critique of Metageography. California: University of California Press, 1997.
40. *McCabe I. B.* Orientalism in Early Modern France: Eurasian Trade, Exoticism, and the Ancien Régime. Oxford: Berg, 2008.
41. *Milleliri J.-M.* Médecins et soldats pendant l'expédition d'Égypte: 1798–1799. Nice: B. Giovanangeli, 1999.
42. *Neaimi, Sadek.* L'Islam au siècle des Lumières: image de la civilisation islamique chez les philosophes français du XVIIIe siècle. P.: L'Harmattan, 2003.

43. *Orientalism. A Reader* / ed. by A. L. Macfie. N. Y.: New York University Press, 2000.
44. *Philipp Th.* The French and the French Revolution in the Works of al-Jabarti // *Eighteenth Century Egypt: The Arabic Manuscript Sources* / ed. by D. Creelius. Los Angeles: Regina books, 1990.
45. *Raymond A.* Égyptiens et Français au Caire: 1798–1801. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale; Paris: diff. Impr. nationale, 1998.
46. *Reybaud L.* Histoire scientifique et militaire de l'expédition française en Égypte. P.: Gagniard, 1830.
47. *Rigault G.* Le général Abdallah Menou et la dernière phase de l'expédition d'Égypte (1799–1801). P.: Plon-Nourrit et Cie, 1911.
48. *Said E.* Orientalism. N. Y., 1979. Перевод на русский язык: *Саид Э.* Ориентализм. Западные концепция Востока / перевод с англ. А. В. Говорунова. СПб.: Русский мир, 2006.
49. *Skalkowski A.* Les Polonais en Egypte. 1798–1801. Cracovie: Imp. de l'Université à Cracovie, 1910.
50. *Van der Cruysse D.* De Bayle à Raynal. Le Prophète Muhammad à travers le prisme de Lumieres // *Orient et Lumières. Actes du colloque de Lattaquié (Syrie)*. Grenoble: l'Université de Grenoble, 1987. P. 85–96.
51. *Varisco D. M.* Reading "Orientalism": Said and the Unsaid. Seattle: University of Washington Press, 2007.
52. *Wassef S. A.* L'information et le presse officcielle en Égypte. Le Caire: l'Institut français d'Archéologie orientale, 1975.
53. *Weyergang M. E.* Niqula al-Turk as a source on the French Occupation of Egypt. Thesis for the Master of Arts Degree. American University in Cairo, 1985.
54. Захани, Ильхам. Руйят ар-раххаля аль-уруббин ли Мыср бейна ан-назаат аль-инсанийя ва-л-истиамарийя. Каир: Дар аш-шурук, 2005. («Взгляд европейских путешественников на Египет: между гуманизмом и колониализмом»).
55. *Аш-Шаркави, Мухаммад.* Дирасат фи та'рих ал-Джабарти. Миср фи-л-карн ас-самин 'ашар. Т. 1. Каир, 1955–1956.
56. *Ат-Тахтави, Рифа'а Рафи.* Извлечение чистого золота из краткого описания Парижа, или Драгоценный диван сведений о Париже / перевод с араб. В. Н. Кирпиченко. М.: Наука, 2009.
57. *Ацамба Ф. М.; Кириллина С. А.* Религия и власть: ислам в Османском Египте (XVIII – первая четверть XIX в.). М.: Изд-во МГУ, 1996.
58. *Жантиев Д. Р.* Традиция и модернизация на Арабском Востоке: реформы в сирийских провинциях Османской империи в конце XVIII – начале XX века. М.: Древо жизни, 1998.
59. *Илюшина М. Ю.* Мамлюкский политический режим в Египте в XVIII в. (1711–1798). Основные направления внутренней и внешней политики. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2009.
60. *Ислам: Энциклопедический словарь* / отв. ред. С. М. Прозоров. М.: Наука, 1991.
61. *Кириллина С. А.* Исламские институты Османского Египта в XVIII – первой трети XIX века. Lewiston; Queenston; Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2000.

62. *Кирпиченко В. Н.* Рифаа ат-Тахтави и его книга «Извлечение чистого золота из краткого описания Парижа» // *Ат-Тахтави Рифаа Рафи.* Извлечение чистого золота из краткого описания Парижа, или Драгоценный диван сведений о Париже / перевод с араб. В. Н. Кирпиченко. М.: Наука, 2009. С. 197–233.

63. *Кныш А. Д.* Мусульманский мистицизм. М.; СПб.: Дия, 2004.

64. *Кобищанов Т. Ю.* Христианские общины в арабо-османском мире (XVII – первая треть XIX века). М.: Доброе слово, 2003.

65. *Кросби-Арнольд М. Б.* Была ли война 1812 г. связана с экономикой? О причинах похода Наполеона на Россию // Французский ежегодник 2013. «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 33–60.

66. *Куделин А. А.* Эволюция социально-политических институтов Османского Египта (XVII – первая половина XVIII в.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2010.

67. *Нойманн И.* Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое изд-во, 2004.

68. *Одиссей.* Человек в истории. 1993. Образ «Другого» в культуре. М.: Наука, 1994.

69. *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. М.: Круг, 2011.

70. *Смирнов В. Е.* Роль военной организации в формировании и развитии социально-политической структуры Османского Египта: XVI–XVIII вв. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009.

71. *Прусская Е. А.* Арабские хроники как источник по истории Египетской экспедиции Бонапарта // Французский ежегодник 2010. Источники по истории Французской революции XVIII в. и эпохе Наполеона. М., 2010. С. 274–290.

72. *Прусская Е. А.* Египет в сочинениях французских путешественников К.-Э. Савари и К. Ф. Вольнея в конце XVIII в. // Вопросы истории. № 1. 2012. С. 111–121.

73. *Прусская Е. А.* Французская пресса в Египте о мусульманском Востоке (1798–1801) // Французский ежегодник 2012. 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 г. С. 223–251.

74. *Прусская Е. А.* Образ Востока в дневниках и письмах участников Египетского похода (1798–1801) // Французский ежегодник 2014. Т. 2. Франция и Восток. С. 166–188.

75. *Фильштинский И. М.* Египетский историк ал-Джабарти и его хроника // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 4. С. 63–74.

76. *Чудинов А. В.* Сражение при Гелиополисе, или Забытая победа // Французский ежегодник 2014. Т. 2. Франция и Восток. М.: ИВИ РАН, 2014. С. 122–165.

77. *Шенк Ф. Б.* Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе от эпохи Просвещения до наших дней // Новое литературное обозрение. 2001. № 6 (52). С. 49–61.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹

- А**
Абдель-Малек, Анвар – 8
Абу-Лугод, Ибрагим – 34
Айуб-бей – 51
Авриёри – 139
Айалон, Дэвид – 10
Али-бей аль-Кабир – 21, 65, 77
Амр ибн аль-Ас – 72, 95, 141
Андреосси, Антуан Франсуа – 98, 99, 108, 111–113
Анкетиль-Дюперрон, Абрахам Гиацинт – 21, 75, 83
Ахмад-паша аль-Джаззар – 27, 91, 94, 95
- Б**
Бальзак, Шарль-Луи – 164, 165
Башир II, ливанский эмир – 30
Бейбарс, мамлюкский султан – 46
Бельяр, Огюстен Даниэль – 17, 57, 129, 133, 134
Бернуае, Франсуа – 15, 16, 121–123, 126, 132–133, 135–137, 138, 143, 144, 147–155, 157–159, 162
Бертье, Луи Александр – 119
Бидон, Луи Жозеф Виктор Жульен де – 109
Брикар, Луи-Жозеф – 15, 16, 126–129, 131, 135, 136, 139, 140, 145–147, 153, 154, 157
Буае – 118, 128, 130, 135, 138, 145, 154, 159
Бурьен, Луи Антуан Фовель де – 144
- В**
Ванслеб, Иоганн Микаэль – 12
Вассеф, Сами Амин – 88, 90, 95
Вейерганг, Маргарета – 11
Вержен, Шарль Гравье де – 22
Виван Денон, Доминик – 17, 120, 129–131, 133, 137, 142, 143, 145, 146, 148, 150, 159, 160, 162, 164–167
Виго-Руссильон, Франсуа Поль – 14–16, 131, 138, 140, 141, 162
- Вийер дю Терраж, Эдуард де – 14, 15, 17, 135, 70, 145, 146, 155, 157, 159, 160, 164–167
Вольней – 12, 64–69, 72–75, 77–86, 95, 114, 118, 120, 121, 127, 170, 171
Вольтер (Франсуа-Мари Аруэ) – 12, 74, 101
Вьет, Гастон – 11, 12, 31, 41, 46
- Г**
Ге – 124, 163
Геродот – 113
Гире – 120, 160
Гомер – 81, 82
Гомье, Жан – 65
Гриве – 120
Гробер, Жак – 16, 159, 163
- Д**
Дамá, Франсуа-Этьен де – 120, 135, 146, 158
Дандас, Генри – 89
Дахир аль-Умар – 21
Дегранж, Аликс – 11, 12, 30, 31, 59, 96
Деженетт, Рене-Николя – 88, 89, 106, 130, 135, 145, 147, 154
Дезе, Луи Шарль Антуан – 105, 117, 146
Дейнократ – 160
Детрое, Жан-Франсуа – 17, 141, 144–146, 156
Дидро, Дени – 65, 75
Диодор – 163
аль-Джабарти, Абд ар-Рахман – 10, 11, 23, 27, 29–62, 91, 156, 173, 174
Догеро, Жан-Пьер – 14–16, 123, 124, 126, 128, 130, 140, 141, 143, 144, 148, 151, 153–156, 159
Дюбуа-Айме, Жан Мари – 109
Дюга, Шарль Франсуа Жозеф – 115
- Ж**
Жантшев, Дмитрий Рустемович – 90
Жирар, Пьер Симон – 100
Жобер, Пьер-Амадей (?) – 118, 143, 154

¹ Курсивом выделены фамилии исследователей, встречающиеся в тексте.

Жоллуа, Жан Батист Проспер – 15, 17, 126,
140, 141, 156, 159, 164

Жонкьер, Клемент де ля – 14, 17

З

Зайончек, Юзеф – 149

И

Ибрагим-бей – 21, 25, 77, 98

К

Кабанис, Пьер Жан Жорж – 66

Карре, Жан-Мари – 65–67

Клебер, Жан-Батист – 15, 16, 27, 28, 31, 40,
41, 53, 58, 61, 88, 89, 92, 96, 115, 116, 130,
133, 134, 142, 144, 146, 148, 149, 153, 157

Кондильяк, Этьен Бонно – 65, 66

Кордье, Пьер Луи – 17, 140, 145, 159, 160,
162–164

Костаз, Луи – 113

Кройс, Дирк ван дер – 75

Л

Лазовски, Йозеф Феликс – 27

Лакюе – 119, 129, 130, 132

Лансре, Мишель-Анж – 105

Ланюс, Пьер – 62

Ле Коат, Наннет – 66, 81, 82, 114

Лемонье, Луи Гийом – 65

Ле Пер, Гратьен – 99, 118

Ле Тюрк, Франсуа Шарль Мишель – 119

Лейбниц, Готфрид Вильгельм – 21

Линней, Карл – 66

Лоранс, Анри – 9, 19, 74, 83, 85, 161, 172

Людовик XIV, король Франции – 12, 21

Людовик XVI, король Франции – 34, 61, 65

Людовик Святой, король Франции – 46

Люзиньян, Совёр – 12

Люка, Поль – 12, 104, 105

Лятурнери, Этьен Жозеф – 165

Маалюф, Исса – 30

Майе, Бенуа де, дипломат – 12

М

Малюс, Этьен Луи – 15, 16, 135, 136, 142,
156, 157

Марсель, Жан-Жозеф – 87, 96, 103

Марсо, Афаф Лутфи ас-Сайид – 31, 57

МакКейб, Ина Багдианц – 83

Мену, Жак-Франсуа – 28, 29, 35, 45, 46, 53,
54, 58, 61, 62, 88, 89, 91, 92, 102, 109, 123,
133, 149, 151, 152, 157, 158

Микерин, царь Египта – 163

Монтескье, Шарль Луи де – 75, 83

Моран, Шарль Антуан Луи Алексис – 15,
16, 117, 120, 121, 122, 128, 135, 139–143,
146, 147

Море, Шмуэль – 11, 32

Мурад-бей – 21, 25, 26, 55, 65, 77, 131, 142

Мухаммад (Магомет), пророк – 50, 59, 65,
73–75, 91, 101, 103, 146, 155,

Мухаммад Абу-з-Захаб – 21,

Мухаммад Кураим – 23,

Мухаммад Али, паша Египта – 29, 30, 169,
175

Мюрат, Иоахим – 56

Н

Наполеон Бонапарт – 5, 8–9, 11–13, 15–17,

19, 21–29, 32–37, 40, 4, 4, 43, 45, 46, 48, 50,

55, 56, 58–61, 64, 67, 85–99, 104, 108,

115–116, 118, 121, 123, 125, 127–

129, 131–134, 136–137, 143, 144, 149,

150, 152, 154, 156, 157, 161, 169, 171, 172

Неаими, Садек – 75

Нельсон, Горацио – 23, 25

Норри, Шарль – 17, 118, 160

Нуэ, Никола Антуан – 113

О

Орель, Марк – 87

П

Перре, Жан Батист – 124

Пистр – 120, 124, 128, 133, 159

Поккок, Ричард – 12

Проспер, Жоллуа – 119

Пуссельг, Жан-Батист – 16, 117, 125

Пюнье – 112

Р

Рампон, Антуан-Гийом – 141

Ренати – 110, 111

Ренье, Жан-Луи-Эбенезер – 109

Риго, Мишель – 104

Рифаа ат-Тахтави – 174

Рози – 120, 122, 128, 129

Розьер, Франсуа Мишель де – 107

Руссо, Жан-Жак – 75

С

Савари, Анн Жан Мари Рене – 146

Савари, Клод-Этьен – 12, 64–71, 73–77, 79–
86, 118–120, 127, 144, 170, 171

ас-Садат, Абу-ль-Анвар – 50, 58

Санд, Эдвард – 8, 9

Сезероль, Венсан Робер Мари – 109

Селим I, османский султан – 19, 76, 77

Сен-Дидье – 22

Сен-При, Франсуа Эммануэль Гиньяр
де – 22

Сент-Илер, Этьен Жоффруа – 15, 17, 109,
119, 122, 135, 144–147, 151

Сесострис – 166

Сикар, Клод – 12
Сулейман аль-Халяби – 28, 40, 41, 149, 153
Сулковский, Юзеф – 90, 97, 98

Т

Талейран, Шарль Морис – 22
Тальен, Жан Ламбер – 89, 144
Тевенан, Анкетиль – 21
Тевено, Жан – 12
Тернер, Брайан С. – 8
Тибави, Абдул Латиф – 8
Тотт, Франсуа де – 12
Траси, Дестют де – 66
Тронекер, Клод – 169
ат-Турк, Никула – 10–12, 29–34, 37–39, 41,
43–45, 46, 49–51, 54, 56–62, 90, 96, 97
ат-Турк, Варда – 30
Тюрго, Анн Робер Жак – 65

У

Умар ибн аль-Хаттаб, праведный халиф – 95

Ф

Фарук I, король Египта – 11
Филит, Томас – 31, 42, 46
Форрест, Аллан – 13

Франсуа, Шарль – 14, 16, 126, 128, 130–132,
137–140, 145, 147–149, 151–153, 157,
158, 162

Фурье, Жан Батист Жозеф – 36, 88, 164

Х

Хаддад, Джордж – 45
Хеопс, царь Египта – 163, 166
Хефрен, царь Египта – 163
Хусайн, внук пророка Мухаммада – 50
Хэнли, Уэйн – 13

Ш

Шаброль де Вольвик, Гилбер Жозеф – 112
Шамбо – 105, 112
аш-Шаркави, Абдаллах – 35,
аш-Шаркави, Мухаммад – 30, 43
Шассёбёф, Константен-Франсуа, см. Воль-
ней
Шейхо, Луис – 30
Шешни (МакШихи), Бернар – 129, 144

Э

д'Эрбело, Бартелеми – 12

Ю

Юсуф-паша – 10, 94

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Амир аль-хадж (араб.) – предводитель каравана паломников.

Бей (тур. «господин») – османский почетный титул.

Везир (араб. *вазир*) – высший государственный сановник в Османской империи.

Дервиш (тур.) – то же, что «суфий» – последователь мистико-аскетического движения в исламе – суфизма.

Диван (араб. от перс.) – характерный для Османской империи совещательный орган, представляющий собой собрание сановников при правителе с исполнительными, судебными и законодательными функциями.

Кадий (араб.) – мусульманский судья.

Мамлюки (араб. «находящийся во владении») – социальный слой невольников, которые закупались для несения воинской службы.

Махди (араб. «ведомый Богом») – в исламе провозвестник конца света и последний преемник пророка Мухаммада.

Минбар (араб.) – кафедра проповедника в мечети.

Паша (тур. от перс.) – титул высших военных и гражданских чиновников в Османской империи.

Пашалык (тур.) – область Османской империи, управляемая пашой.

Улама (араб., мн. ч., ед. ч. – «алим») – высшая прослойка мусульманских духовных лиц – ученые богословы, знатоки права, хранители религиозных традиций.

Хадис (араб. «новость», «рассказ») – предание о словах и действиях пророка Мухаммада.

Шейх (араб. *шайх* – «старец») – почетный титул благочестивого человека.

Шейх аль-балад (араб.) – «глава страны», титул неформального лидера мамлюкских беев в Османском Египте XVIII в.

Шериф (араб. *шариф* – «благородный»; мн. ч. *ашраф*) – почетное звание потомков пророка Мухаммада.

Чорбаджи (тур.) – военный чин у янычар.

Эмир (араб. *амир* – «правитель») – почетный титул.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА

“**Политическая энциклопедия**”

РОССПЭН

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН РОССПЭН

Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1
тел. +7 (495) 111-32-75 ст. м. «Марьиная Роща»

КИОСК 1

Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19
тел. +7 (499) 126-94-18 ст. м. «Академическая»

КНИЖНАЯ ЛАВКА ИСТОРИКА

Москва, ул. Большая Дмитровка, д. 15
тел. +7 (495) 694-50-07 ст. м. «Пушкинская»,
«Охотный ряд», «Театральная»

интернет-магазин издательства

<http://www.rosspen.ru>

КНИГИ ПО ЦЕНАМ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Паучное издание

Мир французской революции

Прусская Евгения Александровна

Французская экспедиция в Египет 1798–1801 гг.: взаимное восприятие двух цивилизаций

Ведущий редактор *Н. А. Вольничик*

Редактор *М. А. Айламазян*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *А. Ю. Никулин*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Е. Д. Щепалова*

Компьютерная верстка *Т. Т. Богданова*

Корректор *Н. Н. Доломанова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 03.02.2016

Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 11,5

Тираж 1000 экз. Заказ 769

Издательство «Политическая энциклопедия»

127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1

Тел.: 8 (499) 685-15-75 (общий, факс), 8 (499) 709-72-95 (отдел реализации)

Отпечатано способом ролевой струйной печати

в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

Египетская экспедиция (1798–1801) вошла в историю как одна из крупнейших военно-стратегических неудач Наполеона Бонапарта. Если ее последствия лично для него оказались не столь фатальными, как результаты «русской кампании» 1812 г., то лишь потому, что молодой главнокомандующий не стал дожидаться печальной развязки и вовремя сбежал со своим окружением во Францию, бросив армию в песках Египта. В то же время эта кампания, с которой началась эпоха активной колониальной политики европейских стран в регионе Ближнего Востока и Магриба, ознаменовала собой начало новой стадии в отношениях Востока и Запада, а столкновение столь непохожих культур обернулось потрясением для обеих сторон.

Данная монография посвящена Египетскому походу и связанной с ним более широкой теме взаимного восприятия Запада и Востока в Новое время. В книге предпринимается попытка реконструировать представления французов и жителей Египта друг о друге, а также выявить факторы, влиявшие на их формирование.

Исследование основано на широком круге источников: арабских хрониках, сочинениях путешественников, прессе, дневниках и письмах участников Египетского похода, как опубликованных, так и впервые вводимых в научный оборот.